

Анатолий Дячинский

КАЗАХСТАН

Петропавловск

Кокчетав

**О ТЕХ,
ПОЗАБЫТЫХ,
СКАЖИТЕ
ХОТЬ СЛОВО**

Москва

РОССИЯ

УКРАИНА

Житомир

ПОЛЬША

Варшава

Для средней школы № 4
Таймыши с коллегами
поселянами

Автор: ~~А. А.~~ 26.07.2006г.

**Моим землякам – казахстанцам в 70 – ю годовщину
ссылки, в 70 – годовщину образования села и колхоза,
посвящаю эту книгу.**

Автор.

Анатолий Дячинский
(*Anatol Diaczyński*)

**О ТЕХ,
ПОЗАБЫТЫХ,
СКАЖИТЕ
ХОТЬ СЛОВО**

Stalowa Wola 2006 r.

**Проект обложки:
Петр Скаковский.**

**Фотография автора:
Ежы Мельничук.**

**Компьютерный набор и корректура:
автор.**

**Спонсоры:
Президент Республики Польша.
Автор.**

ОТ АВТОРА

Дорогие мои земляки! Все те, среди которых я родился, вырос и жил в моем селе, районе, области. В моей Республике Казахстан. О вас и для вас написана эта книга.

Прежде всего пишу здесь конечно о поляках, которые были сосланы в Казахстан с западной Украины в 1936 году. Были они сосланы с тех мест, где когда – то находился Польский автономный район имени Мархлевского. В разговорах его обычно называли мархлевщицкой. Находился он поблизости тех границ Польши, которые существовали до 1939 года. То есть, до нападения на Польшу Германии с одной стороны и Советского Союза с другой, и ее раздела между этими двумя противниками. Восточная часть Польши так и осталась после войны принадлежать СССР, Украине.

Этот автономный район был образован решением властей в Москве в 1925 году. В то время Сталин и его сподвижники еще старались показать и доказать всему миру, что они помнят и заботятся о развитии всех национальностей, находящихся на территории СССР, в том числе о поляках.

В Москве имели также большие надежды на то, что поляки из этой автономии со временем станут примером для всей Польши. Покажут для своих заграничных земляков, как надо жить и работать при советской власти и в коллективных хозяйствах.

Однако поляки в этой автономии в колхозы как раз и не стремились, и положительным примером для своих буржуазных земляков быть никак не могли. Скорее, наоборот, сами были не против перебраться обратно в Польшу. Поэтому после 10 лет своего существования Польскую автономию ликвидировали, а проживавших там и в прилегающих местностях поляков начали принудительно, эшелон за эшелон вывозить в Казахстан.

Таким путем Сталин решал сразу две проблемы. Ликвидировал строптивых, непокорных поляков возле границ буржуаз-

онного катаклизма, который в свою очередь родил Советскую Россию.

Несмотря на видимость изменений, советское государство получило в наследство от царского деспотизм и довело до диктаторства уже испытанную в истории технику управления властью, которая была несчастьем также для самой России.

Поляки после русских были самыми многочисленными участниками революции на всех ее уровнях. Поэтому свержение царя они встретили с надеждой на лучшее будущее, также как и все другие народы упавшей империи. А потом - что было, то было - начался великий поход революционной армии сначала на Варшаву, а потом, по плану, и на всю Европу.

Однако по дороге случилось "чудо над Вислой". Голодная, слабо вооруженная польская армия вместе со сражающимся бок обок с нею гражданским населением и опираясь на мудрую оборонительную стратегию главнокомандующего Юзефа Пилсудского и генерала Розвадовского, отбила наступление Красной Армии на предместьях Варшавы. Задержала их марш на самом пороге Европы, на пороге охваченной мятежом Германии. Организаторам похода не удалось перенести революционный огонь на весь остальной мир.

В связи с чем не осуществилось также намерение новой советской власти – организации над Вислой Польской Советской Республики. Однако Москва не отступила от другого своего намерения: создании польского революционного авангарда в районах наиболее заселенных поляками, то есть на Подолье, в окрестностях Каменца Подольского, в Пłosкурове и Житомере, Бердычеве и Виннице. В сентябре 1925 года декретом Москвы под Житомером был организован первый польский автономный округ имени Мархлевского, так называемая мархлевщина. Центром округа стал город Долбышев, переименованный в Мархлевск. Официальным административным языком был польский, который был обязателен в школах, учреждениях и в милиции. Из Мархлевщины происходят также подлинные персонажи, показанные в этой книге. Со временем начатый там

польский эксперимент должен был подготовить революционные кадры для будущей Польской Советской Республики.

В конце двадцатых годов по всей стране началась коллективизация, идущая в пару с погромом так называемых кулаков. Ликвидация кулачества поредила также польские села. С 1930 года среди проживавших там других национальностей было начато распространение антипольских настроений. Следом за ними усилился террор. НКВД начало проводить контроль за деятельностью польских организаций, клубов, школ, научных учреждений и газет, который заканчивался «чистками».

Постоянно подчеркивалось безразличие поляков к социализму и пролетарской культуре, их нежелание к коллективному хозяйствованию и непонимание ими принципов классовой борьбы. Сотни тысяч поляков, объявивших в проводившимся тогда втором туре опроса населения, о своем желании выезда в Польшу, названо идеологическими дезертирами. Их судьба была предрешена.

В первой атаке наступила расправа с католическими священниками. Ликвидации подлежали все католические парафии и костелы, которые потом чаще всего были переделываны под склады или же кинозалы.

Начиная с 1936 года террор охватил все польские общества. Были они уже определяемы не только как ненадежный, но и вообще, как идеологически вражеский элемент. Повсюду распространялось мнение, что польская общественность, проживающая в Советском Союзе, а особенно в приграничных районах, в любой момент может стать пятой колонной буржуазной Польши. Вскоре из Москвы был выдан приказ о ликвидации этого польского элемента. Отделения НКВД окружали польские села, предоставляя жителям минимально необходимое время на сборы в далекую дорогу. Начался вывоз также польской интеллигенции с больших и малых городов.

То, чего в течении 150 лет не смог сделать всемогущий царский деспотизм, теперь последовательно проводила в жизнь советская власть. С железной старательностью и революционной

бдительностью она продолжала, совершенствовала и расширяла политические замыслы и концепции империалистической России.

Так можем ли мы теперь, осужденных на уничтожение там, обрекать нашей короткой памятью еще и на наше окончательное забвение, которое есть своего рода духовной смертью? Обречь на духовную смерть уже один раз обреченных? Ведь из-за нашей забывчивости, из-за нашего безразличия, мы становимся соучастниками всех тех, которые проводили и проводят этнические чистки. Мы перестаем быть самими собой, если перестаем помнить. Потеря памяти это потеря тождественности.

Может быть грехи при оценке своих поступков должны касаться не только личной жизни каждого человека, но также каждого народа? Чтобы таким образом не увеличивать до опасного уровня сумму зла на всей планете?

Может быть полнее и глубже можно узнать образ своего народа тогда, когда исследуешь его отражение в зеркале истории соседних народов? Может именно в такой способ следует провести капитальную ревизию своих поступков?

”О, каким прекрасным есть человек, если есть человеком!” - повторяли древние греки. А если им не есть?

Весь XIX век за Урал ссылали поляков, которые выступали против политики царя. Позднее ссылки безвинного сельского населения организовала уже советская власть. Поляки – казахстанцы, о которых говорится в этой книге, это уцелевшие среди обреченных на окончательную гибель. Это те, которых раньше называли ненадежным польским элементом.

Рукопись этой книги разными дорогами добиралась в мои руки. Рукопись приятно удивила меня и вызвала уважение. Стало для меня очевидным, что надо сделать все возможное, чтобы довести ее до издания. Занялось этим щецинское отделение Польского исторического общества и Государственного архива. Автором воспоминаний является внук Юзефа Дыячинского – Анатолий. “Благодаря” советскому воспитанию потерял он язык отцов, но не потерял ни способности мыслить так, как они, ни

границ моральности, в которых те жили с дедов – прадедов.

Создается впечатление, что написал этот текст свидетель событий, а ведь в большой мере книга эта написана на основе семейных воспоминаний о горечи всего тогда пережитого.

Эти записи были сделаны с глубокой внутренней потребности показания свидетельства несправедливости и человеческого унижения. Одновременно они свидетельствуют о неутраченной способности к борьбе против несправедливости. Автор имеет свой собственный универсальный язык. Там в ссылке уже нет несправедливости польской, немецкой, украинской... Есть безмерность единой человеческой несправедливости в условиях и обстоятельствах не помещающихся в воображении западного человека.

Спецпереселенцы жили в казахстанской степи изолированные от мира. Существовали в нечеловеческих условиях, казалось забытые даже Богом, о котором они сами не забыли. Забытые своей отчизной, о которой они тоже не забыли на предназначенном им судьбой тернистом крестовом пути. Спецпереселенцы помнят те корни, из которых они выводятся, передают память об этом своим детям. Так можем ли мы теперь забыть о них? Это вопрос нашей совести. Перед нами стоит выбор: или же идти трудной дорогой к улучшению человека, или же той, более легкой, в сторону утраты в себе всего человеческого.

Теперь уже только от нас зависит, будут ли поднятые здесь вопросы поводом для глубоких размышлений о нас самих? Будут ли они убедительным аргументом в набирающей в силе публичной дискуссии по вопросу возвращения на Родину поляков из Казахстана – этой частички польской истории, которая уцелела от погрома.

Ежи Пахлевски, писатель

ВРЕМЕНА СТАЛИНСКИЕ

Семье Дыячинских досталось место на верхнем ряду досок, укрепленных вдоль вагона. Нары внизу занимала немецкая семья Граббе. Были это тихие и молчаливые люди, которые все время заботились о том, чтобы на их нарах и возле них была хотя бы какая-то чистота и порядок. Была эта одинокая, пожилая семья почти незаметная в вагоне. Временами Дыячинским даже казалось, что внизу вообще никого нет.

Взобравшись наверх, Ева отгораживалась от всего вагона развешенными от головы до ног разными тряпками. Получалось что-то в виде собачьей будки. От настоящей она отличалась только немного большими размерами. Однако именно такая возможность отгородиться от других хотя бы на короткое время, радовала и успокаивала Еву.

Ложилась тогда возле себя пятилетнюю Викторию, трехлетнюю Юзефу и годовалую Розу. А если сын, девятилетний Миколай, не дежурил с отцом возле коровы, так и его тоже как-то удавалось поместить. Убаюканные монотонным колыханием и перестукиванием вагонов дети засыпали, а Ева закусив уголок платка и отвернувшись к стене тихо и горько плакала.

Собственно здесь, в вагоне, многие проливали слезы и проклинали свою судьбу. Оплакивали свои дома, свою землю, свой край, оставленный видимо уже навсегда. Плакали не стыдясь слез. Минуты слабости никого не выставляли на посмешище. Никто здесь ни над кем не смеялся, не злорадствовал. У всех их была одна судьба

И Ева, после того, когда уже вволю наплакивалась, в ритм с однообразным и равномерным перестукиванием колес мчавшегося в неизвестное будущее поезда, снова возвращалась мыслями к минувшим годам. В этот раз своими воспоминаниями вернулась аж до дня своей свадьбы. Повлияло на то видимо постоянное отсутствие ее мужа Юзефа.

Он, как и все остальные мужчины, чаще всего находился в грязном, обшарпанном вагоне для скота. День и ночь присматривал там за Красулей, единственной коровой – кормилицей, которую разрешили им взять с собой со всего их домашнего скота в далекий и неизвестный край – в Казахстан.

Вагон для скота в общем-то отличался от вагона в который посадили людей только тем, что здесь не было нар для сна. Мужчины проводили там ночь, дремая на охапках сена. Однако не об отсутствии удобств переживали переселенцы. Главное, чтобы с коровой ничего не случилось!

- Спаси нас, Боже! - с заметным страхом перекрестилась Ева и в этот раз, отгоняя в сторону пришедшие в почную пору недобрые мысли. Чем поскорее перевела их на что-то более лучшее и приятное – на минувшую жизнь на свободе.

Та жизнь может тоже не была аж такой прекрасной и богатой, как этого хотелось бы. Прошло ведь тогда всего несколько лет, как в новом советском государстве закончилась страшная гражданская война. Разрушенное хозяйство только – только начало подниматься на ноги. Тем не менее, на свадьбе Евы и Юзефа гости гуляли целых три дня. Стол был заставлен малыми и большими бутылками самогонки со свеклы и жита. На тарелках лежали колбаса и копчености. Было вдоволь холодца, разных салатов и солений и конечно же пышного домашнего хлеба.

- Не переживай, Юзеф! Нечего стыдиться, чтоходишь в мой дом без родительского наследства – говорил с мягким певучим акцентом поляков с приграничья слегка уже подвыпивший отец невесты Франек Ясиньски, поправляя длинные, рыжеватые усы. - Я видел те печи, которые ты здесь ложил украинским соседям. Каждый, кто хоть немного разбирается в этом деле подтвердит, имеешь золотые руки, парень! Хороший из тебя печник будет! Живешь в наших краях всего несколько лет, а уже принес немало пользы людям. Давай-ка я тебя еще раз обниму за это...

-Та печь, которую ты мне поставил, тоже греет лучше не надо – продолжин он через минуту. - Так что не переживай, в этой

свадьбе так же и твой вклад есть. Пока живи у меня, а в будущем и тебе с Евкой купим или построим новый дом. Чтоб я так жил! А потом поедем все вместе к твоим родным в Польшу. Говоришь, в Лодзи живут? Ну так значит в эту твою Лодзь и поедем проведать сватов...

Франек наконец закончил свой монолог, выпил очередную стопку водки и крикнул в сторону пристроившихся в углу трех сельских оркестрантов:

-Эй, музыканты! Сыграйте - ка мазурка для жениха!

Мазурек на украинско - польском приграничью, как и в самой Польше, был самым любимым танцем среди поляков. Поэтому все гости тут же оставили свои столы и двинулись за молодыми на середину зала. Хотя многие из них, уже хорошо разогретые водкой и разными наливками, охотней сплясали бы сейчас краковяк.

Во главе двинувшихся по кругу пар под руку со своей невестой шел жених, больше обращая внимания на то, как бы случайно не наступить на край длинного свадебного платья. Юзефу уже исполнилось двадцать шесть лет, был среднего роста, темноволосый. Невеста была только немного моложе от него. Однако глядя на ее милое лицо, стройную тонкую фигурку, никто не дал бы ей больше двадцати лет. А может это она под впечатлением этого счастливого дня так помолодела? Даже младшие годами подружки смотрели на нее с нескрываемой завистью.

Жених шел в танце с высоко поднесенной головой – впрочем, он всегда ее так держал – и смотрел задумчивыми карими глазами куда-то над головой невесты. Может быть в эту минуту был он мыслями в своей Лодзи возле немолодых уже родителей, оставшихся там со всей многочисленной семьей. А может просто думал о своем новом доме и найденном здесь, на западной Украине, своем счастье?

А потом молодые сидели на элеганских богато украшенных и мягко выстеленных саях, которые закусив удила мчала по лесной дороге пара лихих вороных лошадей. Жених, очень пристойный, с тонким, с легкой горбинкой носом и невеста, не-

высокая и шуплая, но вся такая аккуратная и красивая. И жених, одной рукой крепко прижимая к себе невесту, а другой подкручивая кверху темные усики, шептал ей по-польски:

-Если бы ты только знала, Ева, как я тебя люблю! Как Бога...

Глубоко набожная невеста была немного растеряна и даже напугана от такого сравнения. Но в то же время радуясь в глубине души его словам, отвечала может быть и не таким чистым польским языком, зато от всего сердца:

-И я тебя, Юзеф, так же само люблю!

Этой прекрасной новобрачной парой были мои дедушка и бабушка. Заканчивался 1925 год. Через полтора года у них родился первенец.

-Как назовем сына, Юзеф? - спрашивала счастливая мама, прижимая ребенка к груди.

-А что здесь долго думать? - отвечал менее эмоциональный и более рассудительный муж – Посмотри в календарь. Какого святого сегодня день, тем именем и назовем сына.

-В таком случае, в честь Николая – угодника. Хотелось бы, чтобы наш сын был также угоден Богу и людям... А советская власть позволит нам окрестить ребенка в костеле? - добавила уже с большей озабоченностью. - Люди сейчас разное говорят.

-Позволит или не позволит, это наше личное дело – успокоил ее муж. – А во-вторых, полякам здесь ведь сама советская власть дала автономию. Это значит, что мы имеем право решать сами многие свои вопросы. Имеем, например, право учить детей польскому языку, имеем право ходить в костелы.

Ева слушала мужа с радостью и нескрываемой гордостью. Все знает! Несмотря на то, что Юзеф закончил в Польше всего три класса, без труда читал книги не только польские, но и русские. Сама Ева закончила только два класса. Однако, женщине и этого достаточно. Научилась ведь читать и писать.

Новорожденного окрестили в костеле. Возили крестить к ближайшему городку Пулино. Потом маленького Миколая также зарегистрировали в сельском совете.

В те годы к полякам, проживающим в польском автономном районе имени Мархлевского относились еще вполне корректно. Организован этот район был с разрешения центральных властей в Москве и даже во время начавшейся повсюду коллективизации, их поначалу не заставляли вступать в колхозы силой. Во всяком случае делали это не так принудительно, как это было в восточной части Украины. В автономном районе давали время для раздумья. Позволяли осмотреться, все взвесить. В конце концов поляки сами вскоре поймут, как это прекрасно жить и работать в колхозах!

Поезд неожиданно резко снизил скорость, прервав тем самым также бег воспоминаний Евы. Еще после нескольких резких толчков состав вообще остановился. Тишина, которая наступила после бесконечного стука колес и скрипенья вагонов, была особенно чувствительной. За окном стояла ночь. Сквозь маленькое оконное отверстие было видать в небе лунное полукольцо. Внизу можно было разглядеть также несколько небольших построек. Остановились они на каком-то полустанке.

-Всем заправляться водой! - донесся снаружи приказной голос.

Мужчины могли также напоить и накормить скот, а женщины выдоить коров. Началась суета. Все забегали вдоль вагонов. Кто-то даже затопал сапогами по крыше. Временами Еве казалось, что в такие минуты толкотни и неразберихи можно было бы попытаться сбежать с поезда. Но куда убежишь с детьми? Кроме того в вагоне для скота их Красуля. А в последних вагонах плуги, бороны, лопаты, вилы, грабли... Весь их хозяйственный инвентарь. Кому все это оставить? К тому же их охраняют вооруженные стражники.

Среди множества голосов долетавших снаружи, Ева услышала также голос своего мужа:

-Здесь я, Евка! Вот ведро, иди подои Красулю. А я пойду принесу немного сена.

Ева быстро выдоила корову и заторопилась обратно к детям, напоить их еще парным молоком. Тем более, что молоко негде

и не в чем хранить. Дети, неожиданно разбуженные со сна, быстро учуяли запах свежего молока и жадно потянулись к кружкам.

Миколай остался возле сестричек, а Ева побежала обратно к вагону со скотом.

-Возьми ведро обратно, Юзек! И смотри за Красулей!

-Хорошо, хорошо! - бросил ей в ответ муж. - Я сейчас схожу еще за водой, а ты возвращайся скорее к детям.

Ева повернулась, заторопилась к своему вагону. Однако еще долго вслушивалась в голоса, доносящиеся снаружи. Может снова услышит голос Юзефа? Хотя конечно понимала, прежде всего должна быть напоена и накормлена их единственная кормилица – корова.

Между тем снова послышался долгий, протяжный гудок. Эшелон дернулся, тронулся с места и медленно набирая скорость, потянул всех их, обитателей товарных вагонов, куда-то далеко – далеко в неизвестность.

Янушевка, где остановился и нашел свое счастье Юзеф, было небольшим, почти полностью укрытым среди грушевых, яблоневого и вишневого садов селом. Красота окрестностей, в которых началась его семейная жизнь, сильно припоминала ему пейзаж его родной Польши. Немного даже окрестности Лодзи. Разве что зимы здесь более холодные да снега побольше. Вокруг них проживали люди разных национальностей. С поляками вместе жили украинцы. Села, в которых большинство составляли русские соседствовали с немецкими селами. Немало также было в окрестностях евреев.

Отношения между людьми разных национальностей были в общем неплохие. Соседи уважали и понимали языки один другого. С пониманием относились также к давно сложившимся среди них обычаям и традициям.

За Янушевкой, сразу же за зелеными широкими лугами было русское село, или, как здесь говорили, кацапское. Называлось оно Очеретянка. С ним связан был один из первых эпизодов жизни маленького Миколая, который остался в его памяти.

Поздним весенним вечером возвращались они всей семьей от Петра Ясиньского, старшего брата Евы. Собравшиеся там родственники весело праздновали Пасху. Погуляли так хорошо, что глава семьи Дыячинских, Юзеф, шел едва держась на ногах. В какой-то момент споткнулся и полетел на землю. Миколай, державшийся за руку отца, отлетел далеко в сторону, пискнул со страхом и смолк.

Ева, которая шла впереди с маленькой Викой на руках, повернула обратно, громко проклиная мужа на языках всех окрестных соседей:

-Холера ясна! Щоб ты згорив! Швейне! Черт бы тебя побрил! Где ребенок? Что ты ему сделал!?

Четырехлетний Миколай, который лежал неподалеку в ботине и перепуганно молчал, наконец подал голос:

-Я здесь, мама!

Потом уже до самого дома, по - прежнему ругаясь, Ева по очереди тащила всю остальную тройку своей семьи. Впрочем, такие скандалы в семье случались очень редко. Жили в общем дружно.

Другое, пастушье приключение на лугах возле Очеретянки было очередным событием, которое хорошо запомнил маленький Миколай. Было оно, впрочем более неприятным и опасным, чем предыдущее. К тому времени Юзеф, отец Миколая, стал уже хозяином собственного дома и хозяйства.

Присматривая за белобокой Красулей Миколай одновременно бегал по лугу вместе со своим двоюродным братом Брониславом. Тот пас здесь же своего немного прихрамывавшего коня. Малыши беззаботно резвились на зеленой траве, в то же время, как это и должны делать сыновья порядочных родителей, не забывали также о своих обязанностях.

-Миколай! Выгони там моего коня из клевера! - крикнул в какой-то момент своему двоюродному брату Бронислав.

-Сейчас, Бронек!

Однако конь это не покладистая Красуля. Миколай успел только два раза замахнуться на него кнутом. После третьего

раза, конь даже не поворачивая головы, лениво махнул в сторону надоедливого мальчика копытом. Попал прямо в лоб. Пришел к себе Миколай уже только в больнице, которая находилась в отдаленном селе Соколово. По-прежнему находящимся без сознания, его привез сюда Болеслав, младший и любимый брат Евы.

Впрочем, все эти хлопоты были только детскими игрушками по сравнению с тем, что начинало делаться вокруг. По всей Украине все больше набирала скорость повсеместная коллективизация и ликвидация кулачества. Поначалу эта кампания охватывала только восточную часть Украины и прежде всего те районы, где проживало казачество. В польском автономном районе имени Мархлевского коллективизация проходила значительно спокойнее, чем в других местах.

Вожди коммунистической партии не решались еще тогда выступать открыто против разных национальностей, проживавших в Советском Союзе. Те, кто находился у власти в Кремле, тогда еще были заинтересованы показать всему миру, что полякам, к примеру, жить в многонациональной стране советов намного лучше, чем тем же полякам в Польше.

Поэтому поначалу жителей автономии только уговаривали вступать в колхозы, насильственного принуждения здесь не было. Большинство сельчан по-прежнему предпочитали вести свои хозяйства по – старому, то есть единолично. Быть может именно поэтому невообразимый голод 1933 года, который охватил восточную, уже “коллективизированную” Украину, польская автономия пережила намного легче. Однако тот тяжелый период оставил также свой след и на семье Дыячинских. Мало помогали даже строительные способности Юзефа; никто ничего тогда не строил. Правда количество детей в их семье не уменьшилось. Вскоре у них даже родилась еще одна дочка Юзя.

Конечно же то, что происходило во всей стране, не могло оминуть в конце концов такую польскую автономию. Здесь тоже началась борьба с кулаками. Юзефа нельзя было зачислить в кулаки. Естественно они тоже имели в своем хозяйстве коня, корову, свиней. Однако было этого немного по сравнению с тем,

но имели другие хозяева. Правда, дополнительные доходы для семьи приносило также умение Юзефа ложить печи. Платили ему за эту работу достаточно хорошо. В основном, конечно, не деньгами. Одни расплачивались мукой, другие куском сала или крупой. Его ремесло помогло им в самую голодную пору.

Каждый должен делать то, что умеет! - рассуждал он иногда вслух. – В соответствии со своими способностями и интересами.

Домик, который купил Юзеф вскоре после свадьбы, был не большой, не новый, но в достаточно хорошем состоянии. Земли, правда, хватало только на то, чтобы прокормить семью и животных. Кобыла, которую подарили им на свадьбу еще маленькой, со временем принесла крепкого жеребенка.

Через год Юзеф начал приучать его понемногу к легкому возу и позднее уже выезжал на нем в соседние села ставить печи. Сельская жизнь его не особенно интересовала, да и к ведению собственного хозяйства особого таланта не имел. Родился и вырос ведь в большом промышленном городе Лодзи.

Как бы там не было, та жизнь, которую он имел, его вполне устраивала. Не устраивала она видимо кого - то там, наверху. Вокруг все больше кружило разных слухов о всеобщей коллективизации, о начале новой борьбы с кулаками- кровопийцами и недобитыми буржуями.

Все эти проблемы касались также семьи Дыячинских, ее родственников. Поэтому, едва только мужчины собирались в чем-либо доме, как тут же начинались горячие и длительные споры и дискуссии. В самой трудной ситуации оказался Антони Левандовски. В наследство от своего отца он получил семнадцать десятин земли. Несмотря на то, что был Антони небольшого роста и достаточно щуплый, характер имел крутой и упрямый. Почти на всех встречах и гулянках он оказывался среди тех, кто затевал драки. Даже и здесь, среди своих, Антони протестовал громче и решительнее от остальных:

- Не отдам колхозу даже клочка своей земли! Я ее не украл и мне не с неба свалилась! Это наша земля с дедов – прадедов.

-Я тоже не могу понять, чего от нас хочет эта новая власть – поддерживал Антони, хотя значительно спокойнее Юзеф. - Ведь мы же только начали более – менее нормально жить. Теперь то, что сама же советская власть дала людям в личное пользование, хотят забрать в колхозы. А где наша автономия? Не имеют права ничего у нас забирать без нашего согласия! – объяснял он. Среди всех своих родственников Юзеф считался самым образованным.

-Забирают для того, чтобы мы имели меньше забот – с показной серьезностью объяснял балагур Леон. – Отдадим землю, скот и будем отдыхать. Не надо будет нам ломать головы, когда пахать, что сеять. О всем за нас теперь сельсовет будет думать. Коника своего, Юзю, ты тоже им отдашь. Зачем тебе теперь где-то там ездить, муровать печи всяким там типам вроде Янца?

-Не болтай глупостей – хмуро буркнул Юзеф, который во всем происходящим ничего смешного не видел. – Думай лучше, что твои дети есть будут.

-Советская власть всех накормит и напоит! - ответил ему Леон по – прежнему с показной беззаботностью. – Ведь это же наша, то есть твоя и моя советская власть. Помнишь первую коммуну, которую власть организовала в Старой Буде?

Юзеф помрачнел. Леон припоминал ему слова, которые он сам когда-то говорил Еве. Поначалу Юзеф действительно верил в советскую власть, в ее начинания, как это было в той же Старой Буде.

Чтобы скорее заинтересовать и убедить колеблющихся, власти организовали в селе Старая Буда показательную коммуну. Выделили для них землю, скот, сельхозинвентарь. Кроме тех, у кого никогда ничего не было, в коммуну уговорили вступить также нескольких крепких хозяев. Ну, а дальше пошло так, как этого и следовало ожидать. Большинство членов коммуны проводило время в непрерывных встречах и дискуссиях на тему, как надо работать и должны ли они вообще работать.

Большая часть ораторов неизменно приходила к одному и тому же выводу: хватит нам горбиться на богатых, теперь

...они на нас поработают! Бесплезно старался убедить их умный и хозяйственный немец Кляйн, которого поставили в этом председателем, что работать так и так надо. Ведь должны же они будут что-то есть! На эти его слова никто не обращал внимания. Когда кончались продукты, шли "раскулачивать" очередного буржуя, а потом при выпивке и закуске снова долго дискутировали о светлом будущем всего человечества.

В конце концов такому паразитическому образу жизни "бригадой коммуны" воспротивилась даже советская власть. Коммуну разогнали, а ее председателя хозяйственного немца Кляйна, "как несправившегося с возложенными на него высокими обязанностями и скомпромитировавшего великую идею коммунаров", одного из первых сослали в Сибирь. В то же время шестидесятиначинали понимать, что такие как Юзеф, сами в состоянии прокормить свою семью. И не только свою, еще и другим хватит. Но тогда зачем были бы нужны колхозы?

Юзеф осторожно перевернулся на другой бок, еле слышно вздохнул. Потом прислушался, все ли в порядке в соседней части вагона, где дремали, пережевывая пищу коровы. Возле него, также уложившись на сене, тяжело дышали и стонали сквозь сон его товарищи по несчастью. Даже во сне они не могли забыть, где находятся. Уже более недели поезд был в дороге. Куда их везут? Колеса выстукивают: на восток, на восток. Но почему именно им была предназначена эта дорога изгнания? Что плохого они сделали советской власти? Кто им объяснит это?

Таких, которых советская власть сразу же объявила кулаками и буржуями, в этом транспорте практически не было. Тех сослали уже давно, в первую очередь. Не слишком много здесь было также зажиточных хозяев, так называемых середняков. Последнее время для них тоже все труднее и труднее было выжить. Лучшие их земли забрано в колхозы, для них оставляя только то, что похуже. Наиболее непокорным и недовольным обрезали имли буквально до самого крыльца. Колхозные активисты травили им зерно и портили сельхозинвентарь. Днями и ночами их

всех по очереди вызывали в сельсовет по одному и тому же вопросу: когда ты наконец вступишь в колхоз? Клеймили позором на общих собраниях, говорили о том при встрече на улице.

Болеслав, человек с добрым и спокойным характером не выдержал, вступил в колхоз первый. Немного позже вынуждены были поддаться Леон и Антони. Причем, тому последнему было сказано напрямик, если сейчас же не вступишь добровольно в колхоз, в течении суток сошлем тебя в Казахстан или в Сибирь, как кулака.

Именно один из таких “уговоров” припомнился теперь также для Юзефа. Поздним зимним вечером его в очередной раз вызвали в сельсовет. Правление сельсовета размещалось в одном из самых больших и просторных домов села. Дом этот получен был ими в очень простой и безпроблемный способ. Его предыдущих хозяев совсем недавно объявили середняками и в соответствии с декретами по этому вопросу, выселили от родных мест за сто километров. Опустевший в такой способ дом уже на следующий день был занят колхозными активистами и переделан под сельсовет.

На столе, застеленным обязательным красным материалом, больше дымила, чем светила настольная керосиновая лампа. Скорее всего потому, что керосину как раз не хватало и в лампу долили немного постного масла. За столом сидел командированный из района председатель сельсовета Петро Думитрук, дородный мужчина с тяжелыми рыжими усами. Одет он был в новый полувоенный костюм.

С левой стороны от него сидел Степан Болохович, тихий, молчаливый хохол. Год назад поймали его на крадежи дерева из общественного леса. Заметили похитителя как раз в тот момент, когда он тащил к себе на растопку засохшую и сваленную ветром березу. За то, что позарился на государственное имущество, Болоховичу пригрозили народным судом. Степан судов каких бы то ни было боялся больше всего. Дрогнул и в этот раз, и уже без сопротивления согласился записаться в колхоз. В скором времени выбрали его даже в правление сельсовета.

Но правой стороне от Дымитрука сидела Гуленска, больше известная в округе под прозвищем Гулена. Ее муж погиб на фронте еще в мировую войну. Другого так и не нашла. Собственно кто бы там позарился на перекошенную от старости эту женщину которой лежал опрокинутый ветром забор. Но более всего опугивал потенциальных кандидатов ее неугомонный язык, который вечно был занят или же сплетничанием или же обличением семечек. Говоря по правде, одни только подсолнушки и спасали Гулену от голодной смерти. Выращивала она их на своем заброшенном огороде, а потом продавала на базаре в Пулинге.

Ну, что же ты так, Юзеф - в очередной раз начал вслух рассуждать. Дымитрук, – вроде бы свой человек, из народа, не какой-нибудь там буржуй или кулак, а власти советской боишься?

Почему это я ее боюсь? - на смешанном украинско - польском скачал ему в ответ Юзеф. – Я же не убежал ведь обратно в Польшу.

Ну, не убежал ты, скажем прямо, скорее всего потому, что в последнее время наша героическая Красная Армия накрепко закрепила границу с буржуазной Польшей. Муха теперь там не пролетит не замеченной!

Юзеф сумрачно опустил голову. Он уже и сам не один раз размышлял о том, что в Польшу ему, тем более с семьей, теперь так просто не вернуться.

Ведь ты же человек образованный – продолжал дальше Дымитрук. – Закончил три класса своей польской школы. Ч то же три, но нашей украинской! - поднял многозначительно брови. - Во всяком случае ты должен понимать, что нынешняя власть делает все для рабочего человека. А значит ты тоже должен все делать в соответствии с решениями и планами партии и власти.

Юзеф молчал по-прежнему. Дымитрук подкрутил фитиль лампы и прикурил от огня самокрутку. Крепко затянулся один раз, потом еще. Не дождавшись ответа, прищурил холодно глаза, скачал словно между прочим:

-Ну, смотри, колхоз - дело добровольное...

Болохович и Гулена не выдержали его интонации.

-Запишись, Юзек! Куда уж теперь деваться?- просящим голосом сказал Болохович и безнадежно махнул рукой. – Может и вправду когда-то нам будет лучше.

-Будет, конечно же будет! - поспешила с советом также Гулена. – Сказано ведь, что у буржуев все отберут и отдадут бедным. Тогда мы уже работать не будем, а только есть и пить буржуйское. Все, что они у нас когда - то поотбирали, теперь мы отберем у них. Сделаем так, как сделали в Буде!

Дымитрук искоса посмотрел на Гулену. Хотел было сказать что - то по поводу слишком примитивного понимания ею теории марксизма. Однако после минутного размышления, промолчал.

В конце концов Юзеф сдался. Может действительно Болохович был прав?...

Антони, Леон и Болеслав уже были колхозе. Антони, человек с характером, вынужден был вступить в колхоз под угрозой ссылки. Перед тем, как поставить свою подпись под заявлением, объявил Дымитруку напрямик:

-Черт с тобой, записывай! Но если я через три года не увижу этой твоей райской жизни, о которой ты нам здесь все время поешь, я тебя самого в рай отправлю.

Возможно именно из-за этих его слов, через три года Антони вместе со всей семьей выслали в Казахстан в одном из первых эшелонов. Впрочем спокойного Болеслава по чьему-то доносу вскоре тоже забрали под арест и больше его уже никто и никогда не видел.

Оптимистичный по натуре Леон относился ко всему с философским спокойствием. Среди односельчан он считался за красноречивого оратора и прекрасного организатора. Высокий рост и громкий голос были ему союзниками. После вступления в колхоз его почти сразу же назначили бригадирствовать над полями, конфискованными у немца Янца. Кулак Янц был человеком работающим и хозяйственным. Справлялся со своими обширными плантациями хмеля и льна практически без чьей-либо помощи.

Ванним летним утром во время встречи в сельсовете Думи-
тра сказал Юзефу:

Чтобы тебе и Леону было ближе добираться к месту рабо-
ты, перенесем вас со всем вашим имуществом в Пулино. Будете
жить в доме Янца. Дом большой, места вам хватит.

Юзеф помнил этот дом. Муровал там для Янца печь. По окон-
чании работы Янец накормил его досыта и хорошо заплатил. Имен-
но по этому поводу слова Дымитрука Юзефа совсем не обрадовали.

А что с самим Янцом? - спросил хмуро.

Сегодня вечером его со всей семьей отвезут в Житомер.
Путь там напрямик в Сибирь. Пусть себе там хозяйствует. Здесь
мы тоже хозяйствовать мы! В общем, завтра утром можете туда
идти спать.

Вечером Юзеф сказал жене:

Идишем, Евка, понемногу укладывай вещи на воз. Хочешь
идти спать, а приходится.

А Еве вдруг припомнилось, как однажды, когда она была
еще совсем маленькой, ходила со своими ровесниками посе-
щать Яншли посевальщики также и в дом Гельмута, отца Янца.
Посевальщики хозяев пшеницей и желали, чтобы в новом году было
пшеницы всего полно и в доме, и на поле. Старый Гельмут терпели-
во выслушал пожелания, а потом потребовал, чтобы пособира-
ли оброчно все рассыпанное по полу зерно.

Нельзя допускать, чтобы пропадало хотя бы одно зер-
но, - объяснял в то же время с сильным немецким акцен-
том смущенным и не слишком довольным таким оборотом дела
Гельмуткам. - Ведь хлеб это Божий дар!

Это воспоминание еще больше ее удручило. Лучше уж
ей было бы им оставаться в своей старой хате в Янушевке. Еще
лучше бы было, чтобы это у них, а не у Янца лопнул перед вы-
ходом обруч на колесе. Случилось это как раз в то время, когда
уже с семьей уже готов был трогаться в далекую дорогу. При-
казали им задержаться на ночь.

Утром кузнец склепал и поставил на колесо новый обруч и
всю большую семью Янца – он, опухшая от слез жена и четверо

детей - подростков снова уселась на воз. Широкие деревянные ворота их двора были распахнуты еще с вечера. Подъехавший с другой стороны Юзеф не особенно задумываясь сразу же въехал на большой, покрытый зеленой травой двор.

Обычно чистый и ухоженный двор было теперь не узнать. В воздухе носились какие-то перья, на траве возле стены находилась сваленная кучкой какая – то одежда. Немного в стороне лежал вверх ногами маленький, аккуратный березовый столик. Ссылаемые кулаки обязаны были оставлять все свое хозяйство. Жена и дети сидели на возу, судорожно сжимая в руках только узелки с самыми необходимыми в дороге вещами.

Янц грустно посмотрел на въехавшего в ворота со своими пожитками Дыячинского.

-Так это ты, Юзеф, приехал на мое место?

Тот от неожиданности молча кивнул головой.

-Хорошую печь ты мне тогда здесь сложил – с тяжелым вздохом сказал Янц, усаживаясь на возе рядом с кучером. - Дров палит не много, а греет хорошо. Как будто знал, что делаешь ее для себя.

Янц старался говорить спокойно, уверенно. Однако заметно усилившийся в голосе немецкий акцент выдавал его волнение.

Именно в эту минуту в воротах появился также Дымитрук. Вместе с ним шел Леон. Пока еще без вещей. Леон никогда и никуда не спешил. Услышав последние слова Янца, он рассмеялся и грубовато спросил:

-А что, Янц, хотел бы наверное Юзефа также забрать с собой? Чтобы тебе там, в Сибири, такую же печь поставил? Ведь там, говорят, немного холоднее, чем здесь.

Янц с печальной усмешкой посмотрел на русоволосого, самодовольного Леона, потом сказал в грустном раздумье:

-Кто знает, может быть Юзеф действительно еще будет муровать свои печи где-то там. Советская власть ведь не любит богатых, а посмотрите, сколько моего добра переходит в ваши руки...

Ну, ты, потише со своей кулацкой пропагандой! - угрожающе крикнул в его сторону Дымитрук и крикнул уже на Болоховича, рванул за поводья лошадей. – Почему вы еще здесь?! Погоняй! Болохович заторопился, взмахнул кнутом, кони рванули вперед и дети Янца то ли от неожиданного рывка, то ли от того, что не хотели уезжать, вдруг все одновременно начали громко плакать и плакать.

Еще через несколько дней дороги ранним погожим утром Дымитрук со спецпереселенцами пересек Урал и въехал на территорию юго-западной сибиря. Просторные, покрытые буйной травой степи сменялись березовыми рощами и лесами. Деревья уже густо были покрыты золотистой и светло-коричневой листвой. Сближалась осень. Повсюду было тепло, безветренно и солнечно. В такую бы погоду выйти на свои поля и огороды, закончить полевые работы. Сколько ведь там надо было еще доделать! Только об этом последним и думали ссылаемые. Но они ни на что не замечали ни красоты местных окрестностей, ни даже такой погоды. Наоборот, людей не покидало тяжелое, мрачное предчувствие. Было им холодно на душе и в сердце.

В Сибирь везут! А говорили ведь, что в Казахстан. Яблоны и грушки нам там обещали...

Женщины сильнее прижимали к себе детей. Мужчины были заняты своими мыслями. Юзеф вдруг припомнил себе, как они с Леоном хозяйствовали в отобранном хозяйстве Янца.

Дела на плантациях хмеля оставшихся по раскулаченному Леону были далеко не самым лучшим образом. Дымитрук, которого избрали председателем нового колхоза, все чаще высказывал по этому поводу Леону и Юзефу свое недовольство:

Эксплуататор Янец, который нанимал работников, и то собрал лучшие урожай хмеля и льна. А ведь в вашей бригаде сосредоточены наиболее сознательные кадры. Те, которые вступили добровольцами в колхоз. Кажется, что и урожай вы должны бы собирать быстрее и лучше.

Все проблемы были однако в том, что эти "наиболее добровольные и сознательные" не проявляли в работе ни особого умения, ни особого старания. Мужики из Очеретянки крепкими русскими словами объяснили причину такого хода событий:

-Не для того мы делали революцию, чтобы сейчас за гроби горбы гнуть неизвестно на кого. Янц, тот по крайней мере платил хорошо. А сейчас хоть работай, хоть сачкуй, все равно получишь хрен!

В один из жарких августовских дней Юзеф поехал осмотреть плантации. Буйно разросшийся хмель был густо покрыт желто - коричневыми шишками. Следовало бы их чем поскорее срывать, сортировать и отвозить на сушку. Однако особого движения возле хмеля видать не было. Только одинокий силуэт старавшегося быть добрым одновременно для всех Болоховича смутно маячил среди обильно свисающих шишек хмеля. Как раз в это время с противоположного конца поля подъехали бричкой Леон и Дымитрук. Дымитрук держал под мышкой черный кожаный портфель, у Юзефа и Леона были картонные папки.

На другойой стороне дороги, в тени вековых вязов сидел в дырявой соломенной шляпе старый Лупенок с кнутом в руках и в задумчивости следил глазами за бродившими и лежавшими на лугу коровами. Заслышав громкие голоса, дед повернулся в их сторону. Посмотрел с минуту на всю тройку, потом поднял голову вверх и сказал, словно бы прочитал по - украински на бесхмурном синем небе:

Едэн робыть, два лэжыть,
Сим з портфелямы бижыть.
А як сонце прыпэчэ,
То й остатни утичэ...

-Много болтаешь, старый хрен! - не слишком вежливо ответил ему Дымитрук. - Где люди?

Те последние слова относились уже к поспешившему на голос начальства Болоховичу.

-Кто их знает, где? - хлопотливо дернул плечами тот. - Гулена наверное осталась дома откручивать головы подсолнечни-

...и пока этого не сделал кто-нибудь другой. У Грыцька кто-то и повалил забор, пошел его ставить. А там вот в кустах трое наших отдыхают после обеда...

Ну, я покажу им отдых! Сам им головы пооткручиваю. Попробуй, что они за такую работу зимой во рту иметь будут.

Сказав это, Дымитрук привез из района очередное распоряже-

И в нем было точно расписано, сколько колхоз должен был сдать зерна, сколько свеклы, картошки и всего остального, что требовали

С трудом рассматривая при слабом свете лампы на листе бумаги, Дымитрук долго перечислял выставленные там цифры. Огромные числа правления колхоза в количестве десяти человек, услышав все эти подсчеты, одеревенели. Сдать все перечисленное означало бы, что для расчета с людьми не осталось вообще ничего, а для колхоза вообще только зерно на семена.

Ты что, Петро, с ума сошел? - не выдержала первой Гуленка. Сколько же мы тогда заработаем? Ведь нам же ничего не останется!

Никаких рассуждений здесь даже не может быть! - как всегда без особых церемоний оборвал Дымитрук. - Это категорическое распоряжение свыше. Мы его должны выполнить!

О неминуемом голоде никто больше не решился даже заикнуться. Никто также больше ни о чем не спрашивал. Только Мария решила еще выдохнуть из себя свое обычное "ох - хох"

Но произнесла его таким тоном, что сидящие рядом с нею даже почувствовали внутри себя что - то страшное. Словно бы в жерло неожиданно шевельнулась холодная и голодная змея и начала медленно, но неотвратно ползти в сторону сердца.

И все - таки страшный голод 1933 года поляки с автономией еще как - то пережили. Получили немного с нового урожая, было что - то там еще с предыдущего. До лета, до первых урожаев пшеницы и картошки как-то дотянули. Но на всегда осталось у них в памяти, как гонимые страшным голодом, охватившим обширные районы Украины, еще добирались до них отдельные группы человеческие тени. Шли, еле передвигая ноги и шатаясь

от голода. Шли, уже без всякой надежды найти здесь хотя бы кусок хлеба. Шли и где-то там чуть дальше падали и уже не поднимались.

Через три года после этого страшного голода, люди снова начали понемногу вставать на ноги. Дыячинские так же. Имели уже корову с телятком и пару свинок. Родились одна за другой еще две дочки – Юзя и Рузя. В колхозе однако по-прежнему дела шли не лучшим образом. Юзеф все чаще думал о возвращении в Польшу, где может еще до этой поры были живы его старики – родители, а также братья и сестры. Сложил бы как-то все самое необходимое на один воз и поехал бы. Граница польская ведь так близко! Ехать однако пришлось совсем в другую сторону.

Всходившее на небе, как раз в направлении движения поезда, солнце ясно показывало одно: едут они все дальше на восток, все более в глубь сибиря. Но где будет их последняя станция? Об этом думали постоянно все.

Во время одной из немногих украдкой проведенных вместе минут, Ева пытливо вглядываясь мужу в глаза пробовала что-то об этом выяснить:

-Юзеф, ты случайно не знаешь, где нас наконец высадят в этой сибиря?

-Не знаю, Ево! - качал печально головой ее все казалось бы знающий муж. – Никто этого не знает.

-А жить там хотя бы можно будет?

-Можно, Ева – ответил по-прежнему грустно Юзеф. – Ведь многих поляков еще в царское время ссылали в сибиря. Случалось, что некоторые из них даже возвращались обратно.

После такого утешения Ева не знала, радоваться ей или плакать.

Наконец в один из дней, после продолжительной стоянки на большой железнодорожной станции Петропавловск, поезд неожиданно повернул на юг. По вагонам словно порыв легкого теплого ветра, пронесся радостный шум:

-Все же не в Сибиря везут. Наверное в Казахстаи...

-Слава Богу! - сказала своей четверке детей Ева, хотя только старший Миколай мог как - то понять повод ее радости. – Повернули мы наконец на юг, значит туда где тепло, где растут яблони и груши, как нам обещали на Украине. Скорей бы уже доехать!

В конце весны того года по селам и городам житомирской и хмельницкой областей разнеслась весть: Польский Автономный Район имени Мархлевского ликвидирован. Главной причиной этого якобы была “вызывающая беспокойство советских властей деятельность националистических элементов”. Пронеслись также слухи, что его жителей вывезут в Казахстан, чтобы где-то там на бескрайних азиатских просторах, исправляя таким способом свою антисоветскую деятельность, они приняли активное участие в строительстве нового колхозного общества.

Почти никто из поляков даже не знал, где находится тот Казахстан, который им готовят, и вообще, что это такое. Одни говорили, что эти земли находятся возле сибери, другие, что возле Монголии и Китая.

-Вобщем, на самом конце света! - в один голос соглашались между собой женщины, по – крестьянски вытерая глаза и нос уголками платков.- Боже, помилуй нас!

Мужчины только безнадежно махали руками. Кому собственно будешь сопротивляться, против кого выступать? Против советской власти?! Это по – просту глупо! Ведь еще недавно эта власть имела столько врагов, как внешних, так и внутренних. И где они теперь? Оставалось одно, молиться и надеяться, что несчастье их обойдет. Нет, не обошло.

В конце августа, когда с полей и огородов торопливо и старательно люди собирали урожай, возле ворот своего, а еще не так давно дома немца Янца появился Юзеф. Все его лицо, вся фигура выдавали какое-то потрясение и угнетение.

Вошел в ворота, остановился посреди двора, посмотрел отсутствующим взглядом на стоявшие в огороде мешки с картошкой, на краснеющие, не снятые еще с кустов помидоры, провел

глазами по грядках с капустой и огурцами. Стоял, словно не зная, с чего начать, что делать дальше.

-Что с тобой, Юзеф? - взглянула в его сторону Ева и едва не выронила Рузю, которую держала возле груди. - О, Боже! Юзек, будут вывозить?!

Расплакавшаяся маленькая Рузю могла хвататься хотя бы за край материнского платья. А им, взрослым, где можно было искать спасения?

-Вывозят, Ева. В Казахстан – ответил дрогнувшим голосом муж и опустил глаза, словно в этом была его вина. - Дали на сборы три дня. Леона тоже выселяют.

-А Болеслава? - с трудом прошептала Ева сухими губами.

Тихого и спокойного брата Болеслава Ева любила больше всех. Впрочем, как и сестру Марию, которую вместе с ее Антоном вывезли еще в начале лета.

-Болеслава пока что оставляют... Идем, Ева, подумаем, что сможем с собой взять. Разрешили только один сундук с вещами и корову.

Этим вечером Ева ни о чем не могла думать. Окруженная цеплявшимися за нее детьми, проплакала весь вечер. Ближе полуночи пришли с женами Леон и Болеслав. Мужчины до поздней ночи, изредка только перекидываясь словами, пили на кухне водку. Женщины в соседней комнате, с трудом сдерживая всхлипывания и слезы, чуть слышно шептались об ожидавшем их будущем.

Семью Болеслава в этот раз оставили в покое. Его самого по какому - то доносу позднее забрали в НКВД. Прошел без вести. Жену Янину вместе с детьми и другими поляками вывезли на юг Казахстана. Их родственники узнали об этом только через много лет после войны. Однако никому из них уже так и не довелось между собой встретиться.

А тем летом плакала не только семья Дзячинских и даже не только их село или район. В том недоброй памяти тридцать шестом году в горьких и безнадежных слезах утонула польская автономия на Украине.

По казахстанским просторам поезд с сосланными ехал очень недолго. Хотя находиться на этой земле им предстояло до конца жизни. Уже через несколько часов после выезда из Петропавловска, поезд остановился снова. Вдали за зарешеченными окошками простиралась широкая голая степь. Вблизи виднелись какие-то две или три небольшие постройки. Однако это не был один из очередных пристанков. Здесь была их конечная станция.

Разнесшаяся по вагонам команда подтвердила это:

-Всем выходить! Закончилась ваша дорога.

Действительно, здесь был конец их дороги в прямом и переносном смысле. Остановились они в тупичке, перед ними был конец рельсового пути и конец их путешествия. Приехали! Обратной дороги для них уже тоже не было.

Поселок Сухотин, возле которого в будущем выросла станция Таинша, был совсем маленький. Было в нем едва ли больше двадцати домов. На фоне их, возле железнодорожных путей, был укреплен огромный плакат. На плакате большими, видимыми издали буквами, было написано: "Приветствуем переселенцев из Украины, которые приехали осваивать плодородные земли Казахстана!"

Однако ни бедные домики затерянного Сухотина, ни тем более призывной красочный плакат были не в состоянии укрыть перед ними того, что вокруг во все стороны, куда только мог дотянуться взгляд, простиралась ровная и однообразная степь. Впрочем переселенцам не позволили слишком долго разглядывать окрестности. Те, что привезли их вполне логично рассудили, что эта степь от них все равно никуда не убежит, еще посмотрят.

-Всем выходить! Побыстрее! Вещи свое тоже забирайте - начала покрикивать появившаяся откуда-то фигура в военном мундире с малиновыми погонами и такого же самого цвета околышком на фуражке.

-Наверное, комендант – зашептали сбившиеся в плотную толпу приезжие.

-Вон там за плакатом – продолжал дальше привычным приказывать голосом военный – стоит трактор с санями. Поставьте свои сундуки на сани, а сами вместе со скотом двинитесь следом.

Здесь комендант позволил себе пошутить:

-Ваша переселенческая точка недалеко. Всего каких - то семьдесят километров. В дороге видимо уже насиделись. Теперь придется немного прогуляться.

-Семьдесят! - зашептались со страхом в толпе. – А что это такое “точка”?

На расспросы однако времени не было. Тяжелый гусеничный трактор уже тянул вдоль путей по высокой и густой траве сцепленные одни за другими огромные сани. Впервые за всю дорогу широко открылись двери их товарных вагонов. Был выход, а в то же время выхода у людей не было. Надо было выгружать свои сундуки и ящики, выгонять скот.

С этой минуты здесь, на казахстанской земле, их стали называть исключительно спецпереселенцами. Вся их жизнь теперь должна была проходить под специальным надзором. Здесь же выяснилось, что за время их принудительного путешествия количество людей в эшелоне увеличилось на одного человека. Вообще – то родили две женщины и новорожденных было двое. Однако за время долгого пути умерла одинокая бабушка Тереса, о которой почти никто ничего не знал. Старушка чувствуя свою скорую смерть, умоляла контролировавших погрузку комиссаров позволить ей остаться и умереть на Украине. Никто ей такого разрешения не дал. Старушку уже были внесли в списки, а списки эти пошли в райцентр и далее. Из – за одного человека не стоит переделывать все сначала.

Подчас длинной дороги старушка уже практически не вставала и просила Бога об одном, чтобы только хватило ей силы выдержать до конца дороги. Она имела надежду, что сможет где-то там еще исповедаться перед смертью. Хотела, что бы кто-нибудь из ее нынешних товарищей по несчастью мог когда - нибудь прийти и помолиться над ее гробом.

Не исполнились ее последние желание. Бабушка Тереса умерла перед самым прибытием на свою последнюю станцию. Когда комендант узнал, что умершая в поезде женщина не имеет здесь никаких родственников, сначала не хотел даже слышать, чтобы задерживаться на этом полустанке и организовывать ей похороны или хотя бы просто предать останки земле.

-Оставьте ее под тем вот плакатом. Кто-нибудь потом подберет и похоронит.

И тогда ссыльных наконец прорвало. Хмурое молчаливое недовольство вдруг загремело криками:

-Суда Божьего не боитесь!

-Покойник это что, падаль!?

-А если бы с вами так?

Всмотревшись внимательнее в измученные, перекошенные болью и гневом лица спецпереселенцев, комендант усмехнулся кисло и решил не заострять конфликта. Пошел на компромисс.

-Хорошо. Пока остальные будут выгружать из вагонов вещи и скот, четверо пусть идут вот на то кладбище выкопать могилу.

Вскоре на новом, находившимся недалеко от пристанка кладбище, появился еще один польский крест. А в сумме, могил здесь было уже больше, чем постоянных жителей.

Комендант ошибся, говоря, что они будут должны пройти семьдесят километров. Говоря точнее, к той точке, которая была указана на карте, и где они должны были построить еще одно новое село, было действительно семьдесят километров. Однако подвела техника, которую выделили им в помощь. Когда усердно коптивший чистое синее небо трактор с прицепленными к нему несколькими санями и бредущими за ними людьми и скотом дотащился до находившегося на их дороге какого – то нового строящегося села, мотор дизеля вдруг коротко и со страшным усилием зарычал на низких ногах, выпустил несколько клубов устого черного дыма и смолкл. Две или три попытки снова заести трактор ничего не дали, двигатель заклинило.

В то время тракторов такого тяжелого типа в северном Казахстане имелось немного. Поэтому было глупо рассчитывать, что какая-нибудь машина - тракторная станция по собственному желанию приедет сюда еще один дизель только для того, чтобы дотащить спецпереселенцев к месту их назначения. Наступала осень и тяжелых тракторов не хватало даже на полях.

Такие - то непредвиденные обстоятельства оказали свое влияние на то, что переселяемые вынуждены были остаться и устраивать свою жизнь в том месте, где сломался трактор. Проехали и прошли не семьдесят, а "всего" пятьдесят километров от малого степного полустаночка, где их высадили. Это место на карте носило название точка номер одиннадцать. В этом месте такие же, как они спецпереселенцы уже начали строить новое село.

Место для села здесь выбрали совсем не потому, что вокруг была красивая и удобная для жизни местность. Как раз наоборот. Здесь не было ни речки, ни озера, ни леса. Вокруг простиралась обычная, поросшая казахстанской ковылью степь. Просто геологи просверлили в этом месте отверстия в земле и нашли всего в десяти - пятнадцати метрах от поверхности чистую пресную воду. А уже с давних времен было также известно, что в этих местах толстыми слоями залегают плодородный чернозем. Есть вода, есть земля, значит люди могут жить здесь и выращивать хорошие урожаи разных посевов, особенно пшеницы. О том, подходят ли эти места для жизни людей, понравится ли здесь самим переселенцам, никто даже и не думал.

К тому же, выслали ведь сюда людей ненадежных, спецпереселенцев. То есть тех, которые там у себя противились коллективизации, решениям партии и правительства. Значит были кулаками, вдобавок националистами. Сюда выселяли тех, которых подозревали, что были или могли быть врагами советской власти, всего трудового народа. Собственно говоря, спецпереселенцы должны еще были быть благодарны партии и правительству за то, что с ними поступили так гуманно. Других за подобные преступления ожидала судьба намного хуже.

Точка, обозначенная на карте номером одиннадцать, в действительности оказалась огромной неровной площадкой, полной ям, куч земли, глины и возносящихся земляных стен. Сразу на целом квадратном километре степи шло строительство. Чтобы построить себе какое-то укрытие, иметь хоть какую-то крышу над головой, свезенные сюда люди вынуждены были работать от зари до зари. Должны были успеть перед осенней слякотью, после которой очень скоро на этих широтах наступит морозная и ветреная казахстанская зима.

Весь будущий поселок находился в постройках разной степени законченности. В подавляющем большинстве были это приземистые землянки, возле которых сустились вымазанные в глине и болоте люди. Казалось, что они были уже безразличны ко всему на свете. Не слышать было ни смеха, ни шуток. Изредка только долетали отдельные их слова или реплики. Новоприбывшие смотрели на них с нескрываемым страхом:

-О, Боже, что здесь происходит? Неужели и нас это ждет?!

Как бы отвечая на метавшиеся в ужасе мысли сосланных, один из энкавэdistов, сопровождавший их, возвратившись после недолгой дискуссии с трактористом, коротко бросил:

-Трактор сломался. Придется вам жить на этой точке! Ничего, земли здесь на всех хватит.

А к заглохшему трактору уже со всех сторон бежали люди, бросая на ходу лопаты, вилы и тачки. Вымазанными в глине руками касались чистой, еще хорошей одежды новоприбывших, с жадным заинтересованием всматривались в их лица. Быстро и беспорядочно летели к новеньким вопросы по-польски, по-украински, по-немецки:

-Люди, откуда вы?

-С какой области, села?

-С Житомера, с пулинского района – отвечали те, столпившись вместе с детьми возле саней, на которых было сложено все их имущество.

С тоскою, одновременно утешая себя какой-то непонятной надеждой, вглядывались они в свою очередь в лица тех, кто

прибыл сюда перед ними. Сначала их всех пугала мысль, что они тоже должны будут жить здесь. Еще чуть позже ее сменила другая, а может все - таки это и лучше, остаться здесь среди своих людей, чем неизвестно где в степной глуши, без каких - либо следов человека.

Четвертый и последний эшелон спецпереселенцев, которых сюда привезли, прибыл уже в начале сентября. Как раз начиналось бабье лето со всей его тихой и поэтической красотой. Они же должны были радоваться только тому, что успели добраться на место перед холодной осенней слякотью, которая впрочем тоже опаздывала не надолго.

В последнем эшелоне приехало в сумме несколько десятков семей. Этот их последний пункт назначения пока что назывался точка номер одиннадцать. В трех предыдущих эшелонах, которые в течение лета привезли сюда людей, находились прежде всего поляки, проживавшие в пулинском, коростеньском и емельчинском районах. Четвертый эшелон был также с пулинского района, но кроме поляков, было в нем немало немцев. Было их даже здесь большинство.

К новоприбывшим вскоре подошел также комендант строящегося поселка Оберемко. Был он низкорослым и хмурым мужчиной лет пятидесяти. Скорее всего был он недоволен тем, что ему так поздно, фактически на пороге зимы, подкинули новых переселенцев. Для него было бы намного лучше, если бы трактор все-таки дотянул свои сани к месту их назначения, а там пусть бы эти новые ссыльные выкручивались, как хотели. Хоть бы даже и позамерзали там.

Однако здесь за все отвечал он и должен был где-то устраивать сосланных. Поэтому подписавшись о принятии очередных спецпереселенцев, комендант коротко обрисовал им план на ближайшее будущее:

-Видите в том конце за последними строящимися домами виднеются заросли бурьяна и лозы? Там также вы будете строить себе какие - то крыши над головой. Сейчас геодетмет измерит вам квадраты три на четыре метра. Постройте на них себе

землянки. Между квадратами общая стена. На каждой половинке должны разместиться по три - четыре семьи. Понимаю, что тесновато! - предостерегающе поднял он вверх руку, успокаивая поднявшийся ропот. – Это временно, до весны! Протестовать будете потом. Сейчас чем побыстрее ставьте себе стены и накрывайте их крышей. И чем лучше оштукатуривайте все глиной, чтобы ваши дома не раскисли еще до зимы. В общем, шевелитесь! Зимы ждать уже недолго и здесь она не такая добрая, как на Украине или в той вашей Польше.

Не хватало им уже сил, чтобы спорить или хотя бы протестовать. Молча пробовали осмыслить и понять все услышанное. Может весь этот кошмар и муки господь Бог послал им за их грехи? Но за какие?!

Все село было покрыто глубокими и широкими котлованами. Делались они быстро и в следующий способ. Верхний урожайный слой чернозема, который местами доходил до одного метра, взрыхляли плугами. Волю, которые таскали плуги, под вечер сами еле волочили ноги. Люди выносили взрыхленную землю на носилках или же вывозили на тачках подальше от котлована. Вблизи вырытых ям, на приготовленных, расчищенных площадках сваливали выкопанную глину. Затем на нее для связки сыпали сухую траву – соломы пока что не было – и поливали ледяной водой. Воду привозили в бочках или же приносили в ведрах с ближайшего колодца. Потом глину месили, иногда лошадьми, но чаще своими ногами. Немногочисленные присланные в помощь кони были все время заняты разными перевозками. Когда смесь была хорошо вымешана, ее накладывали в специальные формы, утаптывали и разравнивали там. В результате получались большие земляные кирпичи – саманы. После того, как саманы высохали, из них складывали стены.

Нередко спецпереселенцев высаживали просто в открытой степи возле вбитого в землю колышка, на котором был написан номер их будущего поселка. В некоторых пунктах впрочем уже были большие военные палатки, выделенные для приезжих

на первое время. Одиннадцатой точке повезло немного больше. К моменту прибытия первого эшелона, здесь уже было приготовлено несколько штабелей высушенных саманов. Приготовили их какие - то люди, привезенные сюда на время стройки из - под Караганды, с Осакаровки.

Никто из новоприбывших ссыльных ничего о них не знал. Поселили их отдельно от остальных. Называли их осакаровцами, по месту названия их села. В комендатуре говорили, что они сюда завербовались добровольно. Однако когда переселенцы слушали, как те вечерами возле своего барака грустно и с чувством выводили печальные и мелодичные украинские песни, то плохо верили в их добровольность.

-Может это те, которых называли кулшками и вывозили раньше нас? - шептались между собой поляки и чувствовали в себе некоторую вину за давние насмешки над ними.

А вобщем – то у них не было слишком много времени, чтобы думать о проблемах других. Больше беспокоила их собственная судьба. Осакаровцы к тому же выехали обратно вскоре после того, как помогли поставить спецпереселенцам саманные стены. Они уехали сами или же их вывезли обратно? Так или иначе, но тех, кого привезли сюда летом 1936 года никто никуда не имел намерения ни отпустить, ни вывезить.

С раннего утра и до позднего вечера они должны были работать на постройке своих земляных хаток. Хатки так и называли - землянки. Те, из первых эшелонов, которые кое-как уже свое жилье закончили, должны были помогать при строительстве общественных объектов. Одновременно с частными домами в селе начали строить контору, больницу, школу, клуб... Кроме того, многие из спецпереселенцев обяаны были также отработать часть времени на уже распаханых перных гектарах полей будущего колхоза.

Те, которых привезли последним эшелоном, не работали при постройке колхозных помещений. Они всю силу старались закончить до снега и мороза свои землянки. Хорошо еще, что осень в том году оказалась теплой и без дождей.

Семье Юзефа отвели левую часть будущей землянки. По другой стороне должна была разместиться семья Леона. Однако благодаря своей разворотливости – когда было надо, также и показной – Леону выделили место в другой, немного лучшей землянке.

Соседкой Дыячинских оказалась вдова, имевшая трех детей – подростков, Жоломска. Ее муж заболел на дизентерию и умер еще в тридцать третьем году на Украине. К вдове так же определили двух осиротевших племянниц мужа. Для них родителей заменяла сгорбленная от старости бабушка.

Самому старшему сыну Жоломской – Франеку было только тринадцать лет. Поэтому Юзеф был единственным взрослым мужчиной на стройке. Хорошо, что хотя бы он умел приготовить замес и знал, как надо ложить стены. Все – таки ему тоже было тяжело. Должен был не только больше всех с утра до вечера работать физически, так еще и подгонять не слишком то умелых и старательных помощников при постройке правой, общей стенки.

-Бабы, хватит уже этой болтовни! Франек, Сташек быстро с носилками по раствор! Миколай, подай ведро с водой! И пошевеливайтесь все, иначе будете зимовать под голым небом. Тогда - то уже поплачете над своей судьбой!

В таких бесперывных трудах и хлопотах пролетела одна неделя, за ней вторая. В один из следующих дней возле них остановился проходивший мимо незнакомый Юзефу переселенец из тех, что приехали немного раньше. Постоял какая-то время, послушал, как покрикивает на своих работников Юзеф, после чего решил прийти с советом:

-И зачем тебе нужна такая большая хата? Говорят ведь, ты способный печник?

Был пришелец невысокого роста и такой косоглазый, что непонятно было, на кого он в данную минуту смотрит. Смотрел иронически то на Юзефа, то на помогавших ему подростков.

-Взял бы да поставил вместо хаты одну огромную печь – продолжил свои рассуждения гость, не дождавшись ответа на

предыдущие вопросы, – вот и грелась бы себе на ней все по очереди!

Закончил свое высказывание и с усмешкой огляделся по сторонам, нет ли поблизости прохожих, какое впечатление произвел бы на них его юмор. Говорил он по-польски чисто, почти без акцента. Немногие так умели. В другой ситуации Юзеф может о чем –нибудь и согласился бы с ним побеседовать, но не сейчас. Не было времени, да и шутки гостя ему не особенно понравились.

-Мог бы поставить и такую печь – сказал в ответ коротко, - но только для того, чтобы тебя туда в середину посадить погреться.

И в свою очередь искоса посмотрел на пришельца. Тот даже дернулся от такого неожиданного ответа. Видно был непривычен на такие шутки по своему адресу.

-Думай, что говоришь - сказал уже с угрозой и без малейшей усмешки, – иначе, как бы тебя самого в один прекрасный день не подогрели.

-Иди, иди своей дорогой – сказал, подходя к нему появившийся Леон, – а то наполним тебя дымом с этой вот трубы и полетишь, как бычий пузырь.

Леон, как всегда, высказался в типичный для себя способ. Юзеф при этом отметил, что лицо у незнакомца действительно припоминало сморщенный шар. Очередной шутки косоглазый, как бы не понял, во всяком случае не отреагировал на нее. Посмотрел только внимательно на Лсона, потом еще раз более внимательно на Юзефа и отошел по-прежнему держа руки сложенными за спиной.

Работа возле землянки продолжалась. Надо было уже думать о какой-то крыше. Однако недавняя встреча почему-то не давала Юзефу покоя. При okazji спросил о неприятном пришельце своего старого знакомого Казимера Островского:

-Слушай, Казик, на днях подходил здесь ко мне один тип - Юзеф обрисовал непонятного шутника. - Не знаешь, кто это?

-Лучше держись от него подальше - тихо ответил Казик.

- Моя сестра вышла замуж за парня из его сел. Знает немного

этого гостя. Фамилия его Станчик. Был активистом в своем селе, первым шел отбирать зерно и остальное добро у кулаков. Из - за его доносов немало людей пошло в сибирь. Однако и он как - то попал сюда. Может в чем провинился перед своим начальством, а може специально прислали, чтобы дальше наблюдал за всеми. Комендант и здесь уже его отметил. На двоих с женой получили отдельную землянку! Так что, Юзек, держись от него подальше.

Юзеф махнул головой, благодаря своего знакомого за информацию, однако наверное не слишком близко принял все к сердцу. Был он в общем человеком спокойным и терял самоконтроль только если видел какое - то явное бесправие или несправедливость.

Осень тридцать шестого года на счастье была сухой и достаточно теплой. Повсюду, цепляясь за что только можно, вились серебристые паутинки, самый характерный знак бабьего лета. В небесной синеве медленно тянулись к югу ключи перелетных птиц. Высокая трава, так впрочем, как и на их Украине, только в более позднее время, была уже сухой и пожелтевшей. Осенняя пора всегда вызывает у человека какую-то меланхолию. А поскольку здесь, куда их привезли, не было никаких деревьев, бесконечная голая степь будила в людях не столько даже меланхолию и тоску, сколько некончавшуюся неуверенность и беспокойство.

Первый снег выпал только двадцать пятого октября. К этому времени почти все жители нового села успели оказаться под какой - то крышей. Седьмого ноября спецпереселенцы, как и все советские люди, вышли на торжественную демонстрацию посвященную Великой Октябрьской Социалистической Революции, которая принесла столько счастья простым советским людям.

Все были убраны во все лучшее, что только успели и смогли забрать с собою перед вывозкой. Люди шли с плакатами и портретами товарища Сталина, которыми обеспечил их в необходимом количестве райком партии. Над головами праздничной

толпы холодный, пронизывающий ветер трепал красные флаги. Люди мерзли. На чужой, неизвестной и холодной земле от тоски и безнадежности казалось застыла не только их кровь, но даже сердца.

Демонстранты долго стояли посреди поселка, переминаясь с ноги на ногу в густой, еще не полностью замерзшей грязи. Не знали, куда им маршировать дальше. Там, на мархлевщизне, им на память был известен обязательный традиционный маршрут Дня Революции. Знали, куда идти, где сворачивать, в каких местах выкрикивать призывы в честь великого вождя советского народа и руководителей коммунистической партии.

Наконец, с трудом волоча ноги по густому, перемешанному с глиной и густо посыпанному белой снежной крупой казахстанскому чернозему, двинулись от строящегося клуба в направлении школы. Несмотря на всякие трудности и неорганизованность, школу к началу учебного года все-таки успели закончить. Советские дети должны были учиться!

От школы снова повернули к клубу. Там, на наспех сколоченной трибуне, представитель района, окруженный сельскими властями и активистами, выступил с речью. В начале много было слов восхвалявших мудрую и целенаправленную политику партии и правительства, которая вела советский народ в светлое будущее.

Окончание своей речи райкомовец уже полностью посвятил присутствующим.

-Вам, спецпереселенцам, советская власть предоставила историческую возможность искупить все свои прошлые вины и ошибки добросовестным трудом. Таким трудом, который уже в ближайшем будущем преобразит пустынный степной Казахстан и заменит его в цветущий край! - закончил гость воодушевленно

Его речь была выслушана в полном молчании. После ее окончания члены правления и активисты старательно похлопали в ладони. Наконец все разошлись. Люди шли, опустив головы занятые своими ежедневными проблемами. Хотя со стороны

могло действительно показаться, что все только о том и думают, как лучше и быстрее превратить этот дикий край в цветущий оазис.

В действительности же всех мучила только одна мысль, как прожить этот день и что принесет им день следующий? А самой отдаленной мыслью было: как дожить до весны? Их прошлая жизнь, которая ушла бесповоротно, хоть тоже была трудной, теперь казалась им удивительно радостной и счастливой. Временами им даже с трудом верилось, что она была. Исчезла, словно хороший сон. Но и то, что ожидало их здесь было также плотно затянуто белой вуалью сближающейся зимы.

-Если удастся выдержать эту первую зиму, то может и дальше сможем здесь жить - с тяжелым вздохом и словно утешая один другого, говорили между собой соседи.

Никто из них теперь уже и не вспоминал о обещанных им яблоках и грушах. Все уже знали, что от их одиннадцатой точки до границы с омской областью, если идти просто по степи, всего-то несколько десятков километров. А омская область это ведь уже Сибирь. К тому же мороз и ветер не встречали здесь в степи никаких препятствий.

Очень скоро они поспешили доказать новоприбывшим, что это именно они здесь настоящие хозяева. Уже через неделю после праздника Октябрьской революции налетел первый буран. Неожиданно для всех закружила такая снежная заметь, что на расстоянии двух – трех метров ничего нельзя было разглядеть.

В этот самый день Дьячинских решил навестить Леон. Пришел на несколько часов, а вынужден был остаться здесь заночевать. Куда пойдешь, когда на улице разгулялся такой буран, что глаза открыть нельзя? Тем не менее утром, смеясь и перекидываясь с хозяевами шуточками, решил все же идти. Надо ведь накормить и напоить корову. Осенью людям удалось накосить немного ковыля, наломать бурьяна, засохшие стебли которого хорошо служили также для разжигания огня в печках. Вернулся родственник однако уже через несколько минут весь облепленный снегом и заметно напуганный.

-Черт бы побрал этот Казахстан! Сумасшедший ветер! Подхватило меня сразу же за дверь и понесло неизвестно куда. Еще немного и не нашел бы обратной дороги. На счастье споткнулся и упал! Потом удалось каким - то чудом доползти обратно к вашей хате.

Страх, который в эту минуту виднелся в глазах Леона, как-то совсем не подходил к его обычно живому и беззаботному лицу. Ева посмотрела на брата и перекрестилась с суеверным ужасом. Эта первая завируха не продолжалась слишком долго, всего два дня. Но когда она закончилась, люди смотрели на околицы не веря своим глазам. Села невозможно было узнать. Собственно его и видать – то не было. Лишь повсюду по белой степи виднелись большие и меньшие снежные холмики, которые только своими очертаниями напоминали облепленные снегом землянки. Те хозяева, двери которых выходили на ветреную сторону, выползали наружу через пробитые в снегу туннели. Некоторые не были в состоянии сделать даже этого и стучали в стену к соседям, прося о помощи. Первая встреча с казахстанской зимой, оказала на ссыльных потрясающее впечатление.

-Иисус! Мария! Ведь это же еще только осенняя метель – со страхом шептались между собой женщины. Нет, не на жизнь, а на мучение и смерть привезли нас сюда. На верную смерть...

С этого дня во время бурана или метели спецпереселенцы ходили от хаты до хаты или к своим примитивным хлевам, держась за протянутые веревки.

В конце декабря, в канун Рождества Христовна, поселок засыпало полностью. Возле землянок снег откидывали только от дверей да еще от малых окошек, чтобы внутри было хоть немного света. Коровам все больше ограничили порции, а вместо нормальной воды выносили растаявший в деревянных бадьях снег. Людям жилось не на много лучше, чем скоту. Было холодно, голодно и невесело. Несмотря на это, на картошке и на супе с клецками, слегка забеленным молоком, большинство выдержало до весны.

Дату первого общего колхозного собрания назначили на тринадцатое мая 1937 года. В то же время организационное собрание состоялось еще в начале октября минувшего года, второго числа. Тогда из общего числа четыреста одиннадцати колхозников, на собрании присутствовало триста семьдесят три человека. Решено было выбрать правление и дать название новопостроенному селу и организованному здесь же колхозу. Из райцентра Блюхерово прибыл уполномоченный районного НКВД товарищ Строгов, мужчина немногим более пятидесяти лет, одетый в полувоенный мундир, обычный тогда для людей его профессии.

Обок него перед фасадной стеной еще не полностью достроенного клуба, при столе, накрытым красным материалом сидел Оберемко. За их спинами пристроились активисты колхоза.

-В соответствии с решением Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета партии относительно спецпереселенческих поселков – торжественно начал Строгов, – с целью увеличения площадей вспаханных земель, вашему поселку номер одиннадцать выделено двадцать пять тысяч гектаров земли. На территории вашего колхоза будет также организован один из двух запланированных в нашем районе лесопитомников. Также у вас запланированы постройка двух водных плотин. Одна возле аула Жаркаин, вторая возле урочища Кара - Молла. В той стороне, где должны были построить себе село переселенцы с четвертого эшелона.

Строгов перевел дыхание, одновременно бросив внимательный взгляд на лица стоявших и сидевших вокруг на чем попало людей. Погода была солнечная, однако дул холодный ветер и слушатели ежились под его пронизывающими порывами. Видать было, что все они заняты своими собственными заботами. Некоторые смотрели невидящим взглядом куда – то вдаль, другие – на свою потрепанную обувь. Одновременно выдавалось, что каждый из них боролся с проблемами, которые превышали его силы.

-Я думаю, что комендант спецпоселка товарищ Оберемко уже познакомил вас с порядком, действующим в спецпоселках? Самый важный и обязательный пункт гласит, что без специального разрешения коменданта никому нельзя выходить за пределы своего поселка. Так должно быть и так будет! - райкомовец перевел дух, смягчил тон. - Теперь можете предлагать название для колхоза, а так же название для своего села. Выбирайте себе председателя и бригадиров. В общем устраивайтесь здесь солидно, по-хозяйски. Другого выхода нет! Отныне будете жить здесь. Короче, говоря по-русски, запускайте свои корни в казахстанскую степь!

Уполномоченный закончил свое выступление и изобразил некоторое подобие улыбки на своем тяжеловатом, каменном лице и широким жестом распростер руки. Видимо решил олицетворять собой пример доброты и гостеприимства открытой русской души.

Однако именно те его слова: "отныне будете жить здесь" вместе с информацией об организации колхоза, стали причиной неожиданного и громкого всплеска ропота и недовольства всем тем, что их здесь встретило. Накопившиеся унижения, обиды и горечи, подавленные и погребенные за время переезда казалось навеки где-то в глубинах их душ, неожиданно вырвались наружу в отчаянных воплях:

-Не пойдем в колхоз! Лучше сразу подохнуть. Везите нас туда, откуда привезли. Хватит с нас вашего казахстанского рая!...

Казалось бы глухая и безразличная ко всему толпа словно бы вдруг выплеснулась скопившимся протестом. Людям на момент показалось, что просьбами и протестами они еще могут вытребовать то, что у них отобрано силой. Теперь они все оказались сплоченными одним общим криком: "Не хотим вашего колхоза!"

Маленьким, слабым огоньком засветилась вдруг в их сердцах искорка последней надежды. Может быть, не все еще потеряно, может быть каким - то чудом они смогут вернуться

к своим домам и селам. И словно огромные колокола загудели и загремели затаившиеся было в глубинах их душ маленькие звоночки. Сейчас люди были бы готовы заплатить любую цену за возможность поворота на родную землю.

Комендант Оберемко что было сил валил кулаками в наскоку сколоченный стол, словно поклялся вбить его в болото. Надрывая в крике голос и сыпя проклятиями призывал толпу к тишине и порядку. Никто его не слушал. Вообще никто никого не слушал.

Какая - то женщина с первого эшелона, закрыв уши руками и зажмурив глаза бессмысленно и монотонно повторяла по - украински одно и то же:

-Назад на Украину! Назад на Украину!

Наверное ее привезли из тех сел, большинство в которых составляли украинцы.

Щупленький немец, ехавший в одном вагоне с Юзефом, выкрикивал то же самое по - немецки:

-Цурик нах хауз! Обратно домой...

-Не хцемы тутай! Не хотим здесь... - кричали одновременно по - польски стоявшие сбоку него Ева и Янина.

Больше всего надежды имели те переселенцы, которые приехали в последним эшелоне. Они еще не полностью успели примириться с беспощадной реальностью и кричали громче всех

Строгов, который поначалу пробовал вместе с Оберемко уговаривать толпу то просьбами, то криком, в конце не выдержал, выхватил из кобуры пистолет и трижды выстрелил в воздух.

Стоявшие напротив, видя его искаженное лицо и побелевшие от ненависти глаза, отшатнулись и как бы тратя дыхание, замерли.

-Вам что, может слишком жарко здесь в Казахстане? - спросил неавдист таким свистящим пронзительным шепотом, что было его слышать в самых последних рядах. - Может вам в сибирь захотелось? Кто еще писнет хоть слово, будет там.

-Не хотим в сибирь, хотим на Украину – раздались отдельные, уже не категорические, а скорее просящие голоса. – Ведь мы же ни перед кем ни в чем не провинились.

Однако остальные уже молчали. Замкнулись уста, погасли глаза. Строгов сделал вид, что ничего не слышал. Снова с трудом подавляя бешенство, продолжил, нажимая на каждое слово:

-Сейчас самый главный и важнейший вопрос – это дать хорошее, правильное название вашему колхозу. Вчера вечером мы посоветовались с вашим местным активом и решили предложить вам такое название – Строгов бросил взгляд на какую-то бумажку. – Звезда Коммуны. Надо думать, звезда эта покажет вам путь в правильном направлении. По – моему мнению, а так же мнению товарища Оберемко, это очень хорошее и правильное название. Кто против?...

Слышать было только сильные порывы ветра ударяющие в стены и в балки на крыше строящегося клуба. Люди хорошо помнили еще с Украины, что значило быть в таких случаях против.

-Значит, принято единогласно!

Потом перевернул записку на другую сторону и с показным воодушевлением начал читать: -Одобренное сегодня вами гордо звучащее название колхоза, обязывает вас к еще большим трудовым усилиям во славу нашей родной коммунистической партии и ее великого вождя товарища Сталина. Пусть отныне эта звезда всегда освещает вам дорогу к коммунизму!

Строгов закончил. Комендант Оберемко, Станчик и еще несколько активистов громко захлопали в ладони. Остальные сумрачно слушали аплодисменты.

-А теперь – сказал уже почти безразлично энкеведист из района – придумайте себе название для села. Иначе так и будете всю жизнь жить на одиннадцатой точке.

Ему уже действительно было все равно. Главное его задание – организовать в селе колхоз – было выполнено. Жители села казалось тоже были абсолютно безразличны к тому, под каким названием им теперь придется жить здесь до конца дней своих. Или это будет точка номер одиннадцать, или еще как.

И тогда неожиданно заговорил старый дед Ян. Почти никто не знал его фамилии и мало кто помнил, с какого он был села. Весной минувшего года дед простыл и долго лежал в больнице в Житомере. За это время всю его семью успели вывезти в Сибирь. После выздоровления его внесли в новые списки и уже в этом году посадив в один из первых эшелонов со спецпереселенцами, привезли сюда, на точку номер одиннадцать.

Старик не имел никакого понятия, где теперь находится остальная часть его семьи. Поэтому было ему еще тяжелее, чем всем остальным. Однако силой духа был он крепче многих других. Он один сохранил спокойствие и выдержку в том моменте, когда все вокруг кричали и плакали, надеясь вымолить себе возвращение обратно. Стоял молча, худой, с аскетичным лицом, в своей старенькой, но чистой крестьянской одежде. Стоял, опираясь на такую же сухую, как он, потрескавшуюся и потемневшую от времени палку. Ветер развевал его длинные, слегка подкрученные кверху седые усы.

-Добрые люди! - начал старик на понятном для всех украинском языке, но с сильным польским акцентом. - Здесь я уже прожил все лето. Видел траву зеленеющей, теперь вижу пожелтевшей. Однако есть еще одна причина из - за которой мне тяжело здесь, если не считать разлуки с семьей, с внуками – голос деда Яна на мгновение дрогнул, спазмы сжали ему горло. Замолк на минуту и опустил глаза на свои худые, загрубевшие от тяжелой работы и прожитых лет пальцы, вцепившиеся в палку, словно когти орла в сухую ветвь.

-Тяжело мне еще по той причине, что не встретил здесь ни одного деревца, не увидел ни одной живой веточки. Вокруг повсюду степь, степь и степь. Только теперь мы можем понять, как тяжело жить в степи человеку, который выросл среди лугов и полей, лесов и перелесков.

Снова задрожал его голос и снова старик на минуту умолк. Слушавшие его люди затаили дыхание, чувствуя, как все громче стучат в них сердца, а глаза наполняются слезами. Какая - то женщина даже не выдержала, всхлипнула и тут же умолкла,

побоявшись нарушить эту святую тишину. Стояла, зажав себе уста уголком платка.

-Люди - продолжил собрав снова силы старик, – хотим мы этого или нет, но придется нам теперь жить здесь. И нам, и нашим детям, и может даже нашим внукам... Слава Богу, мы еще имели счастье, родились и выросли среди зеленых лесов и рощ, среди деревьев. Знаем, как они пахнут весной, как летом, как осенью. Так пусть же наши внуки и правнуки помнят об этом хотя бы по названию. Прошу вас назвать это село Зеленый Гай, что значит зеленый лес. Может действительно, когда - нибудь здесь вырастут деревья, леса. Так как там, на нашей зеленой Украине...

И только теперь, уже не сдерживаясь и не укрывая своих слез дед Ян тихо и горько заплакал. А вместе с ним в полном молчании и также не стыдясь своих слез плакали все.

-Похоже на то, что примирились со своей судьбой – шепнул Строгов Оберемко, – бунтовать видно уже не будут. Выборы председателя и бригадиров проведешь позднее сам. У меня сегодня уже нет сил. А фамилии наибольших противников колхоза ты все - таки запиши и пришли к нам в НКВД. И этого старика не забудь вписать. Слишком уж разговорчивый!

И уже громко крикнул собравшимся:

-На сегодня все! Собрание считаю законченным.

Так или примерно так село и колхоз получили свои названия. В похожих ситуациях получали свои названия также остальные новые спецпоселки. Однако люди еще долго помнили, какое село под каким номером было поначалу и во время знакомства часто спрашивали друг друга:

-Вы с какой точки? С шестой? А мы с десятой.

И только в дальнейшей беседе уже выяснили, какие названия имеют их точки теперь.

Весной 1937 года в колхозе засеяли первые вспаханные гектары. Немного раньше – тринадцатого мая – состоялось очередное колхозное собрание. На нем были утверждены оконча-

тельные кандидатуры на председателя колхоза и бригаиров. Окончательные, это пожалуй сказано слишком категорически. Председателя и бригаиров сменяли в то время очень часто и по малейшему поводу. Даже на благоприятной климатически Украине надо было хорошо все продумать и взвесить, чтобы вырастить и собрать хороший урожай. А что уж здесь, где никому не были знакомы ни климат, ни почва, не было соответствующих засухоустойчивых и быстросозревающих сортов пшеницы. В руководство колхоза поначалу никто особенно не рвался. Разве что во время войны, когда руководители колхоза имели так называемую "бронь" перед мобилизацией в войско.

Началось собрание и снова Оберемко вынужден был валить кулаками в стол, призывая прекратить пустую болтовню и выдвигать конкретных кандидатов. Стол теперь уже стоял на сцене законченного клуба и можно было отныне не бояться, что он вобьется в сырую землю. Оберемко пробовал убеждать малосознательных и колеблющихся кандидатов по - хорошему. Энкеведист, который опять приехал в село, в свою очередь грозил тем, что "отказ соглашаться кандидовать в таком политически важным вопросе, это прямой саботаж постановлений партии и правительства".

После длительных дискуссий, на первого председателя нового колхоза выбрали Вавровского. С выбором бригаиров уже было полегче, во всяком случае, поспокойнее.

Подготовка к первой посевной, началась еще минувшим летом. Не считаясь с тем, что строительство собственных землянок и общественных колхозных помещений, было так же делом срочным и рабочих рук там тоже не хватало, часть людей направили на работы в поля. Благодаря помощи МТС блохеровского района, которая выделила несколько тракторов с необходимым инвентарем, а также собственным колхозным волам, в 1937 году удалось подготовить к посеву тысячу триста десять гектаров земель, которые до этой поры еще не знали плуга.

Цифру эту Юзеф знал точно, так как его назначили учетчиком в четвертую бригаду. Полевой стан этой бригады находился

почти в двадцати километрах на север от Зеленого Гая. Примерно в том месте, где спецпереселенцы с четвертого эшелона должны были заложить еще одно поселение. Теперь здесь построили барак, в котором ночевали прикрепленные к этой бригаде колхозники во время посевной и уборочной, а трактористы также и зимой во время снегозадержания. Часто люди жили там целыми неделями.

Первые три эшелона привезли на одиннадцатую точку в основном поляков. В четвертом большинство составляли украинские немцы. По – польски немцы понимали так же, как поляки по – немецки, то есть практически ничего. Поэтому соседи вынуждены были общаться между собой по – украински, который знали все.

Дома большинство поляков и немцев говорили на своих родных языках, а на улице, работе или в школе в основном по – украински. В школе, вдобавок, учеников заставляли разговаривать между собой по – русски. Со временем это привело к тому, что немецкий, а в еще большем степени польский язык выходил из повседневного общения. Большой wpływ на это имела также идеологическая обработка взрослых переселенцев. Особенно это касалось поляков. На каждом шагу смеялись над их языком, произношением.

Трудно конечно укрыть, что поляки, находясь в окружении русских и украинцев, все больше употребляли в своей речи многие их слова и выражения, все хуже говорили по-польски. Некоторым активистам в том числе и Станчику доставляло большое удовольствие посмеяться, над языком “деревянных” поляков. Особенно это касалось таких диалектных выражений, как “кут утюк на вульку”, то есть, кот убежал на улицу. Прочитывать это выражение при каждой оказии, многие из них считали признаком высокого ума и юмора. Однако давно уже замечено, если у кого в голове нет, из задницы не вложишь!

На Украине власти еще старались как-то соблюдать хотя бы видимость заботы о языках и культуре разных народов. В Казахстане уже все делалось для того, чтобы люди отказались

и от своего языка, и от своей нации. Сталинская конституция твердившая, что она есть самой демократической в мире, теоретически гарантировала советским людям все положенные им права и свободы. Однако был в этой конституции параграф номер пятьдесят восемь, который все проявления национальных чувств предлагал считать, как измену Родине и таким образом полностью перечеркивал смысл всех предыдущих гарантий.

Не всегда всякие запреты входили в жизнь официальным путем, то есть открыто, через соответствующие учреждения. Очень многие решения и постановления центральных властей были исполняемы тихо и неофициально. Подтверждением этого может послужить один из архивных документов, относящийся к тому времени. Есть им протокол родительского собрания одной из школ блюхеровского района. Тогда еще само село и сельский совет носили имя Блюхера. Знаменитый советский маршал был арестован и расстрелян, как враг народа несколько месяцев позже. Потом село получило другое, существующее до сих пор название - имени Чкалова. Сам чкаловский район уже несколько лет, как не существует.

Протокол номер 2. Школа имени Мирзояна, блюхеровского сельского совета, красноармейского района. Присутствовали: Аридт, инспектор красноармейского района С. Вержиковский, директор школы Седлецкая и 64 родителя. Основным пунктом повестки дня было рассмотрение вопроса: на каком языке учить в школе детей?

Первое предложение: учить на польском, а русский язык преподавать только, как предмет.

Второе предложение: учить на русском, а язык польский должен быть обязательным наравне с другими предметами.

В этом месте следует обратить особое внимание на факт, что на том собрании даже не дискутировалось, быть или не быть польскому языку в школе. Это было само собой разумею-

щимся. Вопрос ставили, или язык польский должен быть языком, на котором проводятся все занятия или только обязательным предметом.

В дальнейшем из вышецитированного протокола вытекало, что дискуссия была долгой и бурной. Многие, особенно немцы и некоторые представители других национальностей предлагали, чтобы польский язык преподавали только, как обязательный предмет. Другие родители, в большинстве поляки, добивались, чтобы все обучение детей шло на польском.

Принимая во внимание место, условия и год проведения собрания, можно смело утверждать, что решение, которое было принято на собрании, свидетельствовало об исключительной отваге и ответственности перед своими детьми тех, для которых родным языком был по - прежнему язык польский. Аж тридцать девять родителей голосовало за то, чтобы все занятия проводить на польском. Язык русский должен был быть одним из главных предметов.

Хочу еще раз подчеркнуть, собрание проходило в начале 1937 года, одного из самых жестоких и страшных в истории советского государства. В году, когда шпионов и врагов советского народа искали всюду и находили всюду.

Следует также добавить, что общее число жителей в блюхеровском сельсовете в 1936 году составляло тысяча триста шестьдесят два человека. Поляков среди них было семьсот сорок пять. К сожалению, не удалось мне отыскать в архивах ни единого документа, в котором говорилось бы, что в школе имени Мирзояна хотя бы один день учили польскому языку. Не нашлось так же и свидетелей этого. Потому, что говорилось тогда властями одно, а делалось совсем другое.

Однако атмосфера того собрания свидетельствует о том, что в Казахстан депортировали отнюдь не деревянных поляков. Можно сказать, что это были поляки с железной волей. А за то, что со временем, под влиянием тяжелой, безпросветной жизни и усиливающегося террора, многие дрогнули, сделались безразличными и к своему прошлому, и к своему будущему – жили

одним днем – нельзя их слишком винить. Те, которые противились реальностям, должны были быть готовы к еще большим трудностям, к еще большим проблемам. Физические и психические обстоятельства, окружившие на новом месте спецпереселенцев, доводили до того, что человек в конце концов терял чувство своего достоинства и забывал даже откуда он и кто он.

В конце 1937 года тех из переселенцев, которые поначалу были размещены по несколько семей в одной комнатке, начали переводить в другие новослепленные землянки. К числу таких счастливиц относился и Леон со своей многочисленной семьей. До этой поры он жил в одной землянке вместе со старой немецкой супружеской парой. Собравшись вместе, Дьячинские и Ясиньские буквально за один раз перенесли на руках все его добро на новое место.

Тем же летом у Юзефа и Евы родился еще один ребенок. - дочка Геня. Девочка была слабенькая и требовала постоянной хорошей опеки. Старшим детям также надо было уделять много внимания, которого взрослые занятые своими бесконечными проблемами им дать не могли. Когда пришла осенняя слякототь, Геня разболелась. Ни врачей, ни тем более лекарств не было. Никто не смог ей помочь.

Янина, жена Леона, также имела несколько детей. Поэтому постройкой их нового жилья с самой весны, занимались в основном мужчины. Кроме Леона и Юзефа, в меру сил помогали сыновья Леона, высокий Петр и крепко сбитый, как на те голодные времена, Миколай. Также что – то там подносил и подавал самый старший среди детей Юзефа, также Миколай. Взрослые уже имели какой - то там опыт с прошлогоднего строительства землянок. Старались лучше законопатить щели между крышей и стенами, делали хотя бы немного больший угол самой крыши, чтобы дождевая вода могла сбегать с глинистого покрытия побыстрее, а не просачивалась в середину и не капала на головы жильцам.

Хлев к землянке пристраивали с таким расчетом, чтобы во время буранов, можно было к нему пройти также через сени.

кочевого племени, который появился в их селе пешком, прибежало посмотреть наверное с полсела. Хотя день был ясный, погодный и все имели множество дел возле своих хаток и в огородах.

Первыми, как это всегда бывает, заметили пришельца дети.

-Казах! Казах! - надрывалась половина из них.

-Орел! Орел! - перекрикивали их остальные.

Вероятно казах возвращался с охоты вместе с тем орлом, которых еще называют беркутами. Никаких подробностей не удалось однако выяснить, так как казах кроме своего родного, других языков не знал. Скорее всего, на охоте с ним что-то произошло. Может быть, конь чего-то испугался и убежал. Во всяком случае, возвращался он пешком, что для этого кочевого народа было крайней редкостью. Шел он не сам; рядом с ним неуклюже ковылял со связанными крыльями беркут.

Этот эпизод остался у Евы, как и у многих других в памяти надолго. Вспоминали о нем даже лет тридцать спустя и по-прежнему с такими же эмоциями:

-Большой был тот орел! Больше от хорошего петуха. Идет вместе с казахом, а по пятам за ними следует целая толпа. Кругом шум, выкрики, а они идут. Иногда только посмотрит орел по сторонам налитыми кровью глазами и зашипит хищно на самых назойливых.

О поведении казаха Ева ничего не вспоминала. Видимо был еще более невозмутим, чем его подопечный. Была это первая самая памятная встреча с коренным жителем, оставшаяся в памяти переселенцев.

Второй эпизод, который тоже надолго остался в памяти семьи Евы, произошел зимой. В те дни в степи опять бушевал буран. Наученные предыдущим опытом, люди теперь без крайней нужды в буран даже не высовывали на улицу нос. Старались не выходить даже тогда, когда была возможность передвигаться, держась за растянутую веревку. Никто не хотел рисковать своей жизнью, пусть даже такой тяжелой и полной мучений. Боль-

шинство переселенцев сделали себе какие - то проходы или дорожки к тем своим пристройкам, где находился скот и были сложены минимально необходимые запасы сена и соломы.

Для отопления еще с лета собирали на пастбищах и складывали в укромных местах запасы сухих коровьих лепешек. Осенью собирали огромные, достигающие метра в диаметре, сухие, колючие шары перекати – поля. По - казахски – курая. Сорванные где – то далеко ветром, катились они десятки, а может и сотни километров по бескрайним казахстанским степям. Дети ловили эти шары, топтали их ногами и связками волочили домой. Зимой были они незаменимы для растопки, быстро загорались и давали много тепла. В новых поселках не было ни дров, ни угля. Поэтому коровий навоз, курай и скрученная пучками в плотные жгуты солома составляли основной материал для отопления.

В тот день кончалась уже третья буранная ночь. Ветер все тише гудел и свистел в трубе и за окном, пока наконец уже перед рассветом совсем не перестал. Похоже было, что буран, выполнив старательно свою работу, унесся куда - то на заслуженный отдых.

-Слава Богу! Кажется, успокоилось, а то и вправду такое чувство, будто конец света приходит. – подумала сквозь сон Ева.

Однако еще через некоторое время ее и остальных обитателей землянки разбудил какой-то приближающийся топот, шуршание, короткий, резкий треск и все опять стихло. Только с потолка на головы еще сыпалась земля и труха.

-Святая Мария! Крыша валится, столько снега напало – запричитала Ева, хватаясь руками за спинку единственной, привезенной еще с Украины, деревянной кровати. – Видно будет нам здесь общая могила.

-Тихе ты со своею могилой! - прервал ее муж. – Детей только напугаешь.

Быстро накинул на себя что - то из теплой одежды и выскочил в сени. Пробивая себе дорогу лопатой, выбрался на

поверхность. Село было не узнать. Загорался поздний зимний рассвет. На востоке по всему горизонту всюду алено небо. Вокруг по земле расстилалась бескрайняя, отдающая голубишной снежная равнина с небольшими буграми в тех местах, где находились хаты переселенцев. Было безветренно, морозно и безжизненно.

Юзеф взглянул под ноги. Протянувшись через его жилище, уносились куда - то дальше две ровные полоски. Перевел глаза подальше и заметил уносящиеся в даль небольшие и легкие казахские сани. Рядом с маленьким, лохматым, покрытым инеем конем бежал высокий гончий пес. Ни летом, ни зимой ни один казах не отправлялся в дорогу пешком. Чаще всего в седле, реже на возу или на санях. И практически всегда в сопровождении одного - двух длинноногих охотничьих псов. На санках еще можно было разглядеть сгорбленную фигурку казаха, одетого в овчинный тулуп с поднятым воротником и в лисьей шапке. Похоже было на то, что сын степей даже и не заметил, что проехал через все недавно построенное село, в том числе по заметенному снегом дому Юзефа. Собственно казахи всегда ездили напрямик по степи. Ни погода, ни расстояния не пугали их ни в какую пору года. Как сами же шутили по этому поводу: еду степом, пою степом!

Сани со средней скоростью двигались в сторону Тайнши, а может быть и дальше, к Петропавловсу. Именно с этого направления относительно недавно приехали спецпереселенцы. Точнее говоря, их привезли. В отличие от коренных жителей степи, им нельзя было покидать своего села без специального разрешения коменданта. Каждый раз они обязаны были объяснять, куда и зачем собираются.

Этот смешной и грустный одновременно случай был единственным, который хотя бы на короткое время развеселил и расслабил Юзефа и Еву. Как - то больше не было поводов посмеяться. А еще чуть позже произошло событие, которое стало причиной того, что вынуждены были они расстаться навсегда, до конца дней своих.

Не раз соседи говорили вспыльчивому Юзефу:

-Будь осторожным, придержи язык. Ты же видишь, сейчас забирают людей по малейшему поводу. Помнишь, как в прошлом году Станчик говорил Котловскому, если хочешь, чтоб тебя не забрали, отдай мне корову. Котловский особой вины за собой не чувствовал и коровы не отдал. Вскоре его в селе уже не было.

Нет, не послушался Юзеф, не выдержал. Было это, собственно, трудно. Считал себя хозяином, по крайней мере, в своем дворе. К тому же, где-то вычитал изречение, которые ему очень понравились: человек – это звучит гордо!

Станчики не имели детей. Те, кто знал их еще с Украины, считали, что это Бог их наказал за такое отношение к людям. Впрочем, доносил на людей не только Станчик, но других бездетность как – то обходила.

Кроме коменданта Оберемко, который обязан был смотреть за порядком и дисциплиной на вверенной ему территории, были также на одиннадцатой точке еще десятники, которые обязаны были наблюдать за всем, что происходило на своих участках. Их обязанностью было не только наблюдать за порядком в своей части села днем и ночью, но и доносить на тех, кто что - то не так сказал или сделал.

В большинстве случаев людей на эту должность назначали против их воли. К тому же обязаны они были доносить на всех, в том числе на своих друзей и соседей. Мало кто с этим торопился. Большинство десятников старались сообщать в сельсовет только о тех нарушениях, которые уже нельзя было укрыть.

Находились конечно среди них и особо усердные. Вот хотя бы Машковска, которая по слухам помогла отправить в сибирь даже своего собственного мужа только за то, что был он слишком ревнивый. При каждом запоздалом возвращении жены домой устраивал ей семейные сцены, не желая слушать никаких оправданий.

-Нет, только сибирь может тебя исправить! - сказала в конце концов она мужу и вскоре его не стало.

Такие особенно усердные доносители были в состоянии все увидеть и услышать, и прежде всего у своих соседей. В первые месяцы по прибытии в Казахстан, они еще старались делать свою не слишком - то привлекательную работу по – тихому, чтобы это их занятие оставалось для большинства незамеченным. Видимо была еще какая - то совесть, а может боялись суда Божьего. Однако так было только вначале.

Именно в том проклятом 1937 году советская власть делала все возможное для того, чтобы доносительство сделалось по - просту патриотическим поступком, оплачивалось морально и материально. Вопреки старинной поговорке виновному кнут, а доносику – два, тот, кто доносил мог рассчитывать на похвалы властей, а нередко и части добра отобранного у разоблаченного “врага народа”, которого вывезли неизвестно куда и который уже никогда не имел шанс вернуться обратно с претензиями.

Такой подход к “патриотическим обязанностям” понравился также и некоторым спецпереселенцам.

-Грозил мне вчера Станчик – рассказывала со слезами своим соседкам постоянно болевшая Яницка, - что если я к вечеру не пригоню в его хлев моего бычка, то он расскажет на правлении колхоза, что я грозилась подпалить колхоз. А мне ведь такое и в голову прийти не могло! Просто бригадир гнал на работу, а у меня на огороде картошка еще не выкопана. Вот я и сказала ему в сердцах: пусть хоть сгорит ваш колхоз, а я пока картошку не соберу, никуда не пойду! Но у меня и в голове такого не было подпаливать колхоз. Ведь я же знаю, что это все наше советское добро – добавляла она, просяще заглядывая в глаза своим собеседницам. – Да и как это возможно, чтобы сразу целый колхоз подпалить? Это же не возможно! А бычка я все равно вынуждена была отдать. Большой уже был, почти полгода...

Слушательницы в молчании отворачивались, прятали глаза. Боялись высказывать хотя бы какое - то сочувствие, потому что это тоже могло им дорого стоить. Попробуй потом докажи, что ты не за одно с врагом советского народа.

Восьмое марта 1938 года было исключительно теплым, по-настоящему весенним днем. Как и большую часть года, так и того дня в глубоком и синем казахстанском небе сияло ясное солнце. День был безветренный, тихий, что в общем случалось очень редко. Похожие на огромные белые мешки снежные сугробы, покрывшиеся за ночь тонким серебристым слоем льда, утром были похожи на толстых баб, убравшихся вдруг неизвестно зачем в сверкающую свадебную фату.

Юзеф, который как раз вышел из дома, посмотрел на открывшуюся картину хозяйским глазом:

-Надо пооткидывать весь этот снег подальше от стен, иначе хату просто затопит.

Уверенно и старательно рассекал огромной лопатой, которую сам же сделал, целые квадраты снега и отбрасывал их чем подальше. Э - эх, если бы я только имел под рукой нужные строительные материалы – думал между делом, - такой бы дом в течение лета себе построил!

-День добрый, Юзеф! - прервал по - польски его размышления умильный женский голос, долетевший с улицы.

Юзеф обернулся. На дороге, напротив него стояла жена Станчика Хелена и кокетливо ему улыбалась. Юзеф уже не раз замечал на себе ее взгляды, да она и не слишком - то скрывала свое отношение к нему. Вот и сейчас усмехались Юзефу ее большие глаза, полные губы, даже заметный нос и тот, казалось, улыбался приветливо. Одета Хелена была в почти новое темно - синее пальто и резиновые сапоги. На голове красовался модный цветной платок. Юзефу показалось, что пальто это он уже раньше видел на ком - то другом.

-Чего это ты сегодня так нарядилась? - не отвечая на приветствие, буркнул в ответ.

Юзеф не влюбил Станчика с первого взгляда, поэтому и к его жене относился без особой симпатии. Хотя в других условиях, в другой ситуации наверное нашел бы для нее пару добрых слов. Не была она, правда, такой уж слишком красивой и умной, но и не сказать, чтобы особенно вредной.

-Не знаешь? - удивилась она и сделала несколько шагов по утоптанной в снегу дорожке в его сторону, обрадованная тем, что дождалась хотя бы какого - то заинтересования с его стороны. – Сегодня ведь праздник - женский день! Забыл об том?

-У нас в Польше не празднуют этот день – ответил уклончиво Юзеф и снова взялся за лопату, собираясь продолжить работу. Воспоминание о оставшейся где - то там далеко родине, родных и близких совсем испортило ему настроение. Захотелось остаться один на один со своими мыслями. – А в общем, не мешай мне работать. Нет у меня сегодня настроения на разговоры.

Чтобы подчеркнуть, что беседа действительно закончена, Юзеф отвернулся и со всего размаху воткнул лопату в утрамбованный около стены снег. Однако мыслями своими был сейчас далеко, не рассчитал силы удара и вместе со снегом отвалил от стены кусок штукатурки. Собственная невнимательность разозлила его еще больше. Хелена к несчастью не заметила этого, тоже видимо думала о своем.

-Что ж тебе так трудно сказать мне по такому случаю пару добрых слов?- спросила со слабой усмешкой на устах Хелена, еще надеясь на какой – то лучший оборот в их разговоре. Однако в ее глазах уже можно было заметить недобрые огоньки оскорбленной женщины, которая не прощает пренебрежения. Юзеф этого не заметил или не обратил внимания.

-Да иди ты отсюда вместе со своим восьмым марта! И чего ты ко мне прицепилась, ... твою в свет мать! - закончил он уже свое высказывание по - русски.

Ругательства были первыми русскими словами, которым он научился еще у кацапов на Украине и которые он произносил по - русски уже без акцента. Но то ли ему это только так казалось, или оскорбленное женское сердце услышало что – то совсем иное, во всяком случае вместо слова “свет” Хелена услышала “совет”. И тогда - то по очереди то бледнея, то краснея от бешенства и злорадства, она отскочила на дорогу и уже оттуда с безопасного расстояния громко начала выкрикивать все, что только приходило в голову:

-Ага! - кричала поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, чтобы ее лучше было слышно. А слушателей вокруг было немало, не только один Юзеф решил сделать порядок возле дома. – Значит ты, Дыячински, советы материшь?! Значит не нравится тебе наша советская власть? А может ты еще обратно в свою Польшу хочешь?! Так мы об этом твоём желании сообщим куда следует! Сообщим! Посмотрим, куда ты теперь поедешь!

Кричала громко, чтобы ее слышали все. Но слушателей на улице с каждой минутой становилось все меньше и меньше. Никто не желал быть свидетелем. Первой загнала домой своих детей Жоломска.

Выкрикнув на одном дыхании все, что только было на языке, Хелена повернулась на пятках и исчезла так же неожиданно, как и появилась.

-Что здесь случилось, Юзек? Чего ты с нею сцепился? Что она от тебя хотела? - забросала мужа вопросами выбежавшая на крики из хаты Ева.

-Все хорошо, Евко! Все хорошо. Так просто, поскандалили немного. Не бери в голову – стараясь сохранить спокойствие, отвечал жене Юзеф. А сам уже понимал, что ничего хорошего ни его ни его семью теперь уже не ожидает. Сердце его сжалось и замерло, словно было брошено в холодный, снежный сугроб, возле которого он сейчас стоял. Хорошо ведь знал, что людей забирали за много меньшие преступления, чем то, в котором обвинила его Станчик. Последнее время по врагов народа, вообще приезжали словно по графику, каждый месяц.

Юзефа и еще двух зеленогайцев, Негребецкого и немца Грубера, приехали забирать через неделю после этой истории. Снова бушевал буря. Целую ночь в трубе выл ветер и бросал в окна хлопьями мокрого снега. На рассвете заглушая свист и вой ветра, послышался требовательный стук в дверь. Ева перекрестилась и пошла открывать. Страхивая снег, в комнату вошли милиционер из районного НКВД, председатель сельсовета Шульц и активист Станчик.

На момент все в доме замерли. Милиционер хмуро и безразлично уставился куда - то над головами только что разбуженных детей. Шульц стоял, опустив глаза себе под ноги. Только Станчик смотрел вызывающе и с недоброй усмешкой просто в лицо Юзефа. Словно хотел ему припомнить: помнишь, говорил ведь тебе, ответишь еще!

-Собирайся, Юзеф, за тобой мы пришли... - сказал наконец виновато Шульц, который знал Юзефа еще с Украины.

Ни один из прибывших даже не пробовал делать обыск. Не искали никаких компрометирующих материалов. Все хорошо знали, что в домах спецпереселенцев, кроме одного – двух молитвенников ничего больше нельзя было найти. Люди, покидая свои дома и хаты, думали прежде всего о запасах еды и одежды. Привезенные же и припрятываемые молитвенники и так отобрано при каждой оказии. Однако более важнейшим от молитвенников для властей было то, чтобы об арестованном враге трудового народа, исчезла всякая память.

Милиционер подошел к висевшей на стене простой деревянной рамке с вложенными за стеклом несколькими фотографиями.

-Эту и эту уничтожить! - ткнул пальцем в две из них, на которых виднелся также Юзеф.

Активист Станчик тут же поспешил к стене, отталкивая хозяев. Решительно сорвал рамку, перевернул ее, вытащил указанные фотографии, порвал их на мелкие части и бросил в недавно растопленную Евой плиту. Только самый старший из детей, десятилетний Миколай, на всю жизнь запомнил одну из тех двух фотографий. Был на ней изображен еще молодой его отец со своими сестрой и братом, которые остались в Лодзи. Все трое были такие веселые и красивые...

Юзеф с чувством вины печально смотрел на сбившихся в кучку детей. Собирался в полной тишине. Ева стараясь заглушить всхлипывания, непрерывно вытирала платком глаза. Шепотом спрашивала по очереди всю непрощенную тройку:

-Скажите, Юзеф еще вернется? Он вернется?...

Шульц опустив глаза молчал. Милиционер глядя куда-то сквозь серые стены повторял, как заевший магнитофон одно и то же:

-Там разберутся! Там все выяснят! Там все скажут!

Через каких-то полчаса арестованного вывели из дома. Семье разрешили провести мужа и отца к сельсовету только для того, чтобы избежать лишних причитаний и слез здесь на месте. Ева наспех одела детей. Взяли их с собою, чтобы еще хотя бы в течение нескольких минут могли побыть возле отца, которого скорее всего уже никогда не увидят.

Сельсовет находился совсем близко. Нужно было только перейти через площадь. По-прежнему кружил ветер и летел снег, но мороза не было совсем. Большие влажные хлопья снега падали на лицо, таяли и никто из детей не мог понять, отчего у взрослых мокрые лица, от слез или от мокрого снега.

Юзеф нес на руках, крепко прижимая к себе четырехлетнюю Рузю. Ева судорожно цепляясь одной рукой за мужа, другой вела Юзю. Двое старших детей – Миколай и Викторця, прячась от ветра за матерью и отцом, шли сами. Семьи остальных арестованных уже были на месте. Они также провожали своих мужей и отцов.

-Видишь - не упустил возможности уколоть Юзефа еще раз Станчик, – живешь ближе всех, а пришел последним.

Юзеф не ответил.

Здесь, в сельсовете, была также Хелена, жена Станчика. Стояла наполовину укрывшись в углу возле большой круглой печки, обогревавшей сразу два помещения. Смотрела на Юзефа и в молчании грызла себе ногти. Только теперь она поняла размеры своей глупости.

Юзеф посмотрел на нее, припомнил что - то и повернулся к жене:

-Ева! – сказал ласково, как никогда до этого.- Когда закончится метель, отбрось от дома снег, чтобы от сырости плесень не появилась на стенах. Когда – то теперь удастся поставить новую хату?...

Юзеф был прав. Только спустя двадцать лет его сын Миколай смог построить себе новый дом. Ева не в силах произнести ни слова, только молча кивала головой.

-Ну, прощайтесь! - сказал Оберемко. И две семьи польских, а одна немецкая начали торопливо сквозь слезы и причитания что – то там говорить каждая на своем языке.

Арестованных посадили посреди саней. Два милиционера сели сзади, третий спереди, рядом с приставленным к этой работе возницей. Тот со всего размаху хлестнул ни в чем не виновных коней и громко крикнул на русско – польском:

-Но, пошли, вашу мать! Пошли, курвы! - и еще раз страшно и громко заматерился.

Кони рванули с места и через минуту все исчезло в белой завихрухе. Прощай, дорогой мой дедушка Юзеф! Никто из нас так уже и не увидит тебя никогда.

В конце пятидесятых годов, во время появившейся так называемой хрущевской оттепели, уже взрослые дети Юзефа внесли в суд апелляцию по вопросу своего отца. Получили короткий ответ, что их отец умер в лагере по болезни. Прошло еще тридцать лет. Наступила очередная волна гласности и демократии, горбачевская. Теперь уже я выступил с письмом в областную прокуратуру. В официальном ответе, который я получил, по поводу смерти моего деда было написано уже совсем другое:

“Прокуратурой области рассмотрено ваше заявление. Расследовав поднятый вами вопрос, информируем, что ваш дед Дыачинский Юзеф, сын Юзефа, арестованный 16 марта 1938 года, был подозреваемый в шпионаже в пользу польской военной разведки и о проведении антисоветской пропаганды против политики партии и правительства. Решением специальной комиссии НКВД СССР с дня 29 августа 1938 года Дыачинский Юзеф, сын Юзефа был приговорен к смерти через расстрел. В документах нет сведений, где и когда приговор был приведен в исполнение.

16 января 1989 года на основе постановления Верховного Совета СССР все незаконно репрессированные были реабилитированы. К их числу относится также ваш дед.”

Даже на то, чтобы сходить или съездить в соседнее село, спецпереселенцы должны были получить особое разрешение из комендатуры. Тех, кто этого не сделал, а был пойман или же наказывали штрафом на сколько - то там трудодней, или же если нарушение считали более серьезным, передавали дело для рассмотрения в соответствующие органы. В этом случае обвиняемому уже грозила тюрьма или даже отправка в лагерь, куда - нибудь на безбрежные просторы сибиря. Несмотря на всякого рода трудности, сосланные старались любыми путями узнать, есть ли в соседних селах кто - либо из числа их родственников или знакомых. Обращались в комендатуру, старались узнать что - нибудь через появляющихся каким - то образом в их селах других спецпереселенцев. Временами это удавалось.

Спецпоселок Леонидовка находился от Зеленого Гая на расстоянии каких - то семидесяти пяти километров, по другую сторону Тайнши. Принимая во внимание обширные просторы казахстанских степей, не было это аж так далеко даже для пешеходов, особенно летом. Кроме того на этом пути находилось уже несколько новых сел. На этой дороге было также два - три села, в которых жили потомки давних ссыльных и тех, кто получил здесь землю относительно недавно, лет двадцать пять перед последними спецпереселенцами, во время так называемой земельной реформы царского министра Столыпина.

Теперь, при okazji, выяснилось, что был это политик совсем неглупый и дальновидный. Он одним из первых понял, что здешний плодородный чернозем в будущем сможет прокормить немало людей. Поняли это очень скоро также и сталинские министры. Но в отличие от своего предшественника, который старался заселить степные просторы на добровольной основе, эти действовали революционными методами, с помощью угроз и пистолетов.

Любопытный и настойчивый Антони Левандовски еще в первую зиму смог разузнать, куда были сосланы семьи Дьячинских и Ясиньских. Поэтому сразу же после закончения первой посевной, он выпросил у своего коменданта разрешение, сел на велосипед, привезенный еще с Украины – предмет зависти всех тех, кто вынужден был мерить казахстанские просторы пешком, - и двинулся по степи, словно по путеводной нити, от одной точки до другой.

В жизни переселенцев появление в селе нового человека было событием чрезвычайным. Многие ведь здесь были знакомы между собой или слышали друг о друге еще с Украины. Поэтому перед домом Юзефа и в самой землянке до позднего вечера толпились люди. Со всех сторон летели вопросы:

-С Яблонового есть там кто - нибудь в вашем селе?

-А с хутора Подгайный? С хутора Подгайный?...

-Не слыхали там случайно что - нибудь о семье Пясковских?

Наконец все разошлись. Юзеф достал припрятанную заранее бутылку водки, еще одну принес Леон. В первый раз после того, как злые силы вырвали их с цветущей житомирской земли и бросили сюда, на границу Казахстана и Сибири, снова собрались за общим столом трое друзей и родственников. Сейчас они сидели и по очереди вспоминали добрыми словами всех тех, с которыми жили еще не так давно рядом, всех своих родственников и близких, всех тех, о судьбе которых уже что-то знали и тех, о которых может уже никогда ничего не узнают. Но сейчас они были мыслями с ними со всеми и тепло этих воспоминаний согревало сердца и кружило головы намного сильнее, чем выпитая ими водка.

В следующий раз Антони приехал в гости весной 1938 года. Вошел в сени, как всегда, шумный, веселый, с развевающимися рыжими усами. Толкнул по - хозяйски дверь в маленькую избушку.

-Ева! Юзеф! Встречайте! Снова к вам приехал.

Однако в этот раз его встретили не общие слезы радости хозяев, только слезы и печаль одинокой Евы.

Утром Антони уехал. И вся обратная дорога от Зеленого Гая до Леонидовки блестела и расплывалась перед его глазами. Словно ехал он не по степи, а по морю слез.

На встречу Антони возвращающегося на своем поскрипывающим, далеко слышном велосипеде, поспешила вся семья. Жена Мария, сыновья – подростки Норберт и Юзек, их дочери. Последним перебрался через высокий порог самый младший из семьи – Цене, Чеслав.

-Нету уже Юзефа, Марыня! - ответил хриплым голосом Антони на немой вопрос застывшей в беге жены. – Забрали в НКВД.

И Антони, который все неудачи и трудности судьбы переносил с высоко поднятой головой, снова заплакал горько и безнадежно. Этот удар советской власти оказался для него самым тяжелым. Оба они любили друг друга, как братья.

Летом 1938 года распаханые целинные поля дали хороший урожай. Зерно не успевали с полей вывозить. Собственно не было даже куда его девать. Элеваторов еще не построили, а обычных складов под зерно оказалось слишком мало. Зерно ссыпали, где только было можно, даже в помещениях клубов. И все равно на токах его было много. В том году колхозникам на трудодни выдавали зерно щедрой рукой. Поэтому в тех семьях, где имелось двое - трое трудоспособных, а детей было мало, те свои запасы пшеницы смогли растянуть чуть ли не до самой войны.

Большинство однако так не смогло сделать по той простой причине, что не было его где хранить. В выкопанных поспешно погребках или же пристроенных как попало возле землянок сарайчиках зерно невозможно было уберечь от сырости. Во время непрерывных осенних дождей или весенних потопов вода и влага проникали всюду.

На Украине, где основным строительным материалом было дерево, а крышу покрывали снопами ржи, в помещениях всегда было сухо. С поколения на поколение люди учили там друг

друга строительству хороших, теплых домов. С тех крыш вода сбегала, как с гуся вода. Было сухо на чердаках и в домах. Здесь лесов не было, да и пшеничная солома была слишком короткой, чтобы покрывать ею крыши. К тому же она была необходима на корм скоту и опал. Так что стены землянок спецпереселенцы перекрывали обыкновенными досками, которые снаружи густо обмазывали глиной, кто как умел. Умели плохо и во время дождей почти у всех крыши протекали.

Ева осталась в семье единственной работницей. Должна была обрабатывать трудовни в колхозе, работать на собственном огорожке и смотреть за детьми. Меньше всего времени и сил оставалось конечно для детей. Однако наступившей зимой Еве с семьей голод еще не грозил. Получила за свою работу немного пшеницы, был неплохой урожай картошки и других овощей в огорожке. На счастье имели еще привезенную с Украины их главную кормилицу – корову.

И еще одному почти ежедневно, как отче наш учила Ева своих детей:

-Всегда думайте, что говорите! Никогда и нигде не говорите ни одного плохого слова на советскую власть и товарища Сталина. Потому, что меня тогда тоже заберут, а сами вы пропадете.

Впрочем, этому же учили своих детей во всех семьях. И во многих эта учеба, словно болезнь какая сохранилось до конца дней их. Даже много – много лет позже, выпивая в компании ближайших друзей, критиковать политику партии и правительства – это было последнее, на что решился бы человек.

Тем временем жизнь сосланных двигалась понемногу дальше. Власти уже как - то успокоились в постоянных поисках врагов народа. Может это перестало быть модным, а может просто до властей дошло, что вместо залюднения земель может получиться их обезлюднение.

В 1939 году жизнь на новопостроенных точках начала понемногу стабилизироваться. Крышу над головой хотя бы плохонькую имела уже каждая семья. Многие начали покупать или

на что - то выменивать поросят у жителей окрестных старых сел: русских, украинцев, немцев. У казахов из близлежащих аулов выменивали овец. Брали их в основном ради шерсти, само баранье мясо у поляков да и немцев большим успехом не пользовалось.

Все меньше было также тех, кто пробовал убежать обратно на Украину. Хотя еще в 1937, а особенно летом 1938 года многие пытались это сделать. Бежали целыми семьями. Когда сориентировались, что через Тайншу убежать практически невозможно, так как выдавал акцент и отсутствие паспортов, выбрали другую, более сложную дорогу. Бежали в сторону транссибирской магистрали. Однако в Петропавловске тоже опасались появляться. Поэтому сначала старались пробраться к небольшой, уже находившейся на территории России станции Булаево. Часто пешком целыми семьями с минимально необходимым в пути вещами на плечах, шли к ней несколько десятков километров по степи, стараясь избегать по дороге людских поселений. И тогда, если снова повезет, имели шансы проехать через Петропавловск уже как транзитные пассажиры.

К сожалению, ловили почти всех. Женщин и детей отправляли обратно на свои точки. Мужчин, как правило, на какой - то срок в тюрьму. Некоторые пробовали убежать снова. Коллега Миколая Сташек Погожельски убежал три раза. Хлопец был старше Миколая всего на пару лет, а за подростками в спецпоселках не смотрели так строго, как за взрослыми. Сташек подговаривал бежать также Миколая, но тот не решался оставить мать со своими маленькими сестрами. Кроме того он от самого рождения имел одну ногу немного короче другой. В случае погони далеко не убежишь.

-А я буду бежать! - упрямо повторял черноволосый, щуплый Сташек.- Ты знаешь, моего отца забрали еще в тридцатом году, а мать умерла в голодном тридцать третьем. Я здесь с тетей Теклей. Тетя очень добрая, заботится обо мне, как о своих детях. Но я не могу без нашей Янушевки, не могу без яблонь и груш, не могу без лесов. Не могу и все!

Миколаю тоже при одном только воспоминании о том всем, хотелось плакать. Но как он мог оставить на произвол судьбы семью, которая и так уже осталась без отца? Не хотел даже думать об этом.

Первый раз Сташек убежал всего через неделю после того, как их поселили на точке. Через два дня после побега, его уже привезли обратно. Сняли с поезда еще в Тайнше. Во второй раз он исчез из села весной тридцать восьмого года. В этот раз Сташек заранее накопил себе на дорогу продуктов, а о дальнейшем пути расспрашивал по дороге таких же беглецов, как он сам. Милиционеры нашли его уже в родной Янушевке, до которой он все – таки смог добраться и отправили под конвоем обратно. Вернулся Сташек еще более худой и бледный, чем обычно. Тем не менее, по – прежнему был он по – прежнему непокорный и все время вспоминал о тех мгновениях свободы, которые пережил.

-Ничего страшного! - говорил он Миколаю, заканчивая свои воспоминания. - Теперь я знаю, как надо убежать и как прятаться. Теперь меня не поймают! Побежишь вместе со мной?

-Нет! - решительно ответил Миколай. - Я в доме единственный мужчина. На кого оставлю всю семью?

-А я снова буду бежать. И доберусь теперь уже до самой Польши. Там не догонят!

И в ночь на Яна – Купалы, которую поляки пробовали и здесь как-то отмечать, несмотря на то, что вокруг села не было ни озера, ни реки, ни леса, Сташек убежал в третий раз. С той поры никто о нем уже ничего не слышал.

Вскоре в Европе началась вторая мировая война. В домах еще не было собственных радиоприемников, не было также и газет. Если какие и появлялись, то изредка. Однако громкоговоритель, вывешенный на столбе возле сельсовета, уже работал. С утра до вечера сообщали в нем о всякого рода успехах советского государства под руководством великого Сталина. Для разнообразия подавали также информации о новых, уме-

ло замаскировавшихся, но уже разоблаченных врагах трудового народа.

Из громкоговорителей спецпереселенцы узнали также о том, что немцы напали на Польшу и что польские войска отступают под напором врага. Судьба Польши не была сосланным безразлична. Практически каждая польская семья имела там своих ближних или дальних родственников. Некоторые из них и сами там побывали.

В половине сентября радио объявило, что Красная Армия пересекла советско – польскую границу. Слушателей информировано, что Советский Союз решился на этот шаг только для того, чтобы прийти с братской помощью белоруссам и украинцам, проживавшим там в приграничных районах. Сначала спецпереселенцев охватила радость, что хотя бы какая – то часть их земляков будет спасена от вероломного Гитлера.

Однако, когда в 1940 году в Казахстан начали прибывать очередные эшелоны с “освобожденными” советской армией поляками из занятых ею территорий, среди предыдущих спецпереселенцев появились первые сомнения по этому поводу.

Лица новоприбывших были еще более грустными, чем тех, кого привезли несколько лет назад. На своих земляков, которые пробовали сочувствовать им по поводу тяжелой жизни в буржуазной Польше, как это утверждала советская пропаганда, те смотрели в ответ грустно и даже с сожалением. Впрочем дискуссий на эту тему они сторонились. Не только сами не начинали разговоры, но с опаской оглядевшись по сторонам, отходили от тех, кто начинал такие расспросы.

А потом началась уже война Советского Союза с Германией. На всех свалились новые беды и новые несчастья, и никому уже не хотелось выяснять, кому и где до этого было хуже. А потом, после войны, полякам – сосланцам второй волны было разрешено вернуться на родину. Конечно уже не на те земли, где они родились и проживали. Те территории уже были включены в состав СССР. Они вернулись в Польшу в ее новых границах. А оставшиеся казахстанские поляки, Впрочем, как и все совет-

ские люди только полвека спустя узнали правду и о пакте Риббентропа – Молотова и выниковавшим из него четвертом разделе Польши.

В протоколе комиссии соответствующего отдела НКВД от двадцать шестого мая 1938 года было записано, что в двух колхозах района, в том числе в Зеленом Гае еще осенью этого же года должны были быть заложены лесопитомники. Основными породами деревьев, которые комиссия рекомендовала рассаживать в окрестных спецпоселках, были: тополь канадский, береза, клен татарский и желтая акация. Из этих четырех пород по мнению комиссии наиболее подходили к рассаживанию, были тополь и акация, как самые неприхотливые и быстро растущие деревья.

Предложения комиссии были разосланы в соответствующие организации, как инструкции и указания. В те времена указания или предписания любой комиссии НКВД должны были быть безусловно выполняемы. Не принимались в расчет никакие оправдания. Поэтому уже к весне сорокового года в питомниках подросли и окрепли первые сотни маленьких саженцев.

Примерно в это же время на станцию Тайнша очередной эшелон привез новую группу поляков, которых вывозили в Казахстан и сибирь после поражения Польши в тридцать девятом году. Был среди новых ссыльных высокий, худой старик с интеллигентным лицом, в очках и в шляпе. Оказалось, что старик имеет очень редкую в степи специальность лесника, лесника – садовника.

Едва только в сельхозотделе районного НКВД узнали, что в новом транспорте прибыл человек с такой дефицитной профессией, его сразу же направили на работу в питомник в Зеленом Гае. На ближайшем же собрании председатель колхоза Петр Вавровски откровенно сказал новому леснику:

-Мы здесь мечтаем, чтобы наш Зеленый Гай сделался действительно зеленым гаем, то есть лесом. Ну, пусть хотя бы был у нас маленький лесок или же парк. Могли бы вы, Янек, сделать

так, чтобы в нашем Зеленом Гае появился маленький лесок, гаек? Просят вас об этом не только поляки, но и все жители села.

Как это прекрасно, когда ты и твоя профессия становятся нужными людям! Прошло ведь всего несколько дней, когда Ян оказался в здешней голой степи. Потрясение, которое он испытал, увидев здешние окрестности, было наверное еще большим, чем то, которое получили другие ссыльные.

Ведь вся его жизнь была связана с лесом. Он планировал и высаживал новые леса и парки, следил за их ростом и развитием. Те леса не были его собственностью, но ими он жил. Жизни без пышных, высоких и раскидистых деревьев он по – просту себе не представлял. И увидев вокруг станции бескрайнюю и безлесную степь, в первое время он даже был подумал, что жить ему уже незачем. И вот теперь, когда он услышал такие слова в свой адрес, старый лесовод не мог скрыть слез. Искра надежды вдруг засветилась в его сердце, оживила его тело и душу. Лесник стяхнул слезинки, сбежавшие по худым щекам и сивым усам, поднял голову и сказал неожиданно окрепшим и помолодевшим голосом:

-Очень прошу панов дать мне немного времени, чтобы оглядеться вокруг, посмотреть на саженцы в вашем питомнике, а также осмотреть то место, где вы хотели бы заложить этот свой парк.

-Только не панов, Янек! Все мы здесь теперь товарищи – подавивая легкий вздох, ответил ему Вавровски. – А осмотреть все, обдумать, это пожалуйста.

Через неделю лесник принес план парка. Нарисовал он его на не очень качественной бумаге, однако проект выглядел необычно красиво. В середине села находился пустырь размерами примерно двести на двести метров. Бока этого квадрата планировалось засадить акацией. В центре квадрата должна была быть оставлена небольшая круглая полянка. От нею во все стороны и углы были запланированы дорожки, обсаженные деревьями. Аллейки и дорожки планировалось обсадить акацией,

саженцев которой имелось наиболее. А по углах, на свободных местах, были нарисованы березки и клены.

Проект понравился всем.

-Только здесь вот – комендант указал карандашом на полянку, находившуюся в центре будущего парка – надо сделать небольшую пятиконечную клумбу в форме звезды и засадить ее красными цветами. Красная звезда – символ нашей страны. Надо это тоже здесь как - то обозначить!

Лесник неуверенно повел плечами. Видимо еще не до конца понимал идеологическую важность символов в ежедневной жизни человека. Однако высказанное замечание обещал принять во внимание во время реализации проекта.

На его просьбу постоянным помощником к нему прикрепили того самого деда Яся. Отличался он от своего непосредственного начальника только годами. Был лет на пятнадцать старше. Нуждался даже в таких само очках, которые до этой поры нигде не мог достать. Теперь же, хоть иногда, а надевал очки своего шефа. Эта маленькая радость, а так же то, что и он еще нужен людям, привела к тому, что дед Ясь распрямылся, помолодел даже и разница в возрасте стариков стала уже совсем незаметной.

-Ничего больше мне уже и не нужно – шептал он, кланяясь во все стороны. – Помогу, насколько сил хватит. Посадим саженцы, посмотрю, как они растут, зеленеют, а потом уже и умереть не страшно.

Естественно, когда надо было копать и разрыхлять землю под саженцы, а потом их поливать, дедам выделяли помощников, чаще всего женщин. А садить деревца они уже сами сажали, с полуслова понимая друг друга.

Лесники работали до первых заморозков сорокового года, а весной следующего, сорок первого посадили последние саженцы. Самое главное было сделано. Парк, который все называли сад, был заложен. Теперь начали работу над насыпанием пятиконечной клумбы, которая должна была зацвести красными цветами. Но этой работы они уже не закончили, не успели.

Началась великая отечественная война и никому уже не было дела до эстетики, пусть даже и идеологической. Каждый думал теперь только о том, как прожить и пережить. Все мысли людей были направлены на поиски пищи и обогрева. Сад остался заброшен. И как среди людей не все уцелели, так и среди деревьев. Войну пережили только неприхотливая акация да пару кленов. Березки, которым здешняя, богатая черноземом земля не очень – то подходила, погибли полностью. Впрочем, что там деревья! Сколько людей погибло! Война становилась все более страшной не только для людей на фронте, но и в тылу.

В 1940 году матери начал помогать подросший Миколай. Особенно при выкопке колхозной картошки и свеклы. Несмотря на то, что хромал, да и лет имел не так уж много шел с матерью наравне. В течении года вместе выработали около тысячи трудодней. К сожалению, получили за них намного меньше, чем в 1938 году. Однако Ева не тратила надежды, что с каждым очередным годом жизнь у них будет теперь улучшаться. Все планы перечеркнула война.

К тому времени, к началу войны, самым доверенным и проверенным активистам колхоза поставили в домах радиоприемники. Более – менее регулярно стали появляться газеты. В клубе начали показывать фильмы и люди имели информацию, что “если завтра война, если завтра в поход...” уже сегодня все должны быть готовы к защите родины. Поэтому когда пришла эта грозная минута, казалось бы все уже максимально должны быть приготовлены к этому. А линия фронта, неизвестно почему, вдруг начала быстро двигаться не на запад, а на восток.

В начале войны на фронт не брали ни поляков, ни немцев. Ждало их что - то может даже худшее – трудармия. Если солдат погибал в битве, перед смертью его, как правило, никто не мучил. В трудармии на человека с первых же дней смотрели, как на потенциального врага трудового народа и советской власти. Значит всякими способами, психическими и физическим с него нужно было выжать все, что только возможно. А останется ли

у так называемого трудармейца после этого еще какое - то здоровье и будет ли он вообще жить, это уже менее важно.

Поэтому из трудармии после войны возвратилось людей не больше, чем с фронта. С той поры по новых селах начала ходить грустная поговорка: "Ты выглядишь, как с трудармии пришел!" Погасшие глаза и какая-то полная безнадежность в максимально истощенной фигуре – так они выглядели. И еще долго – долго не могли улыбаться.

В трудармию забрали также Леона и Антони. Они однако имели исключительное счастье. Направили их работать на рыбозавод в Петропавловск. Здесь тоже обходились с ними безжалостно, от раннего утра до поздней ночи выжимали с них все, что только было возможно. Однако здесь хотя бы время от времени им перепадал кусок рыбы. Намного хуже было тем, кого отправили на шахты Караганды или Урала, или же на лесозаготовку в сибирскую тайгу.

В начале лета накануне войны в Зеленый Гай еще раз приехал Антони. Хотя рад был встретиться с сестрой жены и племянниками, настоящего веселья, такого, какое было, когда вместе с ними был Юзеф, уже не получалось.

-Слушай, Ева – после коротких приветствий, гость перешел сразу же к делу. – Посоветовались мы с Марией и если ты не против, мы возьмем к себе твою старшую дочку. Тебе было бы легче, а мы с Божьей помощью постараемся ее как - то прокормить и воспитать. Наш Норберт получил уже свидетельство об окончании семилетней школы и теперь заканчивает курсы трактористов. Юзек наш уже тоже подросл, помогает. Пусть уж твоя Виктуся начинает у нас учебу от первого класса. Плохо ей с нами не будет.

-Соглашайся, Евка! - поддакнул Леон. - Сама видишь, что на нашу помощь особенно рассчитывать тоже не приходится. Много нас, сами еле концы с концами сводим.

Заплакала Ева горько, поняв особенно теперь, как тяжело быть вдовой. Однако припомнила свою умершую маленькую Геню и вынуждена была согласиться.

-Мы будем приходить к тебе в гости – утешала, собирая в дорогу мало что понимавшую Виктусю, а за одним и саму себя, – а как только начнем лучше жить, заберем тебя обратно.

Проведывать ходили пешком. То она с сыном, то Миколой с кем - нибудь из ровесников. Летом было добираться легче, зато в летнюю пору все в колхозе были завалены работой и получить разрешение от коменданта было не просто. Так что очень не часто проводывали они Викторцю, намного реже, чем того хотели бы.

Тем временем Миколай, главный помощник Евы, подрос и окреп. Однако, тот недостаток, на который так рассчитывала вся семья, не приходил. Скорее, наоборот. На едва только народившиеся колхозы навалилась тяжелым бременем война и связанные с нею несчастья и бесправия.

Тяжело было полякам, но еще хуже было немцам. С Украины вывезли немцев относительно немного. Зато с началом военных действий на зауральских просторах их стало появляться все больше и больше. Целыми эшелонами высылало НКВД в сибирь и в Казахстан давних немецких колонистов с Кавказа и Крыма. Особенно большая волна немцев хлынула летом сорок второго года с поволжья. В то время полным ходом рвалась к Волге армия генерала Паулюса. Немецкие войска шли как раз в те места, где в двадцатых годах была создана Приволжская Автономная Немецкая Республика.

Опасаясь со стороны здешних немцев предательского удара в спину Красной Армии, Москва решила автономию немедленно ликвидировать, а немцев вывезти в Казахстан и сибирь. Вывозили их еще в больши́м поспеху, чем несколько лет назад поляков. Те имели хотя бы какое – то время на упаковку своих вещей. Здесь и того не было. Части НКВД окружив очередное немецкое село давало на сборы считанные часы, а то и минуты. Быстрее, войска Паулюса наступают!

Несчастные едва успевали бросить в сумки какие - то вещи да одеть детей, как уже звучала новая команда: “Выходить на посадку!” Вывозимые в поспеху немцы вынуждены были бро-

сильно на произвол судьбы не только свои дома, сады и огороды, но даже домашних животных и птиц, которых они имели. Не было даже времени кому – то их отдать. Да и кому? Вывозили всех!

И потом еще долго – долго по обезлюдевших немецких селах мычали и блеяли недоенные коровы и козы, бегали выпущенные из клеток свиньи, растерянно бродили по дворам куры и утки. И только после того, когда через какое – то время их всех выловили и пустили в солдатские котелки интенданты, в немецких селах наступила тишина. Страшная тишина! Мужчин немцев к этому времени уже практически всех отправили в трудовую армию, а женщин с детьми расселили по селам сибиря и Казахстана.

Из первого эшелона с немцами, который пришел в Тайншу, в Зеленый Гай направили только восемь человек. Первой из тех, кто выразил желание вступить в колхоз, была зарегистрирована Адольфина Давидовна Копф. Немцы, собственно, как и остальные жители села, вынуждены были вступать в колхоз независимо от того хотели они этого или не хотели. Выжить в одиночку им здесь просто не удалось бы, тем более, что привезли их на новые места жительства фактически с голыми руками.

В степном, безлесном Казахстане наибольшие трудности составляло добывание топлива для отопления землянок и приготовления хотя бы какой – нибудь теплой пищи. И без того небольшие доставки угля и дров с началом войны почти прекратились. Не хватало вокруг села также коровьих лепешек, которых можно было бы использовать как топливо. В то же время удаляться слишком далеко от села на поиски этих кизяков или сухого бурьяна, как это делали, например, казахи, ссыльные не имели права.

Зимой, когда работы было меньше, многие из спецпереселенцев старались, чем поменьше выходить из дома, чтобы не впускать холод. Однако мороз и ветер и без того очень быстро остужали их земляные, плохо слепленные хатки.

Удержание тепла хотя бы в одном углу дома, где можно было бы собраться и согреться всей семьей, было постоянной

проблемой еще перед войной. Во время войны нехватка топлива стала настоящим бедствием. Перестали завозить лес на строительство домов и учреждений, возле которых всегда можно было насобирать хотя бы щепок. Уменьшилось количество скота и вместе с ним количество коровьего навоза. Уменьшилось также количество посевов пшеницы, а значит было также меньше соломы для отопления и приготовления хотя бы какого-нибудь жиденького супа.

В семье Дьячинских можно сказать самой бесценной вещью оказалась старая перина, то есть пуховое одеяло, которое Ева получила еще на Украине, как подарок на свадьбу. Перина была большая, почти вся семья могла спрятаться под нею. Тем более, что и старинная деревянная кровать, на которой перина лежала, тоже была большая.

Даже Коля, хотя обычно спал на печке, поставленной его отцом, и тот под утро не выдерживал, поспешно слезал и трясясь от холода приходил погреться под перину. Не раз также случалось, что слабо нагретая из-за недостатка топлива лепянка во время длинной и морозной ночи полностью теряла свое тепло. В такие дни по утрам отблески от огня в растапливаемой плите блестели на инее, висевшим по углах комнатки.

В доме не было свечей, не хватало также керосина для лампы и все вынуждены были ложиться спать едва только наступали сумерки. Поэтому просыпались тоже рано, задолго до первых проблесков солнца. Лежали, переворачиваясь с боку на бок не желая покидать согретую постель. Рузе и Юзе уже хочется на старое ведро, служившее им вместо ночного горшка. Однако девочкам даже страшно подумать, что придется вылезать из-под перины. В конце не выдерживают и одна за другой едва касаясь босыми пальцами ледяной земли, бегут к ведру. Журчания льющейся жидкости не слышно. Ведро стоит возле двери и его содержимое, накопившееся еще с вечера, к утру успело уже замерзнуть. Потом сестрички снова бегут под перину и еще какое-то время трясутся под нею от холода. Еще немного позже тихонько начинают шептать матери:

-Мама! Мы есть хотим...

Им жаль матери, ей ведь также холодно. Но дети еще с вечера легли спать голодными. Мать понимает их. Еве конечно тоже не хочется вылезать из – под теплой перины, тем более, что не знает, чем сможет растопить плиту. Но встать надо. С тяжелым вздохом натягивала на себя все, что только было можно из своей и оставшейся после мужа одежды.

Рядом с нею, также весь трясясь от холода, при самом маленьком, экономном огоньке лампы одевается Коля. Он должен идти в школу. Уроки обычно не начинались, пока не рассветет, но приходить на занятия нужно вовремя. За опоздания и прогулы вызывают родителей. Миколай мечтает о том, чтобы после окончания семи классов, пойти куда – нибудь учиться дальше. У него хороший голос и слух. И если где – нибудь собирались на вечеринку парни и девчата, он уже и сейчас был у них первым запевалом.

-Ну, пошли – обращается мать к сыну.

Затем закидывает на плечи старый, весь в латках мешок и первой идет к двери. Ева надеется, что может быть удастся раздобыть где - то немного сухого навоза, остатков соломы или хотя бы немного щепок на растопку. Коля выходит с матерью. Рузя и Юзя прижавшись под периной друг к дружке, стараются не шевелиться, чтобы случайно не впустить к себе холод. Лежат и терпеливо ждут возвращения матери. Наконец она возвращается, приносит с собой раздобытые где - то несколько горстей сухих опилок и соломы. При растапливании стараясь сэкономить каждую крошку, подсыпает в огонь сухой навоз.

Постепенно язычки пламени делают все более уверенными. Ева ставит на плиту котелок, наливает в него воду. Только после этого дети решаются вылезти из – под перины, начинают бегать по комнате и играть. При каждом удобном случае стараются однако хоть на момент прижаться к теплой плите.

Зимой еда была практически всегда одна и та же. Жидкая мучная похлебка или же суп с клецками, в которых иногда плавали также кусочки картофелины. Не раз, особенно ближе

к несне, случалось, что и такого супа не было из чего приготовить. Тогда выходили всей семьей на колхозные поля. Там, гребясь в первых проталинах, искали оставшуюся с осени мерзлую картошку. Потом терли ее на терке и из этой полученной массы пекли себе оладьи, зачастую даже не на постном масле, а на машинном.

Такие находки были для них большим праздником, но случались они не слишком часто. Ведь выходила на поля не только их семья, множество людей рылось в оттаивавшей земле. Поэтому, случалось и так, что по три дня они ничего не имели во рту. Тогда Рузя и Юзя ходили просить к тем сельчанам, кому жилось хоть немного лучше. Были это те, у кого отцы работали трактористами или же имели какую-то другую более-менее оплачиваемую специальность. В крайнем случае, ходили просить в те семьи, в которых хотя бы был отец. Почти всегда какие-то крохи домой все-таки приносили.

Не все однако были в состоянии выдержать такую беду и безнадежность. Вечно больная, слабосильная Яницка осталась сама с тройкой детей. Мужа ее одного из первых забрали в трудовую армию. С навалившимися трудностями женщина уже не в состоянии была справиться. Смотреть на мучения своих постоянно голодных детей она тоже не могла. И не раз соседи видели, как она выползала на порог своей лепянки и протягивая к небу высохшие руки умоляла:

-О, святой месяц, святое солнце! Заберите моих детей к себе, пусть они уже больше не мучаются...

Люди слушали ее и вытирали слезы. Однако мало кто был в состоянии ей помочь.

В следующую военную зиму Еве удалось устроиться уборщицей в школу. Была это грязная и тяжелая работа, но имела одно большое преимущество – была это работа постоянная. Директор школы Хомутовски, также из спецпереселенцев, был человеком требовательным. Во всяком случае, так о нем говорилось. Был он высоким, худым мужчиной в пожилом веке.

Одет был всегда в один и тот же темно - серый костюм. В школу директор приходил раньше всех и прежде всего проверял подготовку школьных помещений к урокам. Никогда не забывал проверить также и чистоту в классах. Не дай Бог, если проведя носовым платком по окну или подоконнику, обнаруживал на нем следы пыли! А ведь печи, из которых одна половина отапливала один класс, а вторая другой, топили углем. Собственно углем, хоть и плохонького качества, отапливались тогда все общественные помещения.

Только сами уборщицы знали, сколько сил стоило им выскрести и вымыть деревянные, но уже заметно потертые и некрашенные полы. Однако это считалось обычной, нормальной работой. Намного важнее здесь было то, что при этой работе всегда можно было, пусть даже в карманах принести домой одну – две горсти угольной пыли или щепок на растопку своей плиты.

Казалось, что из людей выжали все еще в первую военную зиму. Фронт однако требовал все больше и больше. В протоколе собрания от одиннадцатого февраля сорок второго года – собрания тогда происходили часто – повестка дня была сформулирована в такой способ: “О приготовлении подарков для Красной Армии и другие вопросы, связанные с работой для фронта.”

Сражающейся Красной Армии решено было подарить добавочно, кроме того, что планировалось ранее следующие продукты: десять центнеров муки, шесть центнеров зерна, шесть бараньих туш, одного вола и одного кабана. Эти вопросы, как того и следовало ожидать проголосовали быстро. Тех, кто пробовал несмело протестовать, спрашивали напрямик:

-Вы что же это, товарищ, желаете, чтобы наши враги одержали победу!?

А кто желал, чтобы победу одержали враги? Но когда начались рассматриваться другие вопросы, связанные с ежедневной жизнью села, споров было уже значительно больше. Наказали например завклубом Островского, который развесил сохнуть в клубе возле печки постиранные занавески, а сам куда - то

пошел. Из плохо закрывавшихся, перекошенных дверей печки вывалился на валявшийся внизу муссор горящий уголек. Огонь коснулся одной из занавесок, от нее загорелись и остальные.

-Ну, что я могу сделать, если печка в таком состоянии? - выкрикнул Островски. - Ведь сколько раз я обращался в сельсовет, чтобы печь отремонтировали капитально или даже построили новую. Отвечают, нет специалиста.

Многие в эту минуту припомнили Юзефа Дыячинского. Однако сказать что – либо вслух никто не осмелился. Сказать хотя бы одно слово в оборону осужденного врага народа, это было то же самое, что подписать приговор самому себе.

Несмотря на все его просьбы и оправдывания, Островскому присудили заплатить за сгоревшие занавески двести двадцать пять рублей в три срока. Такая кара фактически означала, что виновный должен был бы продать что – то со своего хозяйства, чтобы рассчитаться. Однако многие считали, что ему еще и так повезло. Случись это в 1937 или 1938 году, мог бы получить десять лет.

-Ты помнишь Войткевича? Жил в совхозе имени Блюхера тихо спросил Миколай у Франека Жоломского.

-А как же! - ответил знающий о всех и все Франек. - Они жили на Украине в нескольких километрах от нашего села. Пропал ни за что человек! Подобрал в магазине с пола потерянную продавщицей катушку ниток. Длина нитки на катушке была двести метров. Получил за это двадцать лет. В приговоре записали очень хитро: “Обвиняемый похитил двести метров пошивочного материала!”

Островски действительно имел много счастья. Намного меньше имели его бригадир Кучински и конюх Гливицки. Заведующая колхозной пекарней и первая активистка сельсовета заметила, что воз с зерном, вместо того, чтобы ехать с тока к амбару, повернул в село. Небо было захмурено, не было видать ни месяца, ни звезд. Поэтому бдительной активистке удалось без труда и никем не замеченной идти след в след за злоумышленниками.

Те вскоре подъехали к дому Гливицкого, где выгрузили зерно. Договорились поделить его позже. Это позже уже никогда не наступило. Через несколько часов, на рассвете к дому Гливицкого пришли с ревизией. Бесполезны были просьбы и объяснения обоих виновников в том, что у них дети умирают с голода.

-У всех дети умирают с голода – поучительно сказал им в ответ бездетный Станчик, - но разворовывать государственное добро мы не позволим!

На правлении Станчик и Машковска настояли на том, чтобы дело о хищении государственной собственности передать в следственные органы.

Очередное колхозное собрание состоялось всего через полмесяца, двадцать шестого февраля. В этот раз повестка собрания была следующая: 1. О выполнении постановлений VI пленума Центрального Комитета партии Казахстана. 2. О повышении производительности и установлении новых производственных норм.

В переводе на нормальный язык это означало, что с этого дня, чтобы получить один трудодень надо будет еще больше работать, а выполнить годовую норму трудодней многим будет еще тяжелее. А значит опять последуют кары.

В этот день также принимали в колхоз очередную партию сосланных немцев в количестве семидесяти девяти человек. В основном женщин и детей. Здоровых мужчин уже забрали в трудармию. Самым тяжелым для семьи, оказавшейся без своего главного кормильца были даже не голод и холод, а налоги. Собственно из-за них в основном люди мерзли и голодали. Платить налоги и записываться на займы обязаны были все. Сняли это ярмо с колхозников только в половине пятидесятых годов, после смерти Сталина. Люди связывают освобождение их от этой каторги с именем секретаря ЦК партии Маленкова. Но еще долго – долго, вспоминая в разговорах о налогах и займах, люди словно тогда, били себя в грудь и кричали с тоской и безнадежностью в голосе:

-Ну откуда у меня деньги на эти налоги? Ведь я уже отдал все, что мог! Все!!

Неизвестно почему, требовали заплатить налоги и подписаться на очередные займы как раз по ночам. Возможно потому, что сами руководители и активисты колхоза вынуждены были поблуждать до поздна у телефона. Ведь в каждую минуту по тому или иному вопросу мог раздаться телефонный звонок из райкома. А может еще и потому, что ночью человек чувствует себя более неуверенным, более измучен и скорее поддается психологической обработке. Поэтому, едва только кто - либо из откатившихся от "добровольного" подписания приходил с работы домой, как уже вскоре слышал стук в свое окошко и хриплый, также измученный голос посыльного поднимал его на ноги:

-Вставай! В сельсовет тебя вызывают. Сказали, чтобы немедленно. А если не придешь, то за сопротивление советской власти пойдешь под суд, как враг трудового народа.

В сельсовете продолжают разработку этой темы дальше:

-Поддай на письме причины, по которым не хочешь подписаться на государственный заем. Не понимаешь, что это патристический долг каждого гражданина, подписаться хотя бы на сто или двести рублей? - гремит кулаком по столу председатель сельсовета.

-Но откуда же я возьму такие деньги? В доме ни копейки!

-А корова, которую тебе теленком колхоз продал два года назад? Ведь она же отелилась? Отелилась! Вот и отдавай молоком.

-Так ведь это же первотелка! Сколько там того молока? А дома дети маленькие...

Снова удар кулаком по столу:

-Только о своих детях думаешь?! А в городе голодные рабочие возле станков стоят! А на фронте солдаты за вас кровь проливают! Это что, ничего не значит!?

-Хорошо, подпишусь! - шепчет бледными губами измученная уже всем женщина. Не видя сквозь слезы бумаги, кое - как выводит на ней свою фамилию и шатаясь идет к выходу. Снова все ее деньги пойдут на оплату долгов. Снова дети будут сидеть голодными.

Из дома Евы взять уже было нечего. Даже перина и та теперь вся была в заплатках. Заплатки Ева делала из остатков того материала, который она получила еще перед войной за хорошую работу. Перина была розового цвета, материал синий. А нитки, которыми были пришиты заплатки черного и белого цветов. Детям такое богатое разнообразие очень нравилось. Рузя и Юзя проводили возле этой перины целые дни, раскладывая на ее трех и четырехугольных геометрических фигурах своих слепленных из глины и завернутых в клочки материи дочек.

Дыячинска в своем хозяйстве кроме коровы и нескольких курей не имела ничего. Тем не менее и ее вызвали в сельсовет, чтобы подписалась на заем.

-Нечем заплатить? – переспросили, словно сами не знали этого. - Возьми тогда облигации в кредит, а со временем за них рассчитаешься.

-А потом откуда я возьму деньги? - пробовала она отказываться. - Я и сейчас не знаю, как жить?

Спорила, а сама боялась, что за сопротивление властям и ее могут забрать в тюрьму. Тогда – то дети станут уже круглыми сиротами. Не выдержала, подписалась и она.

А работы на женские плечи сваливалось все больше и больше. К 1943 году почти всех взрослых мужчин из немецких семей мобилизовали в трудармию. Поляков, из тех, что не имели освобождения от службы, начали забирать или же в Красную Армию или в начавшееся формироваться на территории Советского Союза Войско Польское.

Со старого, основанного еще в царские времена немецкими колонистами села Новодворовка, в котором жили в основном их потомки, мужчин забрали практически всех. Не осталось никого, кто бы мог там отремонтировать технику или же хотя бы запрячь коня или быка. Районные власти вынуждены были направить туда из Зеленого Гая тридцать поляков. Сначала отправили только мужчин, а потом к ним дослали также и их семьи. На протесты переселяемых, как обычно, никто даже внимания не обращал.

На одиннадцатой точке, где был организован колхоз Звезда коммуны, впрочем также, как и в других селах, сельскохозяйственная техника была уже изношена до основания. В машинах тракторных мастерских, МТС – ах, не хватало запасных частей. Во время посевной или уборки на полях работали все более – менее исправные трактора целыми сутками практически без перерыва. На такие “мелочи”, как отсутствие освещения внимания не обращали. Выход был найден очень простой. К каждому трактору прикрепили так называемого ведущего.

Был это человек, который обязан был ходить ночью с керосиновой лампой перед трактором и освещать ему дорогу. Была это тяжелая, монотонная и опасная работа. Каждый старался ее избежать. Ведь отойдешь чуть подальше вперед или в сторону и тракторист уже теряет след, а чуть задержишься или споткнешься, можешь сам угодить под колеса или гусеницы трактора.

В конце войны землю обрабатывали практически уже только быками и лошадьми. От полностью изношенных и беспрерывно ломавшихся тракторов пользы было мало. Вместо запасных частей во время посевной или уборки в колхозы высылали теперь из района уполномоченных. Когда доходило до поломки того или иного трактора, уполномоченный размахивал перед носом перепуганного тракториста пистолетом и орал:

-Ты враг народа! Тебя надо расстрелять, как диверсанта и саботажника!

Хороших коней в колхозе также было мало. Все лучшие отправились на фронт. Коней заменяли волы. На пахоте и других полевых работах управляли ими в основном двенадцати – четырнадцатилетние подростки. Никто не обращал внимания на их возраст. С них спрашивали, как со взрослых.

Миколай припомнил себе историю, которую рассказала ему сестра Виктория, когда однажды после посевной пришел ее отвезать. Бороновать одно из полей послали их двоюродного брата десятилетнего Чеся. Было оно густо покрыто оставшимися еще с прошлого года засохшими бурьяном и другими сор-

няками. Борона беспрерывно забивалась ими. Надо было тогда ее переворачивать и очищать от скопившихся между зубьями сухих стеблей. Слабосильному, щупленькому Чеславу это было не под силу. Тогда в голову ему пришла, как казалось, счастливая мысль.

Вместо того, чтобы поднимать борону, он решил сжигать накопившиеся растения в самой бороне. Сам же, пока сухая трава выгорала, стоял и отдыхал. Один раз ему удался этот эксперимент, второй. Однако на третий раз Чесе не принял во внимание с какой стороны дует ветер. А ветер подул как раз в сторону волов и огонь подпалил им хвосты. Волы, которые до этого казалось еле волочили ноги и были безразличны ко всему на свете, неожиданно начали громко реветь, подскакивать, а потом подхватились с места и помчались вместе с боронами, куда глаза глядят.

-Мы как раз в это время недалеко оттуда засыпали в селялки пшеницу – продолжала смеясь рассказывать эту историю Миколаю сестра. Ее радовало и то, что пришел брат, и то, что случившееся казалось ей смешным. Да и по натуре была она веселой. - Волы бегут, рычат, хвостами размахивают, как веревками. Бегут и машут ими, бегут и машут! Бороны за ними аж подскакивают. Чесе хочет их догнать, а не может, только кричит им вслед: "Стойте! Говорю вам, стойте!!"

Щуплая, светловолосая и подвижная сестра еще раз весело рассмеялась. Самому Чесю в тот день было совсем не до смеха. Как назло, в то время поблизости проезжал их председатель колхоза. Увидел, что происходит и с ходу перетянул Чесю пару раз кнутом по щуплому заду. Потом еще и оштрафовали его на пятнадцать трудодней, чтобы другим не захотелось делать ничего подобного.

Герой ее рассказа стоял здесь же, рядом с ними, и кисло усмехался. Был он щуплый и невысокого роста. Одет в старенькую, выцветшую и изношенную двумя старшими братьями одежду. Собственно, его двоюродные сестра и брат выглядели ничуть не лучше. Но никто не видел в этом ничего удивитель-

ного. Ни у кого не было денег на новую одежду. А если бы даже и были, то не было где купить самой одежды. Изредка только, по большим праздникам, награждали отрезами материи передо-инков труда, да и то только тех из них, кто выработал наибольшее количество трудодней.

По этому случаю Виктория припомнила еще одну историю, которая казалась ей особенно смешной. Правда, рассказывала она ее с определенным смущением.

-Помнишь, Миколай, нашу соседку Стасю Карпович? Она ведь уже почти взрослая. Живут они с матерью вдвоем в лепянке, которая уже еле стоит. Мать ее постоянно болеет и живут они наверное беднее всех. И вот однажды замучили Стасю вши. Решила она в один из вечеров расправиться с ними. Сняла платье, села возле лампы и начала их искать. А ничего другого, чтобы одеть на себя, нету. Нет даже газеты, чтобы завесить окошко. А кто - то из проходивших мимо парней заметил это, позвал других - Виктория снова засмеялась. - Стася сначала пробовала от них отворачиваться, как - то закрываться. А где в такой хатке спрячешься? В конце концов махнула рукой, села поудобнее на табурете посреди комнаты и уже не обращая ни на кого внимания, продолжала вылапывать вшей. Потом несколько дней об этой истории рассказывали по всему селу. Стыд какой!... Но закончилась эта история очень даже хорошо. Узнали обо всем этом в сельсовете и на первое мая мама и дочка получили по куску ситца на платья.

Ее старший брат не нашел в этом рассказе ничего смешного. Подобные случаи происходили и в их селе. Однако у них никому и ничего не давали.

Вообще казалось, что для людей уже не стало никакого милосердия. Не только редких мужчин, но и женщин, детей заставляли работать в колхозе от темна до темна. Голодные, раздетые и босые, многие просто засыпали на ходу или же в редкие перерывы падали от усталости, кто где стоял. Тем не менее, пахали, бороновали, сеяли. Труднее всего было конечно во время уборки.

Под конец войны в каждой бригаде в Звезде Коммуны оставалось по одной жатке. Общая площадь посевов в ту пору составляла две тысячи шестьсот пятьдесят гектаров. Поэтому было невозможно успеть убрать все посевы только этими жатками. Приходилось косить пшеницу также косами и серпами. Потом ее вязали в снопы и свозили на тока. Там уже со снопов вымолачивали зерно.

С полей, которые находились между десятой и одиннадцатой точками, в наиболее урожайные годы пшеницу возили молотить в Новогречановку, где на складах было больше свободного места. В Новогречановке, как впрочем и в некоторых других селах, проживали поляки, предки которых происходили из Польши, из мазур. Мазурами называли их на Украине, мазурами продолжали звать также и в Казахстане. Говорили они хоть по – польски, но имели свой диалект.

От Новогречановки до Зеленого Гая десять километров. Обмолоченное зерно надо было привезти обратно. Когда волы были заняты или уже были не в состоянии волочить ноги, руководители колхоза и бригад заставляли хозяек после работы гнать корову с пастбища не домой, а в Новогречановку. Там на хребет буренки взваливали мешок с зерном, который надо было отвезти в амбары в Зеленом Гае и сдать его там таким же весом. И только после этого уже можно было гнать корову домой на вечернюю дойку и отдых.

Тяжело было коровам в колхозе, а что уж говорить о волах, которые были в постоянной работе от первых проблесков солнца и до самой темноты? Среди колхозников по этому поводу ходил даже анекдот, скорее грустный, чем смешной.

Едут будто бы однажды автомобилем по Советскому Союзу Черчилль, Рузвельт и Сталин. Смотрят посреди моста развалился и лежит себе бык, отдыхает. Послали англичанина, чтобы тот прогнал быка. Премьер и по хорошему просил его уступить дорогу, и бил, ничего не помогает. Послали американского президента, результат тотже самый. Пошел тогда сам Сталин. Шепнул быку пару слов на ухо, тот подскочил и через минуту его словно ветром с моста сдуло. Даже след простыл.

Взяло заграничных гостей тут любопытство, начали распринкивать главу советского государства:

-Как это вам удалось, Иосиф Виссарионович? Что вы такое скачали этому быку?

-Да не о чем здесь даже и говорить - небрежно махнул тот рукой, - мелочь все это.

-Ну, а все - таки, все - таки? - не унимались гости.

-Сказал ему – слегка усмехнулся Сталин, – если сейчас же не уберешься с моста, завтра с самого утра пойдешь на работу в колхоз.

Беды и несчастья людям приносил не только жестокий сталинский режим. Словно в пару с ним временами шла также природа. Причем некоторые климатические явления были типичны только для степного Казахстана. На Украине или в Польше подобные погодные явления вообще были неизвестны.

Люди были не в состоянии запастись кормами аж на такой долгий зимний период. Поэтому вынуждены были выгонять скот в поле, едва только показывалась первая зеленая травка. Так было и весной 1943 года. Уже в половине апреля, когда на полях, на солнечных и более высоких местах растаял снег, а вода сбегала по канавам и рвам, скот выгнали на пастбища.

Две недели над степью стояла теплая, весенняя погода. С утра до вечера в высокой синеве сияло ясное солнце и звонкие песни жаворонков заглушали журчание последних весенних ручейков. Отовсюду веяло миром и спокойем. Все вдруг изменилось в один день. Двадцать шестого апреля налетел буран. Выражаясь языком метеорологов, с севера неожиданно вторгнулись огромные массы холодного воздуха. В Казахстане бураны и метели могут быть и в мае. В таких случаях даже коренные жители, с детства знающие степь и ее погоду, не всегда в состоянии все предвидеть. Что же тогда говорить о сосланных сюда совсем с другой земли?

В считанные часы температура резко упала. Вслед за этим начал валить густой снег, закрутил ураганный ветер. Среди белого дня наступила темнота. В таких случаях лучше всего

укрыться в четырех теплых стенах и переждать. Но как можно сидеть и ждать, когда единственная твоя кормилица в поле?! К тому же казалось, что буран за час – два пронесется дальше. Не зима ведь!

Все кто мог побежали в степь искать своих коров. Под таким сильным, пронизывающим ветром, стадо долго не может устоять на ровном пространстве. Тем более, что после голодной зимы, животные еще не успели окрепнуть. Сначала от стада отрывались самые молодые и слабые. По двое, по трое, а потом уже целыми десятками бежали коровы, телята, овцы, подгоняемые ледяным ветром. Бежали неизвестно куда в поисках хоть какого - то укрытия от разбушевавшейся непогоды. Только где найдешь это укрытие в широкой и ровной степи?

Того дня, а был то первый день Пасхи, потерялось и замерзло почти все стадо. Многие из хозяев скота, побежавшие на поиски своих животных, вернулись обратно промерзшими, с разными обморожениями. Двенадцать человек не вернулись вообще. Они также не нашли ни обратной дороги, ни хорошего укрытия, чтобы попытаться переждать беснующийся буран. Замерзли насмерть. И это только в Зеленом Гае. Также было и в остальных колхозах.

На третий день после того, когда эта страшная завируха наконец утихла, а ласковое, доброе солнце снова засияло в небе и в воздухе опять разнеслись чистые, звонкие песни жаворонков, которые каким - то чудом умели укрываться от такой непогоды, зеленогайцы снова вышли в степь, искать уже не столько животных, сколько людей. Большинство из замерзших так и находили скорчившимися посреди ровного поля. Словно хотели хотя бы таким способом сберечь в себе последние частички тепла.

Некоторые заснули и замерзли, или же задохнулись в маленьких копнушках соломы, которые им удалось отыскать и там спрятаться. Погибли потому, что мокрый и липкий поначалу снег под влиянием спадающей температуры замерзал и под конец копны оказались покрытыми непроницаемой для воздуха ледяной скорлупой.

В самых черных снах люди из плодородной, с умеренным вниманием житомержизны не могли ожидать и предвидеть подобного кошмара. Над всеми спецпереселенческими селами носились плачи и причитания. Погибло ведь столько людей, столько скота, так необходимого оставшимся для их дальнейшего существования.

После этой трагедии многие из председателей колхозов и сельсоветов были сняты со своих должностей. Некоторые были осуждены “за невыполнение своих служебных обязанностей.” Какие конкретно обвинения были им поставлены, не говорилось. Скорее всего, просто кто-то должен был понести наказание за имевшую трагедию. Впрочем, что с этого? Ни умерших людей, ни павших животных уже нельзя было воскресить.

Следующая зима была наверное самой трудной из всех военных зим. О молоке, а тем более о каком-то кусочке мяса или килле жира большинство могло только помечтать. Быстро кончилось зерно, полученное колхозниками осенью на трудовни, которое к тому же было неочищенным и плохого качества. Уже в середине зимы во многие семьи пришел голод.

Новое правление колхоза во главе с новым председателем (оспицким – а в то время председателей сменяли часто – решило обратиться за помощью в район. Хотя знали, в районе очень не любят, когда обращаются за помощью к ним. Куда больше им любили требовать сами.

Собрание происходило двадцать седьмого января сорок четвертого года. Для колхозников на нем решался в буквальном смысле вопрос жизни и смерти. Вот фрагменты из протокола этого собрания.

“Выслушано несколько просьб от наиболее нуждающихся колхозников. Принято решение о выяснении точного количества наиболее пострадавших и обратиться о помощи для них в районный исполнительный комитет.”

Многие на том же собрании выступили с просьбами о выделении им для пропитания хотя бы отходов зерна. В ряде случаев соседи или родственники, договорившись между собой,

просили, чтобы им за двух находившихся в тот страшный буран дома и поэтому уцелевших телят, дали взамен хотя бы одну на двоих какую -нибудь корову. Среди других вопросов обсуждалась также информация правления о том, что добровольный налог в пользу сельского совета в 1944 году выносит шесть тысяч сто восемьдесят рублей. Это означало, что сколько бы человек не надрывался на колхозных полях, невозможно было заработать столько денег, чтобы хотя бы какая – то часть из них осталась также для себя. По этому поводу в то время бродила такая грустная поговорка: заработать ноль без палочки! То есть, сколько бы не заработал, и так все снова повысчитывают.

Были подняты на собрании и обычные, ежедневные проблемы.

“Выслушана жалоба бригадира Фогеля на пастуха Островского, который из - за слишком сильного удара быка вожжами повредил ему глаз.” Островски пробовал оправдываться тем, что изголодавшийся бык опасно заатаковал его рогами и чувствительно помял, когда тот появился возле него с охалкой сена. Он только вынужден был обороняться от быка. Как и в большинстве других подобных случаев, никакие просьбы и объяснения не помогли. Дело передали в районный суд.

Было передано также в следственные органы дело о хищении дояркой Гучковской двух с половиной литров молока. И в этом случае не помогли ее объяснения, что молоко взяла для голодающих детей. Решено наказать ее примерно, “чтобы и другим отпала охота красть раз и навсегда, чтобы все остальные знали, что их ждет в будущем за хищение государственного имущества”.

Все, которые хотя бы раз были пойманы на каком - то даже самом мелком нарушении, обязаны были подписать приготовленное заранее стандартное обязательство, которое звучало так: “я, такой - то и такой ниже подписавшийся, обязуюсь со всей ответственностью на будущее, что уже никогда не буду разворовывать колхозного имущества и буду бдительно стоять на его страже. Если же я не сдержу своего обещанного слова, прошу,

чтобы меня наказали со всей суровостью советской справедливости.”

Этого же дня было принято также решение о том, чтобы бухгалтерше Богдановой было разрешено вернуться на прежнее место жительства – на территорию, освобожденную от врага Родины. Решено было не только разрешить ей уехать домой, но и обеспечить на дорогу мукой и мясом.

-А мы? Отпустите и нас. Мы даже не просим продуктов на дорогу! - начали кричать многие из поляков.

Сосницки, стараясь не смотреть людям в глаза и перекладывая на столе с места на место бумаги, хмуро ответил:

-О возвращении поляков в места их прежнего проживания пока никто не выдал соответствующего распоряжения.

Видимо тоже имел на это скрытую надежду.

-Никогда бы раньше не подумала, что буду когда - нибудь завидовать москалям! - грустно вздохнула после собрания Яниши. - Они вот уже могут возвращаться на свои места...

-Грех завидовать другим! - ответила ей также невесело Ева.

Видимо, такая наша судьба. Будем здесь ожидать своей смерти.

Весна сорок четвертого года не была для спецпереселенцев наилучшей. Умерших от истощения и изнурительной работы было меньше, чем этого можно было ожидать. Девятнадцато марта пригрело солнышко и снег повсюду начал быстро таять. Каждый, кто только мог, вышел на поля искать потерянные во время уборки колоски или же оставшуюся осенью незамеченной в земле картошку.

Люди готовились к Пасхе. Мололи на ручных жерновах последнее зерно и выпекали из полученной муки, перемешанной с отрубями оладьи, а из перетертых мерзлых картофелин пекли на машинном масле блины. Потом, плача от счастья, ели это все и благодарили Бога за то, что не дал им этой зимой умереть от голода.

Ева с детьми также насобирали в поле всего по немногу. Соседи Граббе принесли им несколько окрашенных в луковичной шелухе яиц и немного молока. Поэтому также и у Дыячинских Пасха получилась на удивление богатой.

Еще с дореволюционных времен люди слышали о Казахстане и Сибири, что это местности которые власти превратили в места ссылок и каторги. Но неизмеримо больший поток ссыльных и заключенных пошел сюда в советское время. Какие только народы не ссылали в эти края! Однажды привезли даже корейцев. Поселили их на окраине Зеленого Гая. Жили корейцы по своим традициям, говорили на своем языке. Поляки с ними каких - то особых, близких отношений не имели, хотя жили, в общем, в согласии. С того периода Еве запомнился один случай, связанный с этим народом. Вспоминала она эту историю еще много лет позднее, как и ту встречу с казахом и орлом.

В один из дней послал председатель колхоза ее и еще нескольких женщин, полек и немок, помочь одной из корейских семей побыстрее оштукатурить и побелить лепянку. Оставленное бывшими обитателями это жилище все более давало знать проникающим холодом надвигающейся осени. Собрались женщины, пошли. Новые переселенцы встретили их приветливо. Обещали за помощь хорошо накормить и еще что –нибудь дать на дорогу. Политические и экономические условия у корейцев были намного лучше, чем у поляков и немцев.

Присланные на помощь женщины потрудились на совесть. К вечеру работа была закончена. Хозяева накрыли стол и пригласили работниц на ужин. На столе уже был хлеб, капуста, молодая картошка. Уселись к столу голодные женщины, смотрят, а из бочки, похожей на ту, в которой обычно солят на зиму капусту, хозяйева накладывают на тарелки еще что - то. Огурцы, не огурцы, на грибы тоже не похоже. К тому же и не встретишь здесь никаких грибов кроме шампиньонов, которые к тому же не солят. Наконец поставили хозяева на столе миску с этим непонятным соленным или маринованным угощением. При свете настольной лампы гости наконец разглядели необычное угощение.

-О, Боже! Да ведь это же соленые лягушки! Да как же можно что - то подобное есть?!

Содрогнулись, закрестились и закрывая рты руками, бросились к выходу. Не могли уже есть ни хлеба, ни картошки.

Потом еще долго, качая головами и брезгливо сплевывая, говорили одна другой:

Еще до этой поры, когда припомню себе, как лежали тогда на гарелках эти зеленовато – коричневые жабы, скользкие, словно их только что вытащили из болота, так желудок мне в горло подкатывает.

В сорок четвертом году, к тем, которых сослали в Казахстан перед войной и в начале войны, начали привозить новых ссыльных. Теперь уже с Кавказа – чеченов. О них ходили слухи, что когда немцы дошли до предгорий Кавказа, чечены начали им помогать. Нападали на советских солдат, убивали их или же похищали и выдавали немцам. Были, вроде бы, такие же безжалостны, как и фашистские немцы.

В Зеленый Гай привезено было около ста чеченов. Порасеяло их также и по другим селам. Новые ссыльные не вызвали у старых слишком приятного впечатления. Были замкнутые и мрачные, явно непокорные к своей судьбе. Крючковатые носы и острый взгляд черных глаз, сверкавших из - под низко надвинутых лохматых папах, которые они носили летом и зимой, вызывали у большинства недоверие и даже боязнь. Помогали тому и распускавшиеся неизвестно кем слухи о совместных немецко - чеченских акциях против советской армии.

Больше всего чеченов поселили в Мироновке, недалеко Гайнши. К тому времени на станции Тайнша был уже построен элеватор. Дорога, по которой ехали возы с зерном проходила как раз возле Мироновки. Только на первом возу сидел кто - нибудь из стариков, на остальных – подростки. Когда возы сближались к Мироновке, на душе у сидевших на возах делалось невесело, словно проезжали возле какого - то недоброго места, где всякого можно было ожидать.

Председатели колхозов, которые вынуждены были принять к себе чеченов, теоретически обязаны были обеспечить их всем необходимым для нормального проживания. Однако председатели, у которых и других забот было по горло, с этим особенно не спешили, а скорее всего, не имели слишком больших воз-

можностей. Чечены вынуждены были заботиться о своем питании сами. Колхозное зерно, к примеру, они добывали себе совсем другим способом, чем это делали поляки и немцы, выносившие его с токов украдкой за пазухой или в карманах. Чечены это делали более простым и производительным способом.

Завидев еще издали едущую степной дорогой колонну возов, в соответствующем моменте, не торопясь выходили с ведрами к обочине. Затем требовательным жестом задерживали возы и словно собирая дань, зачерпывали с каждого воза по ведру зерна. После чего также молча поворачивались и уходили к себе обратно. Теперь и возчикам можно было ехать дальше. Никто из сидящих на возах не осмеливался даже протестовать такому явному грабежу среди белого дня. Тем более, что возвращаться обратно надо было этой же дорогой, к тому же вечером или даже ночью.

После войны корейцы и чечены уехали из села. Корейцам было разрешено возвращаться домой уже сразу после войны, чеченам – после смерти Сталина.

Наступила весна сорок пятого года. Пришел День Победы. Люди плакали. Плакали не только потому, что многие потеряли своих родных и близких. Плакали не только потому, что перенесли столько трудов и лишений. Плакали с радости. Те, которые имели на фронте родственников, ждали теперь на их возвращение. На что - то надеялись даже те, которые получили известия о смерти своих близких. Случались ведь ошибки!

Ждали также на тех, которых забрали в трудовую армию и на тех, кого еще до войны забрал НКВД, как врагов народа. Может теперь высокие власти поймут, что никакие это были не враги и позволят им вернуться домой? И все верили в то, что теперь, после войны, жизнь их уже будет не такая, будет совсем иная. Лучшая!

И действительно. Понемногу возвращались с фронта демобилизованные солдаты. Вернулись даже некоторые из тех, о которых информировано что пропал без вести. Возвращались также из трудовой армии. Истощенные, больные, но некоторые возвраща-

Однако никто не вернулся в Зеленый Гай из тех, кого арестовали еще до войны и называли врагом народа. Тем не менее и на их возвращение оставшиеся семьи ожидали еще долго. Вещь никогда и никакие вести о судьбе арестованных мужей и отцов в семье не приходили. И только во время хрущевской оттепели, когда уже замужние, проживающие в городе дочери Юзефа обратились с апелляцией в суд о судьбе своего отца, они получили ответ, что их отец умер в лагере по болезни, но теперь реабилитирован, как несправедливо репрессированный во время сталинского режима .

И тогда Ева бессильно и горько заплакала, как и во время того памятного мартовского бурного дня. И в первый раз опустилась на колени, чтобы помолиться за покой души умершего Юзефа, с которым прожила в мире и согласии десять лет. А без мужа, до самой своей смерти, жила еще сорок пять лет.

Быть может, в этот же день также и сын Юзефа Миколай впервые со времени арестования его отца мог гордо поднять голову и громко сказать всем:

-Назвали были моего отца врагом народа! Какой же он враг!?! Как раз всю жизнь старался делать для людей что – то доброе. Безвинно его замучили, гады!

Весной 1945 года Миколай Дыячински работал на волах во время посевной и однажды только чудом избежал участи своего отца. В тот день, как и в предыдущие, подвозил на поля к сеялкам семенное зерно. Люди были измучены многодневной тяжелой работой от раннего рассвета до глубокой темноты. Все работали из последних сил и едва случалась хоть маленькая оказия, чтобы отдохнуть, использовали ее.

Подъезжая возом в очередной раз к углу вспаханого поля, Миколай заметил, что трактора нигде поблизости не видать. Неприятное снова случилось какая -нибудь поломка и трактор ремонтируют, подумал он. Слез с воза и присел на первую, еще мягкую и душистую весеннюю траву. Было поздно. На небе уже светили звезды, но луны еще не было. Было совсем темно. Посевная подходила к концу. Даже здесь, в северном Казахстане

в эту пору года бывают теплые ночи. Вот как и в этот раз. Трактор по - прежнему не появлялся. Миколай лег на спину, вытянул ноги и измученный непрерывным недосыпанием, крепко уснул. Разбудил его подъезжающий с тарахтением трактор. Миколай не успел еще ничего сообразить, как тракторист не заметив стоявший в конце поля воз и на развороте на полной скорости налетел на него.

Воз от удара отбросило, во все стороны посыпалось зерно. Но это было бы еще полбеды. Хуже всего было то, что воз отбросило на лежавших и отдыхавших волов и одному из них железным обручем колеса глубоко рассекло ногу и вдобавок сломало кость. Представившаяся в ночи картина была действительно страшной. На полных оборотах рычал зависший на сломанном возе трактор. Рядом от боли и страха громко мычал вол, который снова и снова пытался вскочить на поломанную ногу, но каждый раз со стоном бессильно падал на землю.

А вокруг всего этого кошмара бегал с лампой перепуганный, заикающийся от страха молодой осветитель Саня Фогель, который сам едва не оказался между заворачивавшим трактором и стоявшим на его дороге возом.

-О, майн Гот! Боже мой! Что теперь будет!/? Убегай, Миколай, убегай куда -нибудь!

И Миколай, который хорошо знал, как наказывали даже за много меньшие поступки и нарушения, побежал чем подальше от продолжавшегося страшного зрелища.

До самого утра просидел он одиноко в степи, размышляя над своей судьбой. Сломанный воз, искалеченный, наверное уже мертвый вол, задержка посевной... А ведь он уже шестеннолетний! Через считанные дни будет восемнадцать лет. Под утро Миколай все же понял, что в степи он так и так умрет от голода. А убегать куда - то далеко без паспорта и с одной коротшей ногой, не имело смысла. Заметят и снимут на первой же станции. Решил сдаться добровольно.

Оказалось, что имел исключительное счастье. Руководство колхоза в связи с победой над фашистской Германией и по по-

воту окончания посевной, приняло решение зарезать на празднование какого-нибудь слабосильного вола. Вот и решили считать предназначенным на убой как раз этого, искалеченного из-за его невнимательности вола. Хотя именно этот вол еще до войны поры был образцом здоровья. В этот раз руководство колхоза подошло ко всему случившемуся крайне рассудительно. Миколая конечно осудят и сошлют, но потом им же самим трудно будет найти второго такого же старательного и трудолюбивого парня, а работы в полях было все больше и больше.

К тому же оказалось, что тракторист так же был виноват, при развороте слишком далеко выехал за пределы поля. В конце концов ограничились тем, что с Миколая и тракториста сняли возмещение поломанной и поврежденной техники трехмесячного количества трудодней. О искалеченном быке в решении не упоминалось.

На первом общеколхозном собрании 1946 года подвели итоги потерям, понесенным за годы войны. Коней осталось только сто, да и то не наилучших. Крупнорогатого скота триста девяносто голов, свиней – сто две штуки, овец – четыреста восемнадцать, гусей – семнадцать, курей – семьдесят шесть. Посевной площади было две тысячи семьсот семьдесят восемь гектаров. Из них пшеница занимала тысячу девятьсот шесть гектаров. В членах колхоза состояло триста двадцать семь человек.

Из вышеприведенных цифр следовало, что по сравнению с предвоенным периодом, наиболее уменьшилось количество скота и птиц. Но хуже всего было то, что несмотря на постоянную доставку в колхоз новых ссыльных разных национальностей, число полноправных колхозников за предвоенное и военное время не только не увеличилось, но даже уменьшилось с четыреста одиннадцати членов (в соответствии с протоколом от тридцать первого августа 1937 года) до триста двадцати семи человек (в соответствии с протоколом от седьмого января 1946 года).

Зато многократно увеличилось в степи количество волков. Встречи с ними случались все чаще, причем в разных местах

и в разных ситуациях. Хищники вели себя очень даже уверенно, а временами просто с чувством собственного превосходства. Временами можно было иметь даже такое впечатление, что это именно они, а не люди являются в степи настоящими хозяевами.

В связи с тем, что имел одну ногу короче, Миколая в армию не забрали. Не забрали также и на работу в карагандинские шахты. Миколай считал, что здесь снова проявилась воля Божья. А было это так. Вызвали его с большой группой ровесников в военкомат. Все со здоровьем у него было нормально, вот только нога на пару сантиметров короче. Можно ли с таким дефектом взять хотя бы во вспомогательные войска? Решили отложить рассмотрение дела. Между тем, всех тех, кто был полностью здоров, забрали в войско. Явно не способных к службе в армии, посадили на уже ожидавший на них грузовик и отправили на работы в карагандинские шахты. Когда же снова вернулись к папке с делом Миколая, выяснилось, что к военной службе он все - таки не годен. Тем временем машина с остальными непригодными к службе в войску уже ушла в Караганду. Махнули рукой и отправили неудачного призывника обратно в колхоз. А с той группы ровесников, которых направили на работу в шахты, трое так и не вернулись обратно. Там и погибли.

Весной 1946 года Миколая назначили пасти стадо скота. Его первое близкое знакомство с волками случилось уже через несколько дней. Дало оно хороший повод для размышления о своей новой, казалось бы спокойной работе. На счастье в тот раз обошлось без его непосредственной встречи с этими хищниками.

У Станиславы Гучковской в ближайшее время должна была отелиться корова.

-Слушайте, тетя - посоветовал ей Миколай, – не выгоняйте этими днями свою корову на пастбище. Пусть побудет день - два дома, пока не отелится.

Миколай запомнил Гучковску еще с того давнего уже осеннего дня, когда она громче всех кричала на памятном собрании: “назад на Украину!”

-Я сама это знаю - отвечала грустно вдова, – но дома абсолютно нечем ее кормить. Там в поле хотя бы какой – то травки пощипает.

Вокруг Зеленого Гая, куда ни брось глазом, не было никаких лесов, ни рощиц. Кое - где только можно было встретить пишипы, густо поросшие лозой. Зимой эти заросли хорошо задерживали снег и влаги хватало на долго. Трава, которую здесь никто не косил, так как далеко и трудно, выростала более густая и сочная, чем на открытых местах. Только там и можно было хоть немного подкормить скот. Туда по весне коров и гоняли.

Под вечер, когда уже надо было собираться домой, Миколай заметил, что корова Станиславы где - то пропала. Пробы отыскать ее среди густых зарослей, ни к чему не привели. Вынужден был возвращаться без нее. Поздним вечером буренка сама притащилась домой. Было видать, что уже отелилась, но теленка рядом с нею не было.

На следующее утро Миколай снова погнал стадо на то же самое место. Рядом шла плачущая, но еще с какой - то маленькой надеждой на чудо тетка Станислава. Стадо остановили пастись точно там, где и вчера. Где искать теленка дальше, им думать не пришлось. Корова Станиславы, словно понимая, что от нее хотят, сама первой двинулась в густые заросли.

Небольшая, еще сырая, но уже густо покрывая первой зеленой травой полянка, была вся изрыта и истоптана коровьими копытами и волчьими лапами. Миколай и все время плачущая Гучковска долго искали хотя бы какой - нибудь след от теленка. Наконец наши и втоптаный в болото маленький кончик его хвоста...

Во время войны вовремя скашивать и убирать с полей выросший урожай не успевали, не хватало ни рабочих рук, ни техники. Многие из полей оказались заброшенными, густо поросли бурьяном. Заросли лозы и бурьяна соседствовали между собой. Одни и другие были буквально в рост человека. Для волков это настоящий рай. Миколай пас стадо коров, а совсем недалеко от него его ровесник Густав Гунд присматривал за отарой

колхозных овец. Солнце повернуло ближе к закату и надо было понемногу собираться домой. Неожиданно из зарослей бурьяна выскочила пара волков и не обращая никакого внимания на людей, бросилась на овец. Густав не был уверен, какое из двух зол хуже, выступить безоружно против волков или потом отвечать за понесенные потери перед народным судом. Решил, что суд это все - таки хуже волков. Стянул с ноги изношенный, дырявый сапог и с криком бросился на хищников.

-Миколай, на помощь!

Волки не обращая внимания на скачущего возле них в одном сапоге шуплого человечка, занимались овцами. Действовали как бы по заранее обдуманному плану. Один из них догонял и хватал овцу сзади за курдюк и на какое - то время придерживал ее, другой тут же впивался несчастной в горло и перегрызал его. Пока прибежал с кнутом Миколай и оба в конце концов как - то смогли отогнать волков обратно в заросли, на земле осталось лежать пятеро истекавших кровью овец. Рядом испуганно блеяли несколько менее погрызеных. Чуть позже хлопцы собрали овечьи туши, погрузили на проезжавший поблизости воз и отвезли в село, как вещественное доказательство.

В рискованной борьбе с волками участвовали не только люди. Под конец лета произошла потрясающая схватка волков с коровами. К этому времени заросли бурьяна достигли уже своей максимальной высоты и были густо покрыты гроздьями темно - коричневых семян. Рядом с ними колыхались на ветру неисчислимые количества созревших серебристых метелок ковыля. Наконец - то коровы могли наестся до сыта. Были это их последние золотые деньки. Скоро придут дни дождливые, потом морозная, а затем и снежная зима, когда кормом для них будет только солома, да и той не будет хватать.

Однако пока что коровы чувствовали в себе такой запас нагроможденной за лето энергии и охоты к жизни, что если бы могли говорить, наверняка сказали бы, что никого и ничего не боятся. Говорить коровы не умеют, но то, что они не зря были уверены в своих силах, доказать смогли.

И тот день солнце стояло высоко в небе, но измучивающей жары, какая бывает в середине лета, не было. Было просто много солнечного света и умиротворяющего тепла. Насытившихся коров окутала приятная дрема. Большинство из них лежало, пережевывая жвачку и время от времени лениво взмахивая хвостами, отгоняли назойливых мух.

Именно в эту минуту вдруг низко и тревожно замычал бугай, главный опекун и страж стада. Грозно, как для атаки наклоня лобастую голову и нервно хлещет себя по бокам хвостом, упорно высматривал что - то в густых зарослях. Словно заметил там какую - то опасность или услышал.

Бугай вовремя поднял тревогу. Предупрежденные коровы, наклоня к земле рога и также шумно дыша, тут же стали в оборонный круг, загоня в середину телят. Только двум или трем волкам из довольно большого их стада удалось прорваться в середину круга. Однако не дождавшись от остальных никакой помощи, едва сами успели выскользнуть оттуда живыми.

А потом коровы решились на что - то такое, чего от них не только пастух, но и сами волки не могли ожидать. Задрали вдруг хвосты и грозно ревя, сами бросились в атаку на хищников. А волки в свою очередь поджав от стыда и страха хвосты, начали поспешно убежать в отдаленные заросли лозы. Коровы с грозным рычанием бежали за ними наверное еще несколько километров. Так что Николаю с большим трудом удалось в конце их догнать и завернуть обратно. В село стадо вернулось поздно, уже в сумерках. Коровы были измучены, но заметно довольные собой.

Однако самую неприятную встречу с волками Николай пережил зимой, как раз тогда, когда становятся они наиболее бесстрашными и опасными. Случилось это недалеко от полевого стана четвертой бригады, к которой Николай был приписан, возле урочища Кара - Молла. Приехал Николай сюда большими санями, запряженными в пару волов, загрузиться соскирдованной там соломой. Уложил на санях хороший стожок, потом и сам туда вскарабкался по переброшенной спереди назад и закрепленной веревке. Двигались обратно не спеша. Хотя сбли-

жались сумерки, но поделаться ничего было нельзя. Волю это не такие животные, которые от удара кнута вдруг побегут рысью.

Более – менее на полпути от села, недалеко от построенной возле небольшой плотины фермы, Миколай вдруг заметил приближающуюся к дороге по синеватой зимней равнине цепочку волков. Было их семь или восемь. Сидевший без движения на санях Миколай к этому времени уже был порядочно продрог. Теперь же вдруг почувствовал, что ему сделалось жарко.

-Ну, теперь – то уже мне смерть! - пролетела мысль. - Сначала прикончат быков, а потом и меня.

Однако и в этот раз он имел счастье. Или же волки были не голодны, что с ними случается очень редко, или же торопились куда - то по своим более важных делам. Во всяком случае, посмотрели было вопросительно один на другого, потом на застывшую в страхе добычу, но не выказали никакого желания атаковать. Не спеша, след в след легкой, уверенной трусцой пересекли дорогу в каких - то тридцати шагах от саней и направились дальше в наступающую ночь, в сторону обширных и глубоких яров, по другую сторону которых находился казахский аул Жаркаин. Была это самая близкая и опасная встреча с волками. Тех, случайных с пробегавшими где - то неподалеку серыми хищниками, ни Миколай, ни другие колхозники даже не считали.

Во время войны спецпереселенцев не контролировали так уж строго. Многих нкавэdistов самих забрали для выполнения более важнейших дел на фронте или же в сибире, где они вынуждены были охранять как своих ссыльных, число которых ни в лагерях ни в трудармии не уменьшалось, так и огромный поток немецких пленных. Поэтому в спецпоселках их количество и бдительность заметно ослабли. Да никто из ссыльных и не рискнул бы возвращаться на свои земли во время военных действий.

После войны у поляков снова появилась надежда, что в государстве, в котором они жили, что - то должно измениться на лучшее. Ведь для победы над врагом они отдали столько сил, здоровья, жизней. Казалось естественным, что теперь они тоже

могут рассчитывать на лучшее будущее. Многие, по примеру бухгалтерши Богдановой написали заявления о разрешении им переехать на освобожденную землю, на житомерщизну.

Однако они жестоко ошибались. Русские были только временно эвакуированы в глубь государства в связи с надвигающимся фронтом. Они же были сосланы совсем по другой причине. Сосланы потому, что не выполнили возложенных на них революционных ожиданий в том своем Польском Автономном Округе. Не стали идеологическими работниками и пропагандистами нового советского строя. Не сделали примером для остальной, заграничной Польши. Не приложили особой старательности для строительства образцового советского польского общества. Короче, подвели коммунистическую партию и лично товарища Сталина.

В это же время ухудшились вдобавок отношения между Советским Союзом и Польшей. К ним, заброшенным в казахские степи доходили только слабые отголоски о том, что делается в Польше. К тому же идеологическая пропаганда все слухи объясняла на свой лад. Поэтому никто ничего не понимал. Сосланные по просту ощущали на своей шкуре все улучшения или ухудшения в советско – польских отношениях. В зависимости от того, как развивались отношения между Москвой и Варшавой, соответственно относились к ним и власти их мест.

Начиная с 1947 года снова усилились наказания за нарушения обязывавших, хотя временами исключительно глупых различного рода предписаний и распоряжений, регулировавших и контролировавших каждый шаг спецпереселенцев. Иногда казалось, что теперь они были еще более жесткими, чем это было в начале ссылки. Вновь без разрешения коменданта нельзя было покидать границы колхозной территории. Снова назначенные властями доносители становились все более старательными и безжалостными. Каждый обязан был лично два раза в месяц являться к коменданту на отметку, несмотря на свой возраст и состояние здоровья. Некоторые вынуждены

были приходили регистрироваться даже на костылях или же их приносили на носилках.

С меньшим подозрением и не с такой уж явной дискриминацией относились к тем молодым полякам, которые получили возможность учиться в каких - либо училищах или техникумах. Минувшая война унесла жизни огромному количеству образованной молодежи. Надо было срочно восполнять потери, пусть даже за счет молодых спецпереселенцев. Тем не менее к полякам по - прежнему относились с недоверием. В высшие школы, то есть в институты и университеты они поступать еще не могли, но в школы среднего звена, например, медицинские техникумы – такая возможность для них уже существовала.

Одним из способов для того, чтобы не только закончить в городе хорошее учебное заведение, но и остаться там работать и жить, было соответствующее супружество. То есть зарегистрировать брак с тем, кто был свободен, не находился ни под какой комендатурой, например, с русскими или украинцами. Многие потом также и детей старались переписать на “лучшую” национальность, чтобы хотя бы те имели более лучшую жизнь, чем их родители.

Все - таки поначалу таких смешанных пар было не много. Сменить национальность, а тем более сменить религию, веру, это по – прежнему среди поляков считалось чем - то вроде измены своим предкам и даже Богу. В селах, где русских и украинцев практически не было, возможны были только польско - немецкие браки. Но еще долго, как с одной стороны, так и с другой люди старшего поколения смотрели на такие смешанные браки крайне неодобрительно. Словно бы знали, что придет такое время, когда появится возможность уехать на родину своих дедов – прадедов и тогда такие семьи станут перед драматическим выбором: ехать или не ехать? А если ехать, то куда?...

После войны еще долго не изменялась ситуация на лучшее с обеспечением населения продовольственными и промышленными товарами. В 1946 году снова был неурожай. Чтобы выполнить план хлебосдачи, со складов зерно выметали до чиста.

А потом распоряжалось государство, поэтому при оказии истинно получало его то как пряник, то как кнут.

Людям снова стало нехватать хлеба. Уже в начале 1947 года руководство колхоза Звезда Коммуны во главе с новым председателем Ворониным, демобилизованным с армии в связи с контузией, вынуждено было рассматривать заявления следующего содержания: “В правление колхоза. Я, Миллер Лидия Барриовна, обращаюсь с просьбой о помощи. Я слепая, а дочка моя инвалидка. Живу в крайней нужде, голодная и никому не нужная...”

Ответа на эту просьбу мне не удалось отыскать. Может, что-то там и дали. Хотел бы здесь только припомнить, что Зеленой Гай в подавляющем большинстве, примерно в равных частях, населяли поляки и немцы. Жили между собой в общем дружно. Ненависти или насилия по отношению к той или иной национальности можно было ожидать скорее со стороны государственных властей. В повседневной жизни между поляками и немцами вражды не было. Видимо сближало их общее несчастье и похожая судьба. Хотя в измученных сердцах и душах людей иногда появлялось и даже произносилось то, чего не должно было быть. На счастье соседи замыкали на то глаза и уши.

Ева еще много лет после войны вспоминала, как одна из соседок – немка Блюмбах. В решающем моменте битвы под Сталинградом, когда постоянный голод и нищета здесь, на новом месте доводили людей до крайнего вычерпания, говорила открыто:

- Подождите еще немного! Скоро придет сюда Гитлер и всех нас спасет от голода и неволи!

Ева вспоминала эти слова всегда с обидой и досадой в голосе, так они ей тогда запали в сердце. Хотя с другой стороны понимала, что вырвались они скорее из - за той несправедливости и протеста против того, что им всем здесь предназначили, не жели из - за жажды унижить других или тем более кому – то грозить. Ева также знала, какие несчастья и унижения встретили в жизни эту немку. Впрочем, кто здесь не имел всего этого!?

Однако в том тяжелом, невероятно трудном и неопределенном сорок втором году, ни одна из соседок, хоть полек, хоть немок, которые слыхали тогда такие “вражеские” слова не помчалась со всех ног доносить об этом в сельсовет или коменданту. Хотя за разоблачение такого опасного врага народа и советского государства, как тогда выражались, можно было рассчитывать на хорошую награду. На счастье сердца людей видимо сохранили еще в себе какие - то более человеческие чувства, чем желание получить тридцать серебрянников. Но если бы тогда среди них оказалась хотя бы одна иуда, то за такие слова ответила бы не только их авторка, но также и все те, кто их слышал, но не сообщил об этом властям, не выполнил свою “патриотическую” обязанность.

Другой пример из жизни обеих национальностей рассказа мне одна из односельчан - Мария Лашевич:

-Во время войны жила со мной по соседству немка Гильда, фамилии которой никто не помнил. Ее мужа забрали в трудовую сразу же после того, как их к нам привезли. Там он и пропал. Был у Гильды также маленький сын, который вскоре на что - то заболел и умер. Осталась она сама – самошенькая, никого из родни у нее в селе больше не было. Не имела также дальних родственников или хороших знакомых. Жила в ужасной нищете. Из тех предметов, которые людям нужны в хозяйстве, у нее были только ведро и веревка. Для нее они заменяли все остальное. С ведром она ходила по полях, собирая по весне замерзшую с осени картошку или потерянные колоски. В ведре этом стирала свои лохмотья. В ведре также варила себе какую – то там похлебку. С веревкой Гильда ходила собирать солому на топливо или же встреченные шары перекасти – поля. Тем только и обогрела свою разваливавшуюся землянку.

Жила она в невообразимой нищете. Однако усердные активисты сельсовета также и от нее требовали подписаться на государственный заем. Займы эти были предназначены на восстановление разрушенного в войну хозяйства страны. Считалось, что подписаться на заем, это патриотический долг каждого. Ни-

кто в сельсовете даже не хотел слушать, что у того или иного колхозника нет денег и негде их взять.

Свое дело подписаться, а потом как – нибудь расплатишься! – слышали часто в ответ.

Поздней осенью председатель сельсовета Грабецки встретил Гильду в поле, где она со своими неразлучными ведром и веревкой что – то там собирала. Мария была невольной свидетельницей их разговора.

Посмотрел, как всегда недовольно и даже брезгливо на оборванную, истощенную, не имевшую уже никакой охоты к жизни тридцатилетнюю женщину, спросил со злостью:

-Ты когда наконец подпишешься на заем?

-Мой Боже, добрый мой Боже, я бы с охотой подписалась, но откуда я возьму деньги? У меня нет ни копейки и даже нет чего продать – оправдывалась Гильда, выговаривая с расстройством слова с заметным немецким акцентом.

-Перестань болтать! Даже слушать не хочу. Это же вы напали на нашу Родину и оставили нам только развалины. Вот и восстанавливайте ее теперь!

-Но я же ничему не виновата. У меня самой ничего нет повторила умоляюще женщина еще раз.

Грабецки сам об этом хорошо знал, но ведь должно же последнее слово остаться за ним!

-Как это ничего нет?! Будешь мне еще здесь врать. А вот это что? Вот это! – ткнул пальцем в старое ведро и кусок веревки.

Не дождавшись ответа от женщины, которая от его слов буквально онемела, вырвал из ее рук ведро и веревку.

-Когда запишешься на заем, тогда и получишь свое добро! крикнул злорадно ей на прощание.

Уходил с чувством хорошо исполненного долга. Несчастливая Гильда горько заплакала и тяжело передвигая ноги, побрела к своей старой, брошенной бывшими хозяевами лепянке. Там она опять вынуждена будет провести очередную ночь в голоде и холоде, без всякой надежды, что эта ее жизнь когда – нибудь кончится. Лежала, плакала и думала о том, что

утром ей все равно придется пойти в сельсовет и подписаться на заем в счет ее возможных когда –нибудь доходов за выработанные трудодни. А пока что ее подпись будет означать только то, что и в следующем году снова не исполнится ее самая горячая мечта – купить маленького теленочка, который со временем мог бы вырасти на большую корову. Она уже так давно не пила молока.

-Я полька с дедов – прадедов - закончила свою грустную историю Мария, – как и тот Грабецки. Однако с той поры не могла на него смотреть, не хотела здороваться. При случае только высказала ему, что о нем думаю и все. Мне кажется, что каждый из нас в первую очередь должен быть человеком, а уже потом надо смотреть, кто к какой нации относится.

А где - то там в верхах похоже считали, что спецпереселенцы живут теперь не хуже, чем когда - то кулаки. А это значило, что можна и нужно их снова прижать, поднести налоги и увеличить нормы выработки. Сверху снова начали приходить указания, сколько колхозы должны произвести с одного гектара зерна, мяса, молока и всеми способами старались выжать все это с каждого колхозника.

Руководствуясь новыми директивами и соответствующими предложениями партии и правительства, председатели колхозов и сельсоветов, а также различного рода активисты начали с еще большим рвением требовать выполнения заданий, которые невозможно было выполнить. С удвоенной энергией и силой опять выжимали все, что только можно было выжать с тех, кто работал на полях и фермах. Беда и голод по - прежнему светили большинству колхозников в глаза. А тем немногим, кому не светили в глаза, те в свою очередь не имели сердца.

Под окном колхозной пекарни сидят двое малых и голодных братьев Вальтеров. Сироты надеются на то, что кто –нибудь из пекарей смилуется над ними, бросит по кусочку хлеба. Доносящийся к ним запах свежепеченого хлеба еще больше усиливает у них чувство голода, аж до боли, до спазм в пустых от нескольких дней желудках.

Сидят, молчат. Нету сил говорить. Да и о чем им разговаривать? Мать тяжело больная. Отца еще в начале войны забрали в трудовую армию и след по нем загинул. У них уже нет силы, чтобы ходить по селу и просить милостыню. Нету даже сил, чтобы стоять на ногах. Поэтому сидят и ждут, может упадет им что-то. И дождались.

Гихонько открывается окно и на головы ничего не подозревающих подростков сыпятся только что вытасщенные из печи раскаленные угли. Угли дымятся на голове, жгут волосы, соскакивают за воротники стареньких, протертых рубашек.

Не понимая, что с ними делается, дети с ужасом и криком отскакивают, срывают рубашки, трясут головами, хватаются руками за обожженную кожу, на которой моментально вскакивают пузыри. А за окном пекарни злорадно усмехается старший пекарь Машковска.

С этого времени некоторые просто в глаза называли ее фашисткой. Она же пробовала оправдываться тем, что не знала, что там кто - то сидит. Это было неправдой. Под окнами пекарни всегда кто - нибудь сидел.

Были это тяжелейшие, жестокие времена. Тем не менее, люди, а особенно молодежь, не забывали о том, что также и они имеют право на минуты радости, любви, могут вступать в супружеские пары и иметь детей.

Успокоив немного вечно голодные желудки жиденькой похлебкой или же картофельными блинами, в долгие зимние вечера парни и девчата спешили в чью - либо хату на безхитростные игры и беседы или же в клуб на танцы. С музыкой проблем не было. В Зеленом Гае было два популярных музыкальных ансамбля. Немецкий и польский. Поляки организовали духовой оркестр. Его основой была семья Вавровских. Глава этой семьи, Петр, в свое время был председателем колхоза. Все они привезли свои любимые музыкальные инструменты еще с Украины. Заботились музыканты о своих блестящих трубах не меньше, чем о остальном домашнем хозяйстве.

Второй, струнный оркестр, в котором были гитары, скрипки и балалайки, составляли прежде всего семьи Клингеров и

Витцке. Эти семьи были привезены в Казахстан уже во время войны с северного Кавказа.

-Я южный и горячий человек! - любил с некоторой иронией повторять один из Клингеров, ровесник Миколая.

И вот в зависимости от того, чей оркестр появлялся в клубе, звучала и соответствующая музыка. Поляки любили больше танцевать польки, краковяки, мазурки. Немцы в свою очередь предпочитали больше вальсы или еще какие – нибудь свои народные мелодии. Те немцы, которых привезли с Украины, хорошо знали и любили также польские и украинские песни.

Впрочем для веселящихся и танцующих в зале национальность песен и танцев большого значения не имела. Главное, чтобы мелодия была хорошая и подходила к танцам. Однако идеология, которая проникала всюду, не могла конечно оставить без внимания такого важного очага культуры и пропаганды. Должна она была и здесь указать единственную и правильную дорогу в культурном развитии молодежи.

Как бы там не было, на всех этих танцах, идеологических или неидеологических, молодежь встречалась, влюблялась, потом женилась. В дырявых сапогах, голодные и кое – как одетые шли молодые пары под венец.

В 1948 году Миколай был первым дружкой у своего друга Петра Скубишевского. На этой свадьбе он познакомился со своей будущей женой, родственницей невесты Петра. Также, как и невеста, она таюже была с третьей точки. То есть, с третьего организованного в их районе села. Переселенцы называли потом свою точку Белояркой.

Через поля, напрямик, от Зеленого Гая до Белоярки неполных пятнадцать километров. Однако Миколай на вечеринки к своей будущей жене ходил всего раза три. И не столько потому, что далеко, сколько для того, что каждый раз надо было идти к коменданту за разрешением, каждый раз объяснять куда и зачем ему надо. В такие минуты Миколаю казалось, что он чувствует на себе испытывающий, подозрительный взгляд ко-

манданта. Действительно ли этот сын врага народа хочет пойти к своей невесте или же имеет какие – то другие планы?

Такое подозрение для Миколая, человека открытого и прямолинейного, было более трудным, чем само хождение к своей невесте. В этом он был похож на своего отца. Тот тоже не любил перед каждым ломать шапку, а уж в том, чтобы пошлить себя унижать, не могло быть и речи.

Родители невесты, Ляшинские, хотели бы конечно, чтобы их дочка вышла замуж за кого – то из более богатой семьи. Да и кто бы не желал для своей единственной дочки обеспеченного будущего? В то же время они хорошо понимали, что после стольких лет изнурительной трудармии, после совсем недавно законченной отечественной войны, а перед тем репрессий 1937 и 1938 годов особенно перебирать в кандидатах на мужа не приходится. К тому же, был жених все - таки поляком, а тогда национальность еще тоже принималось во внимание.

Регистрировать свой брак в сельсовете невеста пошла в почти новом осеннем пальто и темно – коричневом шерстяном платке. Матери невесты, Теофилии, удалось выменять пальто на базаре на армейскую плащ – палатку. Невеста смотрелась в этом пальто очень даже неплохо. Отец невесты, Никтор, заработал этот солдатский плащ в тюрьме, куда отправили его на два года еще перед концом войны. Посадили после того, как поймали по дороге домой с мешком на плечах. В мешке было восемь килограммов ячменя.

Никаких его оправданий во внимание конечно не приняли. Могли бы ему дать еще и больше, но он имел очень дефицитную, как на те времена специальность – был одновременно плотником и столяром. Был крайне нужен в колхозе. Впрочем и в тюрьме тоже не сидел без работы.

Однако то, каким способом тогда обвиняемый должен быть добираться в районное отделение милиции, откуда уже был отконвоирован дальше, стоит описать подробнее. Хотя бы как образец хамства и высокомерия районных чиновников. Тем более, что это был не единственный пример.

За особо „опасными врагами” тогда действительно присылали из районного НКВД транспорт, то есть конную упряжку. В

то же время по обычным нарушителей порядка или же тех, кто что – то там похитил на небольшую сумму, ехать не считали нужным. Просто звонили в сельский совет и информировали, что такой – то колхозник в такой – то день и в такой – то час должен быть в прокуратуре. И конец. Как он доберется, это уж его дело.

Так было и в случае с Ляшинским. Из сельсовета под вечер в их дом пришел посыльной. Самого хозяина дома не было. Продолжалась уборка и он вместе с другими работал на поле-вом стане, на очистке зерна на току.

-Завтра утром ваш муж должен быть в районной прокуратуре в связи с хищением им зерна.

-Но его даже дома сейчас нет! Как я ему сообщу об этом?!

-Это ваше дело. Но если к десяти часам утра там не будет, сами знаете, что может быть...

Теофилия знала. В лучшем случае, как невыполнение распоряжения властей. В худшем, как побег. И в том, и в другом случае, срок наказания мог значительно увеличиться. Были такие случаи.

Засуетилась, заплакала, но еще никто ничего слезами не выплакал. Послала соседского сына – подростка в поле к мужу, а сама побежала в контору, просить у председателя, чтобы кто отвез утром мужа. Тот сначала уперся:

-В полях для коней полно работы. Пусть идет пешком!

-Уже солнце заходит, а его еще нет. Надо же еще и собраться, помыться. Не успеет на час!...

-Черт бы вас всех побрал. Ладно, скажешь завхозу, чтобы дал коня с бричкой. Но отвезешь своего сама, конюхи все заняты. И чтоб в обед была уже здесь!

Так и сделала. Еще и радовалась сквозь слезы, что повезло.

Прекрасный шерстяной платок, в котором красовалась невеста, принадлежал ее матери. Привезла она его еще с Украины и берегла пуще собственного глаза. По правде сказать, платок этот почти все время пролежал в сундуке. Накладывала его Теофилия только на самые большие торжества, как, например, седь-

ного поября. В этом - то пальто и платке пошла невеста с женихом расписываться в сельсовет. Возле стола, где проходила церемония бракосочетания, невеста по - прежнему выглядела очень хорошо; сняла верхний убор и осталась в белом платье и фате. Это свадебное убранье они в свою очередь одолжили у своих далеких родственников, которые каким - то чудом эти вещи сохранили.

Жених был одет скромнее, но во все свое. Был в костюме из дешевенького серого материала. Однако, что тоже было не без значения, на лацкане его пиджака красовалась медаль "За доблестный труд во время Великой Отечественной войны 1941 - 1945 годов." Медаль и материал на костюм Миколай получил в первую годовщину победы. В то же время он хорошо помнил, что если бы тогда дошло до суда его дело в связи с искалечением быка, был бы он сейчас совсем в другом месте и в другой одежде.

Но, наверное, самым важным было то, что и на свадебном столе была по - настоящему праздничная еда. Помог им в этом сосед, достаточно богатый, как на те времена, и хозяйственный немец Грапп. Грапп был заведующим свинофермой на Плотине. Выполняя такую должность, он имел возможность взять на откорм одного или даже двух поросят. Вот одним из них он и рассчитался с Миколаем за помощь при постройке сарая. По тем временам это действительно была плата по - царски. Поросенок вырос на хорошего кабанчика и его - то как раз и зарезали на свадьбу. Конечно часть мяса пришлось отдать в счет оплаты налогов, но и того, что осталось для гостей хватило.

На свадьбу был официально приглашен председатель колхоза Воронин. Мужик в конце концов не плохой и простой в обращении. Он также помог с продуктами и водкой. Между прочим, дал распоряжение завскладу Грешковскому, чтобы выписал на свадьбу ржи, из которой потом получился неплохой самогон.

Миколая уважали в колхозе за трудолюбие и дружеское отношение к людям. Кроме того он имел хороший голос и слух.

Любил и умел петь. Песни знал разные: украинские, русские, польские, даже подпевал временами своим друзьям – немцам.

Немецких песен знал правда всего две или три. Впрочем, польских тоже не намного больше. Его отец, Юзеф не успел научить сына польским песням, а мать, Ева, пела в основном песни религиозные, да и то очень тихо.

К немцам власть относилась ничуть не лучше, чем к полякам. Однако в то же время они свободно могли говорить между собой по – немецки. К тому же немецкому языку учили в школе. Вдобавок от учеников немецкого происхождения учитель требовал значительно лучших знаний своего родного языка, чем от других учеников. О обучению польскому языку уже даже речи не заходило. А на подслушанную где - то на улице польскую речь, слушатели нередко реагировали издевательствами и насмешками. Власть с помощью всякого рода активистов делала все возможное, чтобы люди чем побыстрее забыли, что они поляки. Однако в семьях традиции и обычаи польские еще сохранялись.

Свадьба закончилась и для молодоженов вместо медового месяца наступили тяжелые, полные забот и проблем будничные серые дни. В те времена в семейных разговорах с утра до вечера чаще всего звучали следующие слова: план, норма, налоги, займы...

Правительством были разработаны следующие годовые нормы трудодней для разных групп колхозников. Мужчины – триста трудодней, женщины – сто двадцать, самостоятельные девушки – двести, несовершеннолетние парни – шестьдесят. Свою норму обязан был выполнить каждый. Что они за свою работу получат и получают ли вообще хоть что – то, это было уже делом второстепенным.

Миколай, привычный ко всякому, даже самому трудному делу, мог рассчитывать, что будет и дальше иметь какую - то постоянную, более – менее оплачиваемую работу. С его женой Людмилой было хуже. Постоянной, относительно хорошей работы, для женщин в селе было мало. За нее буквально судо-

можно держались одни и те же лица. Поэтому Людмила вместе с другими девушками и женщинами, которые не имели шансов на постоянную работу, вынуждена была добавочно зарабатывать себе на кусок хлеба, где только можно.

Например, договорившись между собой, ходили группой полевой дорогой аж под аул Жаркаин, где летом вдоль яров буйно рос дикий щавель и степная, мелкая и ароматная земляника. Женщины собирали и приносили домой целые связки щавелевых листьев или же в сплетенных из лозы кошелках ягоды. Небольшую часть собранных лакомств оставляли себе, а с остальным товаром ходили по селу, предлагая собранный ими товар всем женщинам. Прежде всего шли, конечно, в дома тех, кто побольше, например, к председателю сельсовета или к председателю колхоза, к другим конторским работникам, а также живущим относительно неплохо трактористам. В последнюю очередь ходили к тем, кто имел хотя бы какую-нибудь постоянную работу.

Щавелевый борщ или же вареники с земляничкой любили все. Однако идти по эти лакомства только в один конец десять километров. Потом бродить целый день в жару по степи и беспрерывно сгибаясь и разгибаясь собирать листья щавля или же ягоды земляники. Тут желающих было уже мало. К тому же, у тех, кто имел постоянную работу, не было на это времени. В обмен на щавель и ягоды женщины получали две-три горсти крупы или же несколько картошек. Было и это каким-то подспорьем семье, поэтому ходили по щавель и ягоды все лето, пока в колхозе не начиналась уборка. Тогда работы уже хватало всем от рассвета и до темноты.

Трудно было с хорошей работой в колхозе, да и за нее платили скорее символически. Большинству с одной только работой, за выработанные там трудодни, которые ничего не стоили, семью прокормить было невозможно. К тому же власти начали постоянно подносить нормы выработки, а хорошей исправной техники в селах по-прежнему не было. Люди были вынуждены искать других способов подзаработать, конечно же в ущерб своим основным обязанностям. Поэтому снова созывается оче-

редное колхозное собрание и с трибуны грозит нарушителям председатель колхоза Воронин, который в свою очередь уже получил выговор из района за слабую организацию работы:

-Ячмень по плану мы были должны собрать за шесть – восемь дней, а собираем его уже двадцать четыре дня! Колхозники то едут себе на базар, то еще куда... Но урожай надо собрать, и мы его должны обязательно собрать до первого октября. В связи с этим будем теперь работать по четырнадцать – шестнадцать часов в сутки.

Из зала послышались скорее голоса удивления, чем возмущения:

-А мы - то по сколько каждый день пашем?! Еще даже больше! И все вынуждены таскать или на своем горбу или на коровьем. Сколько же можно так хозяйствовать? Где хотя бы какая – нибудь техника?

Впрочем слышались и голоса, поддакивающие Воронину. К числу особенно активных и хорошо слышимых в последнее время можно было зачислить также писклявый голос щупленького Флетера. Вступил он в колхоз одним из последних и теперь словно бы старался наверстать упущенное время:

-Товарищи! Мы еще больше попадем в государственные долги, если не закончим всю уборку к первому октября.

В первый послевоенный период среди спецпереселенцев засветилась слабая надежда возможности возвращения в родные места. Прошел слух что в связи с огромными людскими потерями в западной части государства, которые принесла война, и огромнейшие там разрушения, власти начали рассматривать возможность о разрешении некоторым спецпереселенцам оставить казахстанскую землю и вернуться в свои родные стороны, чтобы ускорить там восстановление наиболее пострадавших в войну земель.

Люди повалили в правление колхоза с заявлениями.

-Но кто тогда останется работать здесь, если все уедут?! - быстро сориентировались в верхах. Поэтому заявления рассматривали в следующий способ.

Просьба Юзефа Любачевского: “Прошу отпустить меня отсюда обратно на Украину, так как я здесь часто болею”. Ниже решение со следующей мотивировкой: “Отказать, поскольку в колхозе не хватает плотников.”

Заявление от старой Стельмаховской: “Прошу выпустить меня на Украину. Хочу умереть возле моей единственной дочери”. Решение: “Отпустить! Пусть едет!”

Оба этих ответа еще можно как-то понять. Во всяком случае, объяснить. Однако трудно понять повод отказа в следующем деле.

Заявление Анны Николаевны Желязко: “Прошу освободить с переписанного на меня долга моего мужа – 250 рублей. Муж мой погиб на войне.” Решение короткое - “Отказать.”

В то время колхоз насчитывал семьсот восемьдесят девять человек. И это в пятистах семьях! Было так потому, что в огромном количестве семей оставалось только по одному человеку. Детей в Зеленом Гае было триста двадцать шесть.

Как обычно, на седьмое ноября, праздник революции, для школы было выделено немного продовольственных товаров на приготовление подарков. Например в 1947 году на тридцатилетие Великой Октябрьской Социалистической революции продуктов для приготовления деликатесов было выделено немного (больше, чем обычно). На этот юбилей было отпущено пятьдесят килограммов белой муки и пять килограммов сливочного масла. Благодаря этому каждый ученик получил мешочек с печеньем, и в этот день дети маршировали на праздничной демонстрации веселые и счастливые.

В 1948 году урожай в колхозе снова был очень слабый. Некоторые поля вообще не убирали, так как все на них выгорело от солнца. Наступила очередная голодная зима. Впрочем, сосланные уже и не ждали ничего хорошего от жизни. Скорее удивились, если бы урожай вдруг оказался богатым и им на трудодни дали много зерна.

Несмотря на все эти проблемы и трудности, в 1949 году в семье Миколая родился первенец – сын Владимир. К этому

времени в их хлеву также появилась корова. Однако все, кто имел корову, обязаны были сдать государству в течение года несколько килограммов чистого масла. А ведь еще надо было хотя бы немного масла отвезти на базар, чтобы хоть иногда в доме появлялась какая – то копейка. Поэтому самим оставался только перегон, то есть обезжиренное молоко.

С этим можно было бы еще как – то мириться, если бы было еще что – то из еды. Но не хватало всего. И снова Людмила вынуждена была оставлять сына свекрови или под присмотр ее подросшим дочкам, а самой опять идти собирать щавель и ягоды.

В 1949 году колхоз в очередной раз не выполнил государственного плана и колхозникам на трудодни снова практически ничего не дали. Да и самих руководителей колхозов райком партии наказал снятием с них десяти – пятнадцати процентов заработанных ими трудодней. Председателей колхоза и сельсовета это конечно тоже привело в бешенство и они в свою очередь начали выжимать с рядовых колхозников повышенные налоги и займы. Желая любым способом добиться увеличения ответственности за выполнение норм, в колхозы начали присылать готовые к подписанию гарантийные бланки. Эти бланки по своему содержанию лишь немногим отличались от тех предыдущих. Однако их тоже были обязаны подписать все те, которых заранее подозревали, что свою работу они не сделают и положенной нормы трудодней не выработают.

„Я, жена такого – то и такого колхозника, подписывая это заявление, обязуюсь и обещаю работать старательно и как наилучше выполнять каждое распоряжение руководства. В случае невыполнения мною задания, прошу наказать меня как можно суровей, включительно с выселением меня в отдаленные районы Советского Союза.”

Такие „добровольные” обязательства должны были подписать все подозреваемые в недобросовестном отношении к своим обязанностям. Никто не обращал внимания на слезы и протесты. По истечении года несколько десятков подозреваемых в нестарательном отношении к труду отдали под суд. Некоторые из

них отделались выговорами, другие в наказание должны были выработать добавочное количество трудодней. Еще некоторые получили краткосрочные аресты. А две женщины, Станислава Дромоневич и Марцелина Грубовска, которая оправдывалась тем, что она беременная и имеет постоянные головокружения, были сосланы в сибирь. По Станиславе всякий след пропал, а Марцелине после того, как родила там ребенка, разрешили вернуться обратно.

Жена Миколая Людмила отделалась штрафом. От более серьезного наказания спасло ее только то, что она имела еще совсем маленького ребенка. К сожалению, их первенец не прожил даже года. Видимо из-за некачественной пищи у него разболелся живот и через несколько дней малыша не стало. Лекарств, чтобы помочь больному, никаких не было. Не было также опытного врача, а местный фельдшер Крашевски был не в состоянии чем-нибудь помочь. Впрочем, как и во многих других случаях.

Весной происходили очередные выборы в областной совет. Выборы, это ведь демократия, важное политическое событие. Никто в этот день не должен чувствовать себя обиженным на судьбу, быть недоволен жизнью. В клубе с самого утра играл музыкальный ансамбль в международном составе, то есть семьи Вавровских и Клингеров. Ансамбль исполнял бодрые революционные песни и марши, дети читали стихи, девушки танцевали. Все пошло, как по расписанию. Еще перед выдвижением кандидатов, Ван, один из последних корейцев, которые еще не успели выехать, предложил на общем собрании выбрать в облсовет "товарища Сталина и все политбюро, а также учительницу из села Вишневка Екатерину Пипко." Выступающий горячо просил всех присутствующих, чтобы согласились поддержать выдвинутые им кандидатуры. Предложение было принято единогласно.

С деятельности колхозов пользы по-прежнему было мало. Колхозники никак не могли выкарабкаться из нищеты. На помощь со стороны государства, прежде всего техникой во-

обще нечего было рассчитывать. Поэтому производительность в колхозах старались выжать непрерывными распоряжениями и инструкциями, наплывавшими широким потоком со стороны высших властей или же изменениями в руководстве колхозов, а также увеличением или уменьшением количества земли, имевшейся в том или ином колхозе.

С бригадами также производились разного рода эксперименты. Уменьшали не только количество земель в отстающих бригадах, но ликвидировали и сами бригады. Например, в Звезде Коммуны из запланированных поначалу шести бригад осталось только четыре. Часть своих земель в результате очередных изменений и планирований, зеленогайцы были вынуждены отдать колхозу имени Куйбышева, бывшей точке номер пять.

Эта точка – село Ясная Поляна. С самого начала была она селом довольно большим. В то же время свободных пахотных земель, тем более, если смотреть по казахстанским меркам, было там мало, так как со всех сторон его окружали другие поселки. Также и по этой причине яснополянцам передали наиболее отдаленные земли зеленогайцев. И теперь колхозникам с колхоза имени Куйбышева, чтобы добраться к месту своей работы, надо было проехать километров двадцать пять – тридцать. Сначала ехали через свои земли, потом через земли старого колхоза Четырнадцатый Год Октября, потом через земли колхоза Звезда Коммуны и часть земель колхоза Жаркаин. Только потом они оказывались на своих новых полях.

Приняв во внимание расстояние и транспорт, каким они располагали, куйбышевцы вынуждены были проживать на полевых станах своих новых бригад целыми неделями. Когда же наступала посевная или уборка, вообще не возвращались оттуда до самого окончания полевых работ.

В связи с очередным постановлением об укреплении колхозов, в 1950 году были объединены в одно земли колхозов Звезда Коммуны и Жаркаин. После объединения общее число жителей нового колхоза, центральной усадьбой которого стал Зеленый Гай, составило девятьсот пятьдесят восемь человек.

В 1946 году только в Зеленом Гае было девятьсот тридцать три тонны.

На общем собрании еще этих двух колхозов все присутствовавшие там конечно же единогласно проголосовали за “мушкетерскую и своевременную” решение о объединении. На этом же собрании принято еще одно интересное предложение: выдать на зимовку колхозные телята в те домашние хозяйства, хозяева которых выразят желание их принять на содержание. За опеку над каждым принятым теленком колхознику ежемесячно начислялось по несколько трудодней. Желающих хватало. Для этих теленков колхоз выделял также корма, которыми можно было подкормить при случае и своего собственного теленка.

На том же собрании недавно назначенный бухгалтер из местных Калинкин обратился в правление колхоза с письменной просьбой о сохранении ему зарплаты за два месяца болевши. Бухгалтер хорошо ориентировался в законодательстве. Большинство из присутствовавших даже не знало о такой возможности. Принятое решение – зарплату сохранить!

В 1950 году урожай выдался лучшим, во всяком случае был выше статистического. Люди получили больше на трудодни. Молли теперь себе даже позволить на то, чтобы на Рождество испекти что-нибудь только из самой муки, без добавок всяких там отходов. Даже обычно экономная Ева, приученная к этому постоянной бедой, теперь также могла время от времени похвалиться себе на необычную щедрость по отношению к своей семье. Однажды вечером Людмила вернулась с работы – перебирала картошку в колхозном овощехранилище – и видит, что теща печет оладьи из одной только белой муки. Не выдержала и начала одновременно смеяться и плакать от неожиданности и радости. До этого у них на ужин практически всегда был один и тот же слегка забеленный молоком суп с клецками, сделанными частично из муки, а в большей степени из отрубей.

Наступившая зима уже не мучила так голодом, как предыдущие годы. Видимо поэтому, немного окрепшие на лучших харчах, Миколай и Людмила решились еще на одного ребенка.

И в конце 1951 года у них родился второй сын – Анатолий. Это был я.

С едой тогда было уже немного получше, но с одеждой или хотя бы швейными материалами было по – прежнему тяжело. Во второй половине ноября в северном Казахстане наступает уже настоящая зима, а Дыячинские не имели даже во что укутать новорожденного ребенка, чтобы принести его из фельдшерского пункта, где также принимались и роды, домой. И тогда бабушка Теофилия, которая со своим мужем, а моим дедушкой Виктором к этому времени перебрались в Зеленый Гай к дочке, разорвала на две части тот самый свадебный шерстяной платок. Одну половину оставила себе, а во вторую завернули меня и принесли из больницы домой. Была это собственно единственная пеленка. Положили новорожденного в специальную, сплетенную из лозы люльку, которая была подвешена на куске веревки к потолку. На дне люльки было уложено немного соломы, прикрытой сверху какими - то уже полностью изношенными и ни на что ни годными обрывками тряпок. На всем этом, завернутый всегда в одну и ту же пеленку, лежал ребенок.

Малыш попался какой - то беспокойный. Все время крутился, по ночам часто просыпался, плакал. На его теле можно было заметить укусы словно бы от вшей, которые тогда были обычными жильцами в каждой землянке. На счастье, однажды все – таки заметили ползущего по малышу клопа. В постоянном полумраке землянки, на темной постели заметить темно – коричневого клопа действительно было не легко. Все – таки удалось. Только тогда взрослые сообразили наконец в чем здесь дело. Люльку вынесли во двор на мороз и все из нее повытряхивали. Полусгнившую солому спалили вместе с оставшимися клопами. Потом добавочно люльку облили кипятком, а тряпки простирали. После всех этих профилактических процедур ребенок, а вместе с ним и вся семья в первый раз за долгое время беспробудно проспали всю ночь.

В связи с рождением сына, Людмила всю зиму не работала. Вдобавок, во время посевной не смогла выработать норму тру-

пошел. В доме снова не было чем заплатить очередной взнос по государственному заем на восстановление страны. В наказание, по решению правления сельского совета, в счет уплаты задолженности у нее отобрали единственную дорогостоящую вещь, тщательно берегаемое и поэтому по – прежнему практически новое черное пальто. Одевала Людмила его только на большие праздники, два – три раза в году. Был это предмет зависти всех соседей. Такую ценную вещь нельзя было потерять. Ведь в случае неуплаты, пальто вскоре бы носила жена или дочка какого-нибудь чиновника, которые могли бы его выкупить за безценок. Вся семья затянула пояса. Отложили немного с зарплаты, немного с того, что заработали, торгуя на базаре, еще немного отложили у соседей. Осенью наконец выплатили заем и получили свое пальто обратно.

В те годы, уговаривая людей подписываться на заем, им обещали, что “государство ведь вернет вам все эти деньги. Отдаст до копейки!” По истечении тридцати лет, в середине восьмидесятых годов, заем казалось бы действительно начали сплачивать, но только тем, у кого еще сохранились эти уже заметно обветшалые и потрепанные облигации. К тому же после денежной реформы 1961 года, например, двухсотрублевая облигация стоила двадцать рублей. Если еще принять во внимание инфляцию, было это скорее символическое возвращение долга. Вместе с отцом отыскивали мы одну такую облигацию. Обменяли, пошли в магазин. Хватило полученных денег только на пару бутылок и закуску.

-А в те времена, что можно было купить на эти деньги? - спросил я отца уже дома.

-Что можно было купить? - переспросил он. - Вот, к примеру, бутылка водки тогда стоила двадцать один рубль двадцать копеек. То есть, за эти деньги можно было в то время справить даже небольшую свадьбу. Но самое главное: ох, как же трудно было тогда эти деньги заработать! - добавил тяжело и за одним махом выпил пол стакана водки.-

В такой - то вот способ внуки и дети тех вечно голодных и полураздетых спецпереселенцев, которые первыми распахивали

здесь плодородный казахстанский чернозем, обменивали теперь на товары, полученные ими деньги за обязательные займы, облигации. Большинство так же само, как я с отцом садились возле стола и зачастую в молчании, словно на чьих – то поминках, пили в память тех, которые все свое детство и юность провели на тяжелых колхозных работах. С рассвета и до заката солнца, а нередко еще и по ночам. Питаясь при этом одной только мерзлой картошкой или же жиденьким супом – болтушкой, в который была брошена горсть меленой на ручных жерновах и поджаренной на сковородке муки. В лучших случаях, суп этот был еще немножко забелен молоком.

В марте 1953 года по всей стране со скоростью степного ветра разнеслась весть: умер народный вождь Иосиф Виссарионович Сталин. Говорят, что во всех сибирских лагерях те из осужденных, которые еще оставались в живых, плакали от радости и обнимали друг друга. Умер тиран!

Такое поведение тех, которые были фактически осуждены на смерть, не удивляло. В сталинских лагерях сидели прежде всего люди мыслящие, в большинстве своем образованные, культурные, хорошо ориентирующиеся в политике. Одним словом, ссылали туда людей просвещенных.

В казахстанские степи также было сослано много людей, целые народы. Среди них оказались и поляки с мархлевщицны, которых чиновники окрестили спецпереселенцами. Оказались здесь прежде всего только потому, что были поляками, что не соглашались перестать быть самими собой, быть отдельным народом. Не хотели и не старались отказываться от своей веры, своего способа мышления и поведения относительно не только своей семьи, но и земли, неба. Всего того, что называется традицией и культурой предков.

Несмотря на то, что выброшенные в степи, жили они здесь под постоянным террором и страхом за существование самих себя и своих детей, сохранили они в самой глубине своих душ какую – то веру и надежду. И именно те два человеческих чувства требовали от них жить и держаться, несмотря на тот кошмар, который их все время окружал.

В связи с миром они постепенно теряли свои обычаи, культуру и тот жизненный опыт, который перешел к ним от родителей. В тех условиях у большинства мысли были заняты только одним, главным чувством: уцелеть самим и сохранить жизнь своим детям.

А между тем постоянная идеологическая пропаганда, которую вели в них годами, делала свое. Многие из них действительно поверили, что хорошо жить советским людям, в том числе и им самим, мешают бесчисленные враги товарища Сталина. Враги внешние и внутренние, враги явные и тайные. Из ежедневной информации они знали, что товарищ Сталин неустанно разоблачает и непрерывно карает очередных заговорщиков. Троицкий, Зиновьев, Бухарин, Пятаков, Блюхер, Тухачевский... Сколько же их там еще?!

Тем не менее, многие верили пропаганде и имели надежду, что придет наконец день, когда товарищ Сталин разоблачит последнего врага и перед простыми людьми наконец – то откроется так долго ожидаемая ими лучшая жизнь. Не дождалось! Умерла надежда народов. И оказалось, что долго ожидаемое светлое будущее снова отодвигается куда – то во мглу. И именно из – за этой усредненной неуверенности в своем будущем, непонимания того, что происходит в государстве, лица людей были грустные и печальные. Многие из них открыто плакали, не в состоянии понять, что их может теперь ожидать дальше.

ВРЕМЕНА ХРУЩЕВСКИЕ

И в 1954 году началась новая эпопея. Целинная. И в Казахстане снова хлынул поток людей. На этот раз добровольцев, со всей восточной части страны.

В последнее время Миколай работал помощником у немца Фридриха Граппа, тракториста еще с довоенных времен. Был он высоким, худым и очень редко усмехавшимся, может также и потому, что часто болел.

Старый, изношенный С - 80 еще первой модели беспрерывно работал и практического опыта при его ремонте у Миколая было даже больше, чем этого хотелось бы. Видимо также поэтому, как человек уже хорошо познакомившегося с техникой, да и образование получило – шесть классов – его одним из первых в самый канун начинавшейся эпопеи направили на курсы трактористов в Кокчетав. В 1954 году была образована кокчетавская область и мало кому известной даже в степи городок стал областным центром.

Еду на курсы! Аж в Кокчетав! - не особенно стараясь скрывать свою радость рассказывал при встрече каждому довольный Миколай. - Может и я теперь вылезу из нищеты.

Ну – ну, посмотрим, как ты будешь из нее вылезать! - с плохо скрытой иронией и завистью говорил посмеиваясь Станек Жоломски.

- Как бы нам не пришлось волами вытаскивать оттуда тебя вместе с твоим трактором! - поддержал его старший брат, плохо понимавший юмор и простодушный Франек.

Власти всех уровней приготавливаясь к запланированной с широким размахом правительственной программе массовой распахивки и благоустройства целинных земель Казахстана, вынуждены были включить также в свои планы обучения и спецпереселенческую молодежь.

Детям спецпереселенцев еще нельзя было свободно выезжать и поступать в институты, однако уже можно было учиться

на курсах механизаторов и в техникумах, например на агрономов или медсестер. Однако и такая возможность была для польской молодежи большим достижением. Ведь до этого они почти двадцать лет без специального разрешения коменданта не имели права выбраться даже в соседнее село, как вот Миколаю к своей невесте. А тут вдруг ему разрешили аж на целых полгода ехать учиться в областной центр, до которого было почти сто пятьдесят километров.

Вместе с Миколаем из Зеленого Гая были направлены туда еще несколько человек поляков и немцев. Относительно небольшой степной городок казался ошеломленным обитателям приземистых землянок огромным промышленным и культурным центром.

-Здесь даже заблудиться можно! - высказал по этому поводу свое первое впечатление Анатолий Качински, друг Миколая с детских лет, шутник и балагур.

Миколаю в общем – то в Кокчетаве понравилось. На время учебы он устроился проживать вместе с Качинским у своей двоюродной сестры Надежды, в семье которой когда – то воспитывалась его сестра Виктория. Надежда незадолго перед этим вышла замуж за русского, участника войны и одного из первоцелинников и переехала жить в Кокчетав. Поэтому устроился Миколай в Кокчетаве совсем неплохо.

Намного меньше радости имела оставшаяся в селе Людмила. Как раз во время учебы мужа, перед самым новым 1954 годом у нее родилась дочка Вика, Виктуся. Ни о какой работе в наступившую зиму речи быть не могло. Вся нагрузка на содержание Людмилы и двух малых детей легла на плечи ее родителей и свекрови. Все трое выжимали из себя все силы, чтобы прокормить и обеспечить всеми минимально необходимыми потребностями не только себя, своих детей и внуков, но еще и самого курсанта. Его тоже надо было подкармливать.

К этому времени подросли и повзрослели еще две дочки Евы. Хотя обе уже работали в колхозе и что – то там зарабатывали, но ведь им и себе хотелось купить что – то из одежды и обу-

«... Девушки ведь! Да и не военное уже время, чтобы в фуфайке и кирзовых сапогах под венец идти...

Кроме того, глядя на необычный и по их мнению по – простому богатырский поступок брата, они тоже загорелись желанием и себе как – то вырваться из безнадежной колхозной жизни в широкий мир.

Чтобы скоротать длинные зимние вечера, посмотреть на шутков или чем – нибудь помочь им, к свахе приходила Теофилия. Ее муж Виктор в зимнюю пору работал сторожем на новом стане второй бригады и вынужден был находиться там по неделями.

Еще долго после того, как уснут внуки и задремает возле них истомленная Людмила, обе свахи при слабом свете керосиновой лампы делятся своими воспоминаниями с Украины, чаще всего с последних дней и часов той жизни.

К нам тоже так же само неожиданно – нежданно подошел председатель сельсовета с каким – то листком бумаги – вспоминает Теофилия. - Готовьтесь, говорит, через пару дней вас будут выселять. И пошел дальше по другим домам. А уже конец лета, осень надходит. Люди в селе копают картошку, собирают всякие овощи, фрукты.

Теперь все побросали всю работу и в плач. Крики, суета по всему селу. Соседи, родственники бегают один к другому, расспрашивают: “Вас вывозят? А вас тоже вывозят?” Никто не знает, что делать, куда собираться, какие вещи брать?

Корова наша, которая осталась без присмотра, забралась в огород, где лежала в кучах уже выкопанная картошка и обгладилась ею. Лежит, не может подняться. Пришлось срочно дорезать. А что делать с мясом, не знаем. А дни стоят жаркие, мясо может испортиться! Еще одна беда на нашу голову! Сколько я тогда слез выплакала...

Бабушка Теофилия вытирает тыльной стороной ладони глаза.

-Еле уговорили председателя-колхоза, чтобы принял то мясо в колхоз в обмен на какую – либо телочку. Обещали нам на новом месте груши, а приехали – ничего нет!

Хорошо еще, что только одного ребенка, дочку имели, а муж у меня бондарь неплохой. Начал понемногу плотничать в колхозе, к тому же и люди приходили с просьбами. Одному бочонок или кадушку направит, другому стол или табурет сколотит. Вот и зарабатывал таким способом на добавочный кусок хлеба. Хуже всего в нашей Белоярке было нам в первую зиму. Три семьи собралось в одной земляночке. А у кого было много маленьких детей, о мучениях тех и вспоминать не хочется. Чаще всего детей тогда и хоронили...

Обе крестятся, молятся и тихо плачут.

Дни проведенные в Кокчетаве для курсантов особым разнообразием не отличались. До обеда проходили занятия, теоретические и практические. После обеда предусматривалось свободное время, которое впрочем очень часто заменялось какими – либо хозяйственными делами. То уголь разгружали, то заготавливали дрова, то еще что – то надо было сделать для училища. При случае старались и сами для себя где – то подработать.

Стипендия, которую они получали – сорок рублей в месяц - была очень далекой от необходимой. Почти все деньги шли только на оплату нанимаемого жилья. Еду себе приготавливали в основном из тех продуктов, которые привозили из дома, раз в две недели разрешалось съездить за продовольствием. Из развлечений – были фильмы, которые время от времени к ним привозили. Ну и еще сами устраивали танцы.

В их группу трактористов, в которой было тридцать парней и молодых мужчин, каким – то способом затесалась также и одна девица. Была ею круглолицая, с видимым еще издалека бюстом, широкая в кости Полина Кендзер с красноармейского района. Была она исключительно малоразговорчивой и мало-подвижной.

К тому же непрерывные и естественные в подобной ситуации шутки и подковырки, как к единственной представительнице слабого пола, делали ее еще более подозрительной и недоверчивой. Если Полину вызывали к доске, что впрочем

...ность крайне редко, она нахмутив широкие темные брови, ... илье смотрела с подозрением на класс, ожидая какой – либо ... рной шуточки, чем на саму доску. Никто на занятиях не ... ивал от нее ни одного слова. Появилась даже соответствующая поговорка: Полина молчит, как партизан.

Поэтому вопросы задавал и сам же отвечал на них преподаватель. Тем не менее двоек Полина не имела и экзамены сдала, как и все, успешно. Во – первых, потому, что села нуждались в ограниченном количестве механизаторских кадров, во вторых - чтобы ... советская женщина ни в чем не уступает мужчине.

Получив в первых числах марта удостоверение тракториста третьего класса, Миколай вернулся назад в колхоз. Без паспорта даже если бы хотел остаться в городе или уехать куда-нибудь в другую местность он все равно не смог бы.

В колхозе, как и следовало ожидать, ему дали тот самый ... илье помер восемь. Грапп, едва дождавшись его возвращения и ... на слабое здоровье тут же пересел на более новую и более легкий трактор ДТ – 54.

... эту восьмерку знаешь, как свою собственную жену ... казал в утешение Миколаю бригадир Пшемыслав Бокуцки.

... как справишься. А так, как пахать теперь придется днем и ночью, то в помощь тебе выделим кого – нибудь из новых ... Их теперь здесь появилось, как скворцов по весне. Даже в нашем колхозе есть несколько.

Действительно, североказахстанские земли в то время буквально заполнялись новыми переселенцами. На этот раз добровольными. Приезжали сюда не только люди досрочно освобожденные из сибирских лагерей, но также и с западных, разрушенных войной и полностью обнищавших районов страны. Однако теперь новопривывшим сразу же давали возможность неплохо заработать при распашке новых целинных земель, да и дома им в новых хозяйствах помогали строить, как на то время, очень даже неплохие.

Разнородный состав новопривывших нашел хорошее отражение также в зазвучавших тогда повсюду новых песнях и частушках.

Целыми днями висевшие на столбах громкоговорители разносили далеко по степи слова самой тогда популярной и полной романтики песни:

Ой, ты, дорога длинная!
Здравствуй, земля целинная!
Здравствуй, простор широкий!
Весну и молодость встречай свою!

А вечерами новоприбывшие певцы и композиторы под звон гармошек и балалаек передавали эту же мысль уже своими словами, но тоже достаточно громко и откровенно:

До свиданья, дорогая,
Уезжаю в Азию!
Может быть, в последний раз
На тебя залазию!

Целинники, это люди тертые, подкованные на все четыре. Многие из них побывали на фронте, многие – в тюрьмах. Здесь они не чувствовали себя ни рабами, ни батраками, как запуганные, измученные постоянной бедой и безнадежной нищетой колхозники. Их снабжение продовольственными и промышленными товарами было вполне неплохое. Также и самой новой сельскохозяйственной техникой их обеспечивали в первую очередь.

Новоприбывшие к тому же могли позволить себе, по мнению спецпереселенцев, на такую роскошь, как в любое время поехать в любое соседнее село, куда только захочется. Николай, как на русский манер стали называть Дыячинского сначала в Кокчетаве, а потом и в своем селе, однажды и себе позволил на определенную дерзость – поставить себя в один ряд с новоприбывшими.

Подошел как – то к группке небрежно покуривавших целинников и также, как неоднократно они его, хлопнув по плечу одного из них, сказал:

-Угости – ка, друг, папироской!

На что “друг”, не вынимая даже папиросы изо рта и не глядя на подошедшего, процедил сквозь зубы:

-Нехрен нищим, бог подаст!

После чего повернулся и пошел себе. А Николай и те из его земляков, которые смотрели на это со стороны, в очередной раз поняли, что еще не пришло то время, когда они смогут равнять себя с другими.

Однако хотя бы одна мечта Николая сбылась; стал трактористом! Сел на тот самый С- 80, на котором последние годы мучился Фридрих Грапп. А перед ним немало сил и нервов оставил на этом дизеле еще один из старых механизаторов – Ян Чайковски. Время от времени на замену садились на него также и другие трактористы. И каждый из них через несколько дней уже ломал себе голову, как бы с этого трактора побыстрее сбежать.

Поэтому Николай такому подарку тоже не слишком обрадовался. Ведь еще когда был помощником, узнал в самых некультурных словах и выражениях о техническом состоянии трактора и о тех, кто его смастерил все, что только можно было узнать.

К тому же совсем другое дело, когда ты только помощник тракториста, а другое, когда за ремонт трактора и его работу на поле отвечаешь уже сам. Особенно тяжелая работа во время его ремонта, это замена так называемого сервомеханизма - узла управления дизеля. Это было самое слабое место в конструкции тракторов этого образца.

Замена почти всех запасных частей производилась вручную. Даже огромную коробку передач скоростей и то в первое время вытягивали на дышлах. Соберутся несколько мужиков покрепче и, матерясь и обливаясь потом, вытягивают из самого нутра трактора обвязанного цепями несколько-соткилограммового великана. Только много позднее для этих целей придумали передвижной трехногий подъемник.

Не меньше мучений имели тогда трактористы не только во время ремонта, но и во время зимних работ. Первые С- 80 принадлежали еще к той серии тракторов, которые выпускались без кабины.

В последнее время быками и лошадьми за соломой далеко в поле уже почти не ездили. К фермам солому подвозили в основном техникой. Собиралось несколько тракторов, за каждым из которых были прицеплены огромные сани. На одном из саней стояла будка с дымящейся внутри нее печкой - буржуйкой. В этой же будке находились также грузчики, обязанностью которых было загрузить сани соломой.

В будке имелся столик, нары. Можно было посидеть, полежать, выпить горячего чая. В любую погоду из будки долетали веселые оживленные голоса и смех. Ехать в будке в поле и обратно – одно удовольствие.

В то же время на открытом, продуваемом со всех сторон сиденью трактора, когда мороз доходил до тридцати градусов, нередко еще и с ветром, который отгонял от двигателя последнее тепло, а плохонькая, вся в заплатках одежда и дырявые изношенные валенки от холода практически не защищали, выдержать на тракторе долго было невозможно.

Поэтому Николай время от времени вынужден останавливать трактор и еле передвигая замерзшие и одеревеневшие ноги, весь трясясь от холода идет в будку. Хотя бы на несколько минут прижаться к горячим бокам буржуйки, отогреть замерзшие руки и ноги.

Когда уж бывало совсем не в состоянии, а не хотелось, чтобы трактор стоял на месте – зимний день и без того короткий – Николай просил грузчиков:

-Хлопцы, поедьте немного вместо меня на тракторе, дайте хотя бы раз хорошо отогреться...

Почти все они умеют ездить. Многие работали штурвальными на прицепных комбайнах или плугах. Да и он сам летом не один раз показывал им, как надо управлять трактором, выжимать сцепление, включать скорость.

Однако оставшаяся сидеть в них зависть или злоба не позволяли им забыть, с какой гордостью вернулся он из никому неизвестного Кокчетава и проходя по селу небрежно показывал всем желающим свои “корочки” - удостоверение тракториста – машиниста третьего класса.

Теперь они имеют оказию припомнить ему это и не упускают такой возможности.

Ты же среди нас самый умный! - небрежно отвечает кто-нибудь под одобрительные усмешки других. - Хотел выучиться на тракториста, вот и выучился. Сиди теперь там на своем тракторе. А мы люди простые, мы уж будем вилами работать.

Николай не спрашивает, тоже имеет гордость, и с трудом примерившаяся готовая сорваться от порывов ветра дверь вагончика, плотно закрывает их и опять садится на уже снова припорошенное снегом и затвердевшее дерматиновое сиденье своего любимого номера.

Начиная со второй половины пятидесятых годов колхозникам за их каторжный труд начали уже платить не одними только "пайочками". Тем не менее их заработки, даже и механизаторов, не шли ни в какое сравнение с заработками новых, свободных рабочих.

Они иногда буквально сорили деньгами. Водку в дни похмелья покупали целыми ящиками. Те из них, которые благодаря амнистии в связи со смертью Сталина, кто заслуженно, кто несправедливо вырвались из тюрем и лагерей и приехали в Казахстан "добровольцами" на целину, в отличие от покорных, испуганных колхозников, своих начальников не ставили ни во что. Не раз бывало, приходит директор или инженер совхоза в магазин, чтобы и себе купить пару бутылок водки, а в ответ от продавца слышит:

- Не могу, Василий Иванович! Все заказала третья бригада. У них там именины. Сам Петька Косой сказал мне, если кому-нибудь продам хоть бутылку, без ножа зарежет. И зарежет! Вы уж, пожалуйста, спросите его сначала...

Директору и главному инженеру водку все же выдавали, но уже агроному нередко отвечали частушкой:

- Будет дождь, будет гром -

На хрен нам и агроном? -

Впрочем о других руководителях в частушках тоже пелось:

У бухгалтера гармошка,
У директора баян.
Мы не выйдем на работу,
Ни хрена не будет нам!

Когда по какому – либо поводу новоцелинники не имели работы – дождь, выходной, что – то там сломалось или просто получка, то хорошо подпив, по – просту слонялись по околицам и мяли бока своим податливым подружкам.

Впрочем не сильно упорными на их заигрывания оказывались также и некоторые из спецпереселенков. Этому было несколько причин. И немалые деньги, которых в отличие от приученных к экономии, скуповатых колхозников, целинники не жалели. И нехватка своих мужчин, которые погибли в трудармиях, в лагерях и на фронте. И затаенная надежда, что выйдя замуж за свободного человека, она тоже сможет куда – то уехать и жить нормально, как все люди. А будущие дети их, сменив национальность, смогут поступать даже и в институты.

Поэтому не всегда побеждала тяга к своей национальности и к своей религии, любовь к которым по – прежнему старались впаивать молодым их родители, а особенно бабушки и немногочисленные дедушки.

Иногда любовные игры действительно заканчивались свадьбой и чрезвычайно счастливая невеста уходила от современного варианта крепостного права введенного в спецпереселенческих колхозах в новую, свободную жизнь. Подобной той, которую ее родители имели в своей автономии и которую она не помнила, потому что была там еще слишком маленькой или же ее тогда вообще не было на свете.

Впрочем таких смешанных семейных примеров между “старыми” целинницами и новыми целинниками было не много. Чаще всего после более – менее продолжительных прогулок и уговоров в один из прекрасных летних вечеров, лихо заломив фуражку на затылок и многозначительно усмехаясь, целинник появлялся среди своих дружков, щедро угощая их папиросами.

-Ну, как, Степа, чем закончилась твоя вчерашняя прогулка со Станиславой? - спрашивали с плохо скрытым любопытством те, до которых уже дошли кое – какие слухи.

-Сдалась! - небрежно махал тот в ответ рукой.

-А на свадьбу - то хоть пригласишь?

-Ну, если будет, может и приглашу... - снова многозначительно и неопределенно отвечал тот и сложив гармошкой мундштук папиросы, не спеша закуривал.

Не слишком разговорчивая Полина, знакомая Николая еще с механизаторских курсов в Кокчетаве, в свою очередь приводила в удивление целинный край своими другими необычными возможностями.

Поставили ее осенью штурвальной на комбайн. Комбайны тогда были прицепные, марки сталинец. Были они относительно нетяжелые. Собственно была это огромная жестяная коробка для сбора соломы и меньший накопитель для зерна.

И вот однажды малоразговорчивая Полина, не сказав трактористу ни слова, полезла под комбайн что – то там проверять. Тракторист не заметив этого, включил скорость и тронулся с места. Пока Полина успела что – то сообразить, одно из колес комбайна уже через нее переехало.

Но то ли кучка соломы, оказавшаяся под ее боком, уменьшила давление, то ли живот немногословной Полины оказался по твердости равным ее характеру, как бы там ни было, все для нее закончилось только легким испугом.

Во всяком случае, сам тракторист, которому грозила тюрьма, если бы этот эксперимент не удался, был перепуган и потрясен значительно больше, чем сама пострадавшая.

Даже заикаться начал.

-П-представляете, х-хлопцы – рассказывал он свистящим шепотом собравшимся после работы на полевом стане другим механизаторам и сворачивая дрожащими руками самокрутку. - П-Полина сегодня комбайн выдержала. Думал, конец ей придет, а ей хоть бы х...

При этом выражение его лица было настолько ошеломленное, а произнесенные им слова настолько двузначные, что со-

бравшиеся, вместо того, чтобы посочувствовать случившемуся так затряслись от хохота, что с них даже пыль посыпалась.

-Ну, Полина! Ну, здоровая баба!

А по соседних селах, как поговорка или, как анекдот с того времени понеслась молва:

-Полина даже комбайн выдержать может!...

Да, Полина выдержала. А девственная, лежавшая веками не тронутой плугом степь не выдерживала и отступала под объединенным натиском десятков тысяч молодых парней и девочек, приехавших сюда добровольно в добавок к тем, которых привезли сюда принудительно и тех, которые родились и выросли уже здесь.

Энтузиазма и техники в степи теперь было достаточно. Поэтому уже в 1954 году, году официального начала распаивания и благоустройства целинных земель, было поднято восемь с половиной миллионов гектаров плодородного казахстанского чернозема вместо запланированных ранее шести и трех десятых миллиона. Только в кокчетавской области в 1954 году было заложено двадцать пять новых целинных совхозов. Не меньшее их количество планировалось организовать здесь также в следующем году.

Об этих цифрах, полученных свыше, торжественно информировал собравшихся зеленогайских колхозников на отчетно - выборном собрании за 1954 год очередной председатель колхоза Эдмунд Шындель. Выступивший сразу же за ним представитель райкома Сороченко от имени присутствующих колхозников заверил правительство страны и родную коммунистическую партию, что колхозники еще больше усилят темпы для увеличения количества вспаханных площадей.

Сразу же после этого, словно бы между прочим, сообщил, что "в связи с допущенными ошибками и медлительностью при распаивании новых целинных земель, райком партии и райисполком предлагают коллективу колхозников Звезда Коммуны освободить от занимаемой должности Э. И. Шынделя и выдать вместо него С. С. Вашинского.

И первое, и второе предложение были приняты практически единогласно. Люди еще не привыкли к тому, что уже можно было без угрозы наказания голосовать против предлагаемых свыше кандидатур. Хотя слухи о том, что в Москве в руководящих кругах происходят не только экономические, но и политические перемены, начали доходить также и в Казахстан.

Летом пятьдесят пятого года у Николая, видимо уже окрепшего на механизаторских харчах, родился еще один сын – Витя. Старший, Толик, которому было уже три с половиной года, положив палец в рот с глубоким удивлением наблюдал, как радостно и шумно крутятся две бабушки, один дедушка, отец и мать возле маленького, красного и сморщенного человечка, лежавшего на кровати.

-Это твой брат, брат! - повторяли ему взрослые без конца.

Тем не менее, вскоре Толику надоело смотреть на неизвестно откуда взявшегося брата и он вместе со своим ровесником Юзиком Жоломским пошел аж за две улицы полюбоваться видом строившегося нового магазина.

Стены здания возводились из неизвестного до этой поры здесь красного, обожженного кирпича. До этого плиты и печи в домах ложили из кирпичей, сушеных на солнце, а сами дома были сложены из саманов. Почти такой же высоты, как и стены, была остроконечная, покрытая шифером крыша. Магазин выглядел по – просту великаном среди окружавших его приземистых землянок.

Отец Юзика, Стасик вместе со своей семьей жил теперь на новом месте, ближе магазина. Поэтому Юзик здесь был уже два раза. Толику так далеко самому ходить не разрешали. Однако сегодня, пользуясь поднявшейся суматохой, связанной с появлением новорожденного, ему удалось это сделать. И огромное здание произвело на него намного большее впечатление, чем появление на свет брата.

В начале пятьдесят шестого года состоялся широко известный XX съезд КПСС, по результатам которого было принято

постановление ЦК коммунистической партии “О борьбе с культом личности и ликвидации его последствий”.

Конечно для широкой общественности не был подан размах трагедии, которую принесла людям эта самая личность. Тем не менее впервые открыто было сказано о многочисленных вопиющих нарушениях прав человека, жертвами которых стали миллионы людей. Теперь хотя бы можно было стараться узнать что – то о судьбе своих неизвестно где пропавших родных и близких, которых забрали в НКВД.

Это все произвело огромное впечатление также на сосланных в Казахстан поляков. Может их теперь снова начнут считать за людей, вернут все отобранные у них права и свободы?!

Семья Дыячинских решила, что в прокуратуру от имени их всех обратится с соответствующим заявлением дочь Юзефа Виктория. Еще когда она жила в келлеровском районе, познакомилась там с парнем из села Озерное. Он тоже был из числа спецпереселенцев, но ему каким – то чудом удалось в начале пятидесятых годов поступить в харьковский горнопромышленный институт. Успешно его закончил и получил направление на работу в шахтах Караганды.

Молодые решили пожениться. Чтобы Виктории дали разрешение на выезд из села, нужна была полная информация о родителях. Вот при этой okazji и удалось получить официальный ответ из прокуратуры о том, что Юзеф Дыячински был осужден судом несправедливо и что он умер по болезни во время войны в одном из сибирских лагерей.

Была это безжалостная весть для всей семьи, которая до этой поры тешила себя надеждой, что их муж и отец может еще жить, а если так, то где он? Теперь по крайней мере было известно, не живет – умер.

Дети Юзефа скорее даже радовались, чем печалились после получения этого официального подтверждения о его смерти и реабилитации. С этой минуты всем и каждому они могли сказать в глаза: “Говорили, что наш отец – враг народа. Никогда и никаким врагом он не был! Смотрите, есть документ об этом.”

Только мать их и теперь уже официально вдова Юзефа Ева в те дни тихо и безутешно плакала и молилась о своем преждевременно умершем и неизвестно где похороненном муже. В то, что он был врагом трудового народа, к тому же польским шпионом, она не верила никогда.

В те дни в доме часто можно было услышать скорбную, разрывающую сердце молитву “ за души умерших”. И маленький Толик, которого бабушка уже начинала учить молиться с жалостью и непониманием смотрел на нее, когда она во время молитвы безжалостно била себя кулаком в грудь и безнадежно шептала:

-Моя вина, моя вина, моя очень большая вина...

В начале пятидесят седьмого года казахстанские газеты загремели очередными триумфальными информациями: “В течение минувших двух с половиной лет в кокчетавскую область прибыло сто двадцать тысяч молодых патриотов – целинников!” “В 1956 году Казахстан впервые продал Родине один миллиард пудов зерна!”

К этому времени в республике было освоено и обжито 25 миллионов гектаров целинных земель. В колхозе Звезда Коммуны действительно вспахали уже кажется все, что только можно было вспахать. В конце вспахивали целину уже буквально вокруг села. Даже скот теперь не было где пасти. А из райцентра по – прежнему неслись резолюции и указания: “усилить темпы вспахивания, увеличить площади посевов”.

Николай, как и остальные механизаторы, со стоном и проклятиями уже с самого утра садился за рычаги своего трактора и отправлялся на очередное поле “поднимать последние целинные гектары”. Возвращался с поля весь черный от пыли и усталости только поздним вечером. Едва поев, падал спать, а утром все повтарялось сначала.

Приписан он был к четвертой тракторно – полеводческой бригаде. Однако все более – менее плодородные земли этой бригады, точнее, те из них, которые уцелели нетронутыми еще

с предвоенных лет, вспахали уже в первые целинные годы. Теперь уже доканчивали последние плодородные поля и пастбища вокруг самого поселка. Поэтому стада коров теперь гнали на выпас по узкому не вспаханному коридору, оставленным между посевами, на Плотину. Так одинаково называли водохранилище и небольшое отделение колхоза, которое там организовали. Земли в той части были не наилучшего качества: солончаки, яры, низкие заросшие лозой балки. Поэтому их и оставили под пастбища.

Вконец обнаглели хищные птицы, особенно ястребы и коршуны. В связи с массовой распашкой степей погибло также множество мелких грызунов и птиц, которые имели там свои норы и гнезда. Хищникам стало нехватать их естественного корма. Поэтому все чаще они начали совершать свои налеты, как в одиночку, так и группами на села, где во дворах бродили со своими выводками домашние птицы.

Цыплят хватали буквально на глазах хозяев.

Ежедневно с самого утра родители Толика и его ровесников, словно командиры солдатам противовоздушной артиллерии давали своим детям строгий приказ:

-Следите за небом! Все время следите за небом!

Помогало мало. По двору пронеслась тень и очередной хищник взмывал в небо, унося в когтях зазевавшегося цыпленка. А малолетний сторож сунув палец в наполовину беззубый рот скорее с восхищением, чем недовольством смотрел вслед уносящейся в безоблачную синеву черной точке. Да, когда – то в степи было множество разных животных и птиц. Но сначала повсеместное распахиwanie целинных земель, а потом опять же повсеместная химизация полей свели к минимуму возможности их существования.

Зимой работы на полях было намного меньше, чем в каждое другое время года. Как первоцелинники, так и первые спецпереселенцы предпочитали в морозную пору проводить время в теплых стенах своих жилищ, на ремонте в гараже или возле скота на ферме. Однако были также и такого рода свободные

...рассветницы, для которых собственно значения не имело, когда и куда им кочевать дальше.

Нодни из особенно морозных дней, когда температура опустилась ниже тридцати пяти градусов, уже под вечер в окошко землянки Николая кто – то настойчиво застучал и вслед за тем в него до охрипший голос скорее потребовал, чем попросил:

— Эй, хозяин, открывай поскорее, иначе совсем замерзнем. Будешь потом отвечать перед властями и Богом!

Николай и не думал запираться. В селе в то время даже если кто выходил куда – то по своим делам и дома никого не оставалось, двери замыкали скорее символически на прутик или кусочек проволоочки, а то и вообще забывали закрыть двери.

Под окном стояла порядочно промерзшая цыганская семья. Ближе к двери находился глава семьи бородатый приземистый парень средних лет. Одет был в полушубок и шапку с опущенными ушами. Его борода и воротник были белые от инея. Обок него переступая валенками с места на место стояла его жена в своих бесчисленных цветных юбках и наверное не меньшем количестве кофт и свитеров находившихся под ее шубкой, так что в поясе она припоминала собой скорее пузатый бочонок.

На санях, в которые был запряжен годовалый также весь в инее бычок, сидели закутанные с ног до головы шерстяными платками двое детей пяти – семи лет.

-Входите, входите. Переночуете у нас! - пригласил неожиданных гостей Николай.

Хоть Дыячинские, как и все остальные, на цыган смотрели с понятным недоверием, все – таки не могли они допустить до того, чтобы под их дверьми замерзли люди.

Бычка отвели под навес. Было это что – то в виде шалаша, пристроенного с подветренной стороны землянки. Только вместо веток с листьями, здесь были использованы в качестве строительного материала охапки стеблей бурьяна и снопики соломы, которыми были обложены несколько вкопанных в землю жердей. Ветер и снег сюда в общем не залетали и для животных было относительно тепло.

Пока цыганская семья разделась и немного обогрелась, сварился суп и пришельцы наконец – то смогли отогреться по – настоящему. В ближайшие дни мороз и не думал отступать. Цыгане попросили хозяев, чтобы разрешили им остаться здесь до наступления более теплых дней. Те согласились. А потом уж вынуждены были разрешить им остаться в доме до конца зимы.

-А сколько же здесь осталось - то до весны? -успокаивал хозяев с показной беззаботностью цыган, возвращаясь с прогулки по замерзшему двору.- Нояб, декаб, а там тят – ляп – тут он похлопывал замерзшими руками одна о другую – и май!

За это время цыганская семья успела уже полностью задомовиться в выделенном им уголке за печкой. Постелили соломы, отгородились от хозяев какими – то развешенными тряпками. Надо признать, что приютившую их семью цыгане особенно не объедали. Скорее, еще сами хозяевам помогали. Каждое утро глава бродячей семьи отправляя жену на заработки, напутствовал ее одними и теми же словами: “Ну – ка, бабка, карты в руки, шаль на плечи и – обманывать людей!”

Жена, не приученная прекословить мужу, быстренько начинала собираться. Возвращалась под вечер и не с пустыми руками. Муж сразу же принимал деловой вид и тут же по – хозяйски начинал сортировать принесенное. Кое – что из одежды, крупу и муку откладывал на потом. В то же время картошка, яйца, сыр, кусочки сала шли в общий котел для двух семей.

Наконец на дворе заметно потеплело и цугане пошли куда – то дальше, оставив в душах хозяев только какое – то грустное и щемящее чувство зависти к вековечной тяге к свободе и независимости у представителей этого бродячего племени. Брошенные в степи потомки польских племен уже не были так быстры и решительны к изменению места своего существования.

Как раз в том году, когда Толик должен был начинать свою учебу, в Зеленом Гае построили новую школу. Каждый трудоспособный житель села обязан был отработать на строительстве школы несколько дней за чисто символическую плату. Непони-

дованным и недовольным этой новой добавочной обязанностью
сказали: "Ведь эта школа нужна прежде всего вашим детям!
Иначе же они будут здесь получать свои знания!"

Таким аргументам трудно было что – то возразить. Видеть
своих детей образованными, а тем более "начальниками" хоте-
ли все.

И канун первого сентября Толику или, говоря уже конкрет-
нее, мне снимали с шеи крестик. Ходить в школу с крестиками
категорически запрещалось.

Я отбивался изо всех сил.

Не хочу! Ведь вы же сами говорили, что крестик всегда
надо носить! Меня Бог за это накажет!...

Не накажет! - уговаривали и успокаивали крутившиеся
вокруг меня две бабушки и мать. - За это грех будет на школе.
Ведь что же они запрещают носить тебе крестик!

И чтобы уж окончательно сломать мое сопротивление,
громко и чуть ли не в один голос успокаивали:

-А дома ты по – прежнему будешь носить крестик. Будешь!
И молиться с бабушкой Евой также будешь каждый вечер...

Побежденный численным превосходством и такими убедительными аргументами, я сдался. К сожалению, школа меняла
влияды на отношении к религии еще более быстрее и логичнее,
чем они. В то же самое время школьными науками, наоборот,
ученики овладевали с большими трудностями.

Мой друг с пеленок Юзик арифметику понимал с огром-
ным трудом. Впрочем, как и я. Но мне хотя бы мать помогала.
Ей, несмотря на трудные годы, удалось все – таки закончить
семь классов. Мать Юзика закончила только два или три. Одна-
ко на уровне первого класса мать в отличие от сына математику
еще знала.

-Ну, так сколько будет два прибавить два, дурню? - услы-
шал я еще в коридорчике перед входом в дом друга сварливый
голос матери обращенный к сыну.

-Нех бендзе похвалены Езус Христуе! Слава Иисусу Хри-
сту! - сказал я, осторожно протискиваясь в двери.

Такое приветствие в польских семьях считалось более уважительным и культурным, в отличие от обычного дзень добры, то есть добрый день.

-Навеки векув амен! Во веки веков аминь! - скороговоркой ответила мне мать Юзика и продолжила науку дальше:

-Ну, дали вот тебе два яблока, потом еще два. Сколько всего ты теперь будешь иметь яблок?

-А где они эти яблоки? - ответил новоявленный математик, с тоской озираясь по сторонам. Он и пробовал яблоки, да и то дички, которые уже пытались выращивать в этих местах, всего два или три раза в жизни.

-В д...! - чисто по – польски ответила ему эмоциональная мать. - Решай!

Юзик покраснел, склонился над учебником.

-А мы на Рождество будем свинью резать и делать колбасу – неожиданно вставил я, вспомнив домашние разговоры на эту тему.

-О-ох! - в свою очередь с не меньшей тоскою, чем несколько минут назад ее сын при воспоминании о яблоках, вздохнула теперь мать. - Если бы кто – то принес мне сейчас хотя бы кусочек колбасы, наверное расцеловала его с головы до ног.

Теперь уж я покраснел не меньше, чем минуту назад Юзик. Вечером за ужином припомнил эти слова и передал их родителям.

-Хм! - с преувеличенным заинтересованием ответил на такое сообщение мой отец, зачерпнув из миски наваристого борща и с усмешкой покосившись в сторону матери. - Может действительно отнести немного колбасы? Пусть уж расцелует.

-Перестань! - сказала мать, отводя глаза в сторону. - Так дадим...

Сказать по правде, моя мать всегда имела проблемы с юмором. Например, она похоже серьезно верила в правдивость одной сомнительной истории, которую рассказал за рюмкой водки приехавший к нам в гости брат бабушки Леон. Ему вместе со всей семьей пару лет назад разрешили перебраться в один из новопостроенных совхозов, откуда большинство первоцелинников уже

...и не уехать обратно. Уезжая, они видимо на добрую память друг другу оставили Леону нижеследующую историю:

И очередной раз поссорились две соседки. Сначала попросту обзывали одна другую разными некультурными словами и эпитетами, а когда сил и слов уже перестало хватать, повернулись друг к другу спинами, подняли повыше юбки, вывернулись и таким способом начали выражать одна другой свое недовольство. А надо сказать, что трусов у женщин, как минимум и заборов между дворами, тогда еще не было.

Вот наконец приходит с работы муж одной из них. Приваливший к причудам своей жены, молча обошел ее и пошел на кухню поискать что – то из еды. Во всех горшках и кастрюлях было пусто.

Слушай, Света – сказал просительно муж возвращаясь к жене, - я же есть хочу. Целый день на жаре! Приготовь хоть что –нибудь...

Не могу! Я должна Таньку перестоять.

Но я же весь день голодный!

Ну, хорошо! – смиловилась наконец жена. - Я сейчас быстренько поджарю тебе яичницу, а ты тем временем постой здесь вместо меня.

Выхода нет. Опустил мужик штаны, наклонился, стоит, отдымает. Как назло, Танька в этот момент надумала отпаянуться и не разобравшись в чем дело, радостно закричала:

-Ага, все – таки я тебя перестояла! У тебя вон уже кишка вылезла...

-Не может такого быть! - с сомнением в голосе после довольно продолжительного раздумья прокомментировала услышанное моя мать.

Еще через год мы строились. Ровно через двадцать лет после того, как забрали моего деда. Как и для всякого другого мальчика, постройка дома была для меня также делом чрезвычайно важным. Так хотелось бы всюду побывать самому, потрогать все собственными руками. Однако вместо этого все лето я вынужден был пролежать неподвижно.

Случилось так, что в конце мая, в первые дни начала летних каникул, играя с ровесниками в футбол, я сломал ногу. То ли оттого, что мои кости в связи с нехваткой соответствующих витаминов оказались слишком хрупкими, или еще почему, но когда наступил в беге на мяч и потерял равновесие, при падении на землю сломал себе ногу выше колена.

На тряской полуторке, подстелив в кузов немного соломы, повезли меня в районную больницу в Чкалово. На неровной, ухабистой после недавних дождей полевой дороге старенький грузовичок в течение всех пятидесяти километров бросало и подкидывало так, что синее небо временами темнело у меня в глазах. Порой уже не верил, что доедут живым до места назначения, но все – таки доехал.

В больнице достаточно быстро сложили мне кости и наложили гипс. Загипсовали не только полностью всю правую ногу, но еще и пояс гипсовый сделали. Так что я теперь мог только лежать. Вот и пролежал все лето.

Не знаю, как уж там объясняли врачи моим родителям, когда надо приезжать снимать гипс и когда можно будет начинать ходить. Во всяком случае, в Чкалово опять меня повезли только в конце лета, уже перед самым началом занятий.

Врачи поразились:

-Ведь вы же его должны были привезти сюда еще в конце июня! Он уже давно должен бы снова бегать...

-Но ведь вы говорили...

А я за это время даже ходить разучился. Первые дни боялся стать на ногу даже опираясь на костыли. Поэтому в школу тоже пошел с опозданием.

Естественно, все минувшие дни лета для меня особым разнообразием не отличались. Каждое утро меня выносили во двор на свежий воздух и укладывали на специально сколоченных нарах. Целый день я лежал там и с завистью смотрел, как вокруг нового дома с утра до вечера крутились помогавшие строить его соседи, друзья отца, родственники.

Приходили помогать на строительстве также и подружившиеся с отцом целинники. Были среди этих парней все – таки и обычные, простые и отзывчивые люди.

Отец заранее наделал и насушил целые штабела саманов. Причем форму для их производства после долгих просьб и уговоров одолжил председатель сельсовета Качински. Да и то только таким условием, что Дыячинские подпишутся на дополнительные облигации госзайма. И хотя на строительстве считался каждый рубль, они вынуждены были согласиться.

Несмотря на это, строительство дома стоило Николаю даже меньше, чем он рассчитывал. Взяли отпуска и приехали на целый месяц сестры отца Викторця и Юзя со своими мужьями Юзефом и Виктором. Рузя приехала со своим женихом, Станиславом.

Здесь надо добавить, что Виктор был украинцем, а Станислав литовцем. В городах поляков практически не было и те из молодых спецпереселенцев, которым удавалось уехать туда на учебу или работу, хотели этого или не хотели выходили замуж или женились в основном с людьми другой национальности. Так начиналась постепенная ассимиляция польского населения.

Отец наформовал и насушил необходимое количество саманов еще в конце весны. В те времена на территории самого поселка уже было запрещено копать ямы и котлованы для добычи глины.

Да и свободных площадей для этой цели уже в селе не было. Поэтому саманные кирпичи были приготовлены за селом и на место назначения доставлялись на возах быками или лошадьми.

В выкопанных в первые годы котлованах, которые еще виднелись по всему селу брали скапливавшуюся там по весне воду. Хорошо прогревавшаяся сияющим целыми днями в небе жарким летним солнцем, она лучше подходила к мешанию глины, чем ледяная вода из колодцев. Котлованной водой поливали по двору глину и мешали ее с соломой чаще своими ногами, чем ногами лошадей. Потом смазывали получившейся смесью очередной ряд саманов и ложили на него следующий. Для штукатурки приготавливали смесь глины и песка. Цемента тогда практически не было.

Воду на стройку подвозили с ближайших котлованов на легких одноосных возах, поставив на него два – три средних бочонка. Занимались этим в основном три шурина Николая.

С совхоза Советский, где они поселились, несколько раз в течение лета приезжали на помощь сыновья Леона – Петр и Николай. Немало дней на строительстве дома провели также целинники Жорка Савостиков, Витька Гребешков, Колька Жадан.

Эти парни приехали на целину из черниговской области, хорошо говорили по - украински. Ни один из них позднее не прижился на казахстанской земле. Уехали обратно. Но еще многие – многие годы Николай вспоминал их добрыми словами.

Когда заходила речь об оплате за работу, Николай, как временным, так и постоянным работникам повторял одно и то же:

-Закончим, хлопцы, постройку дома, сделаем хорошее новоселье и тогда же подсчитаем, кто сколько дней отработал на стройке, кому и сколько я должен, и тогда со всеми вами рассчитаюсь.

А сам все время ломал себе голову: хватит ли ему тех денег, которые удалось насобирать или придется еще залезать в долги? Все – таки не пришлось. Сестры со своими мужьями за работу не взяли ничего, только за билеты на проезд. С Ясиньскими Николай договорился, что столько же дней он и у них отработает.

Больше всего, однако, его приятно удивили друзья – целинники.

-Коля! Не раз ведь мы с тобой гуляли за одним столом? Гуляли! И еще не раз погуляем. Теперь вот тоже хорошо обмыли твой дом. Ну и живи в нем, как у вас говорится, “сто лет” на здоровье! Никаких денег нам от тебя не надо. Живите счастливо!

Отец сердечно поблагодарил всех и с того времени часто любил повторять понравившуюся ему русскую поговорку:

“Не имей сто рублей, а имей сто друзей!”

В колхозах скучать не приходилось. Идеи плыли со всех сторон. На переломе пятидесятых и шестидесятых годов на-

быть новая эпопея. Разоблачитель культа личности Сталина Никита Сергеевич, уже как глава государства поехал в Америку и “задел” на кукурузу. Моментально “заразилась” этим и вся страна. Со всех сторон только и слышалось: кукуруза, кукуруза, кукуруза.

Никто точно не знал, как с нею заниматься. Многие ее даже и в глаза не видели, но теперь все вдруг бросились выращивать кукурузу. В северном Казахстане впрочем очень скоро поняли, что дать высококачественные семена в здешних климатических условиях кукуруза не сможет, не успеет. Однако если лето было не слишком сухое, удавалось накопить очень даже неплохие запасы кукурузного силоса. А если принять во внимание, что сена после распашки степей получали все меньше, то это было совсем неплохое дополнение к соломе, которой в основном скот и кормили. На таком варианте этого эксперимента в наших краях и остановились.

Когда постройку дома закончили, под одну крышу с Дьячинскими переехали и Ляшинские. Новый дом Николая состоял из трех практически одинаковых, стоявших в ряд комнат.

В среднем помещении была кухня, где стояла огромная печь с пристроенной возле нее плитой. Здесь же, на той самой, привезенной еще с Украины деревянной кровати, по – прежнему спала бабушка Ева. И мы, внуки, часто просиживали с нею целыми вечерами на этой широкой кровати, слушая многочисленные, похожие на сказки истории из ее молодости, из неизвестного нам мира. В этой комнатке даже в самые холодные и ветреные зимние дни было теплее всего.

В той комнате, которая была с солнечной стороны, и которую в постоянное использование отдали Николаю с Людмилой, размещались также дети. Здесь в сумме тоже было не плохо, уютно. Правда, почти половина комнаты была уставлена разной мебелью и другими предметами, из которых наверное самым ценным была ручная машинка для шитья. Подарили ее молодым хозяевам на новоселье приехавшие из келлеровского района родственники.

Хуже всего было в третьей комнатке, которая находилась с северной стороны. Здесь было мало солнца, а зимой холоднее, чем в других комнатах. Отдали ее Ляшинским. Впрочем те радовались и таким условиям. Старики могли теперь доживать свой век рядом с дочкой. Мало кому в те годы выпадала такая счастливая судьба.

В длинные зимние вечера, после ужина собирались возле печки обе свахи и занимаясь какой – либо домашней работой, вели долгие разговоры об Украине. И я в такие минуты при каждом удобном случае старался быть рядом с ними, послушать их рассказы.

-...Жили мы тогда в селе Будиловка. Было это в начале тридцатых годов - тянет тоненьким, срывающимся голоском бабушка Теофиля. - Времена, сваха, сами помните какие были. У нас со всего хозяйства осталась только корова и несколько курей.

- У нас было еще хуже! - вздыхает также и бабушка Ева и на минуту перестает перебирать овечью шерсть. - Курей кормить было нечем. Часть из них продали на базаре, а остальных зарезали и съели.

- И правильно сделали! – хвалит свою собеседницу Теофиля и тут же объясняет почему. - У нас наших курей украли. Мы как раз перед голодом сарай развалили, собирались построить новый. Поэтому курей временно держали на чердаке дома. Они сами взбирались туда по лестнице и сами сходили вниз. И вот в одну из темных летних ночей их украли. Всех четырех куриц и петуха. Уже много позднее, незадолго перед тем, как нас вывезли в Казахстан, дошли к нам слухи, как это было.

Красть пришли два мужика из соседнего села. Рассуждали они таким способом: она – глуховатая, не услышит. Он так в течение дня наработается, что спит как убитый и тоже не услышит. Можно рискнуть!

Но чтобы подстраховаться, решили так. Один из них влезет с мешком на чердак пособирать там спящих курей. Другой в это время, вдруг кто – нибудь из хозяев все – таки проснется и вы-

и он будет стоять с камнем в руке при выходе из сеней во двор. И если кто – либо появится, опустит ему этот камень на голову.

И слава Богу, никто из нас не проснулся, не вышел! - делая несколько неожиданный для меня вывод бабушка Теофиля.

И если дочка наша осталась бы тогда сиротой. А воров в то время так и не нашли. Собственно, никто их тогда особенно и не искал, не до этого было.

Да, в те времена только кулаков и подкулачников старательно искали! - вздыхает также и бабушка Ева. И как всегда во время волнения или переживания, веки у нее начинают раз за разом подрагивать.

У бабушки Евы нервный тик. Это от испуга. От сильного нервного потрясения. Здесь своя история. Она не раз рассказывала ее приезжающим в гости родственникам с келлеровского района и у меня была хорошая okazия все запомнить.

- Случилось это со мной вскоре после войны – грустно и в то же время со смирением начинала она вспоминать. - Пасла и в тот день скот на выгоне, который находился сразу же за колхозным огородом. От села в общем – то недалеко, с полкилометра. Трава была там хорошая, но надо было постоянно смотреть, чтобы какая – нибудь корова не залезла в огород на грядки.

Уже с самого утра день тот выдался знойный, душный и словно бы какая – то тревога висела в воздухе. Я еще подумала тогда, что наверное будет дождь, может даже ливень. Однако того, что делалось в тот день вокруг, не описать никакими словами. После обеда, уже под вечер, с запада неожиданно быстро начала выползать огромная темно – серая туча с вьющимися по ней белыми облачками. Туча еще издали, словно предупреждая, что намерения у нее не добрые, вся начала поблескивать и искриться огромными в полнеба молниями. Громы, словно волны катились от них по всему небу. Коровы почти с человеческой озабоченностью посматривая в ту сторону, начали сбиваться в одну кучу, сгоняя в середину телят.

- У меня была с собою солдатская плащ – палатка, которую я обменяла на базаре за масло у какого – то возвратившегося

с войны инвалида. Без такой накидки пастуху в степи никак нельзя. Так что вроде бы была приготовлена на дождь, на непогоду.

Но такой бури с градом, которая разразилась тогда, я в своей жизни ни здесь, ни тем более на Украине не видела! Сначала по высокой траве пронесся сильнейший вихрь, пригнетая ее к самой земле будто плетью. Почти сразу же за этим, словно серая стена надвинулся дождь. А еще через минуту начался страшный ливень с бурей и градом.

Моментально не стало видно не только села, до которого было всего – то пару сот метров, но также и противоположного конца сбившегося в плотную кучу стада.

То здесь, то там, ослепя и оглушая в землю вбивались искрящие и гудящие громы. Ничто казалось не может остаться в этом пекле живым. С того времени я убеждена, что если когда –нибудь наступит конец света, он будет выглядеть точно так – без тени сомнения, немного отклонившись в сторону от главного описания, заверяла слушателей бабушка. Потом снова продолжала свой рассказ.

Через несколько минут я была мокрая и побитая градом, словно какая собака. Но хуже всего было то, что в конце концов не выдержало натиска такой бури также стадо. В поисках какого – либо укрытия коровы и телята бросились в сторону колхозного огорода, чтобы оттуда самой короткой, прямой дорогой чем поскорее убежать в село, под крыши своих хлевов и сараев. Не дай Боже, подумала я тогда, потопчут коровы колхозные овощи, а в сельсовете скажут, что это я намеренно скот туда загнала!

- Посадят за это в тюрьму и конец. Дети – круглые сироты! - причитала с ужасов Ева, изо всех сил стараясь обогнать коров и завернуть их обратно.

Бежала, что – то там шептала, молилась, кричала. В последний момент успела еще заметить, как распахнулись двери сторожки и оттуда навстречу бегущему стаду выскочил не успев надеть даже фуражку и размахивая одной оставшейся с войны рукой сторож Иван Лашкевич. А вслед за этим раздался силь-

нейшим блеск и грохот молнии, которая врезалась в землю буквально в двух шагах от нее, ослепляя и оглушая Еву.

Когда она через какое – то время пришла в себя, гроза уже уносилась дальше. Дождь падал все тише, а скот начинал понемногу реагировать на хриплые крики метавшегося среди стада полностью промокшего Лашкевича. Наконец коровы отступили от грядок с капустой, огурцами, помидорами и снова собравшись в кучу остановились на выгоне.

Казалось бы все закончилось счастливо, однако с того дня веки Евы начали слабеть и дрожать после каждого нервничания и с каждым разом все сильнее и сильнее.

С началом распахивки целины, новоорганизованные совхозы северного Казахстана были обеспечиваемы самой лучшей по тем временам техникой и к тому же в необходимом количестве. В то же время особого контроля за использованием этой техники и ее последней дорогой не было. Колхозы, которые к тому времени были узнаваемы за что – то вроде пережитка эпохи, анахронизм и старались чем побыстрее реорганизовать в совхозы, обеспечивались техникой и запасными частями намного хуже.

Тем не менее преимуществом колхозов было то, что они временами даже за трехкратную высшую цену могли выкупить обратно часть сдаваемого ими зерна и потом уже обменять это зерно или купить за него машины или запасные части к ним в совхозах, где зерна людям вообще не давали.

В Звезде Коммуны в пятьдесят седьмом году имелось около двадцати грузовиков марки газ - 51. Большинство из них составляли те, которые в поврежденном или же в изношенном виде удалось выменять на сельскохозяйственную продукцию в соседних совхозах. Но опять же для их ремонта и восстановления необходимы были запасные части. Столько запчастей в совхозах доставать не удавалось; ездили ведь к ним также и из других колхозов.

Где брать запчасти? Правление колхоза Звезда Коммуны в июне того же пятьдесят седьмого года решилось даже обра-

таться на автозавод в Горький с письмом, в котором “убедительно просит горьковский автомобильный завод о прислании каких – нибудь запасных частей к семнадцати автомашинам.”

Ответа с автозавода на эту просьбу в архивах мне, к сожалению, отыскать не удалось. Может в этот раз что – то там и дали. В большинстве же случаев колхозу надо было рассчитывать только на свои силы, на свои материальные возможности. Это опять же подрезало экономическое положение большинства хозяйств, которые еще не успели твердо встать на ноги.

Впрочем, все это были проблемы взрослых. У детей была своя жизнь. Летом подростки играли в саду в войну. Сад, точнее говоря, акации, которые в нем только и остались, уже очень хорошо разрослись, были густые и ветвистые. Среди них было хорошо прятаться, играть в разные детские игры. Сад, это было единственное, что осталось в память о двух дедах Янах. Ни один из них не пережил войну.

Так уж получилось, что в результате расселения первых привезенных в транспортах спецпереселенцев, возле одного из углов сада начинались границы немецкой территории села. В основном немцев, привезенных в четвертом, последнем транспорте с Украины.

С противоположенной стороны сада собирались поляки. Иногда ходили “бить” немцев. Битье, как правило начиналось с бросания засохшими комьями земли противниками одной стороны в своих соперников. Борьба обычно шла медленно, лениво, без особого проявления эмоций и носила скорее спортивный и развлекательный характер.

Однако длилось это только до той поры, пока на поле битвы не появлялся сын очередного председателя колхоза, Василия Курилова, Сашка с распахнутым воротником и завернутыми до локтей рукавами рубашки. Уже по самому его решительному виду можно было безошибочно определить, что это он идет в свой последний и решительный бой.

- Ур-ра!! Бей немцев! - размахивая первой же подхваченной по дороге сучковатой палкой, с нечеловеческим воплем – все,

как в кино! – прорывался Сашка сквозь топтавшиеся на месте ржи поляков к немцам и теперь уже те, осыпаемые значительно усилившимся градом комков земли и обеспокоенные угрозой от поспешно обломанных с акаций веток или подобранных на земле палок, вынуждены были отступать и разбегаться по своим дворам.

Вместо них оттуда с криком и руганью сразу же выскакивали с прутьями в руках их разозленные матери, а нередко и отцы, и уже шопякам надо было не мешкая отступать под прикрытие деревьев. Не боявшийся никаких угроз, но оставленный на поле в одиночестве, последним отступал сын председателя колхоза Сашка. На том, как правило, „международный конфликт” и заканчивался.

Но никогда не заканчивалась среди молодежи идеологическая работа, особенно, когда это касалось „советского образа жизни на селе”.

Еще в тридцатых и сороковых годах красноармейская районная газета „За большевитские колхозы”, вызывая к развитию советской культуры в сельских очагах, время от времени писала в таком стиле:

„В селах совершенно не учат современным танцам! Молодежь приходит в клубы со своими гармонистами и весь вечер пляшут „польку – бабочку” и „краковяк”.

Да, традиции хоть и изменяясь под большим идеологическим напором, все – таки еще долго оставались традициями даже и в казахстанских колхозах. Вот и в Зеленом Гае в построенном недавно новом клубе в один из тихих и теплых майских исчеров играл духовой оркестр.

В танцевальном зале на тщательно покрашенных деревянных досках пола, кружились в медленных вальсах и в более быстрых и зажигательных польках пары. А уже ближе к концу вечера разогревшиеся хлопцы и молодые мужчины лихо отплясывали со своими избранницами гопак и краковяк. Время от времени объявляли перерыв. И пока директор клуба и его добровольные помощники сбрызгивали и подметали пол, танцующие выходили во двор покурить и подышать вечерней прохладой и ароматным запахом молодых тополиных листьев.

Очень часто на такие вечера приезжали с ближайших сохзов также целинники. Естественно подпившие и естественно уверенные в себе.

Самый старший из музыкантов в духовом оркестре это дед Павловски. Играет на флейте. Прекрасная черная трубка с серебряными отверстиями и мундштуков уверенно выводит свои мелодии.

Весь высохший и легкий, как и его флейта, дед берег эту свою красавицу, как зеницу ока. После окончания танцев, старательно вытирал и аккуратно заворачивал сморщенными, покрытыми сеткой жил пальцами свою любимицу в чистый белый кусок материала и прятал во внутренний карман своего серого, дешевенького пиджака.

Вот и в очередной раз подышав свежим воздухом, дед снова собрался идти в танцевальный зал, продолжать свои чарующие мелодии. Неожиданно к нему подошел один из прибывших на танцы целинников, костистый, рыжеволосый парень.

- Дед, дай попробую сыграть?

- А ты хотя бы когда – нибудь держал флейту в руках? Не испортишь ее? - с беспокойством спросил в свою очередь гостя дед Павловски.

- Ничего с ней не будет! У себя на рязанщине тоже играл на разных дудках – успокаивающе ответил тот.

Такой ответ не очень успокоил деда, но немного поколебавшись с видимой неохотой вынужден был уступить. Тем более, что приезжего активно поддержали свои местные парни и мужчины:

- Что он ее съест, что ли?! Пусть сыграет человек...

Павловски, чтобы не выглядеть каким – то скупцом, согласился.

- Хорошо! Только, парень, когда закончишь играть, принеси мне флейту в клуб. Я пойду, сяду там, а то ноги уже не держат.

Дед тоже отбыл свое в трудовую армию.

-Иди, иди, дед! Будь спокоен!

Только как – то ни самому рыжему, ни кому – либо из его дружков не удалось выжать из флейты ни одного нормального

мука. То – ли музыканты были такие, или же флейта это все таки не дудка...

В конце концов новоявленные музыканты пришли к выводу, что это не было инструмента и флейта это тоже не инструмент!"

Возьми, отдай ее обратно своему пану! - небрежно протянул рыжий чудо - флейту кому – то из крутившихся поблизости подростков.

А было бы там что отдавать! - с пренебрежением ответил на то стоявший рядом с ним верзила, который перед этим тоже и тоже неудачно пробовал показать на флейте свои способности - Ее уже давно пора выбросить на свалку истории вместе с тем паном! Вот так...

И перехватив в воздухе инструмент, согнул его два – три раза в одну и другую сторону, и уже наполовину переломанную флейту действительно выбросил куда – то в кусты акации.

После чего вместе со своими дружками, услужливо хихикающими и повторявшими вслед за ним понравившееся им выражение -"на свалку истории," взобрался в кузов ожидавшего их них зис – 5 и все вместе укатили обратно за тридцать километров в свой совхоз.

Больше всего меня поразило то, что вместе с ними смеялись над этим малоприятным зрелищем также стоявшие рядом теллепогайские парни. Те самые, которые еще недавно заверяли деда: "Да что он ее съест, что ли?!" Ни один из них теперь не осмелился на какое – либо слово протеста.

Кто – то из более молодых пареньков побежал и сообщил старику о судьбе его любимицы. Старик вышел кажется еще более сторбившийся и постаревший. Просто еле заметная тень в ярком лунном свете.

- Где она? - спросил еле слышно.

Снова кто – то из подростков, проскользнул между кустами густой, подстриженной акации на другую сторону и тут же вернулся обратно протягивая деду его растоптанную гордость.

Пан Павловски даже и не пробовал разглядывать, что с нею сделали; он и в день уже плохо видел. По – просту прижал к се-

бе искалеченную, как и его жизнь несчастную чудо – флейту и пошатываясь, посреди вдруг наступившей полной тишины медленно двинулся через широкую площадь села в сторону своего дома.

Кажется, что наконец – то решили серьезно взяться за введение советской культуры также и в спецпереселенческую среду. И не в принудительной форме, как во времена Сталина, а так сказать, добровольным путем. Совпало это опять же с массовым наплывом целинников.

И также, естественно, с благословения партии и правительства начался массовый наплыв артистов. Однако в то время, как для новых целинников спектакли и концерты организовывались в развлекательных целях, в отношении к спецпереселенцам, особенно к полякам, нажим по – прежнему делался на идеологическом воспитании.

Только что окончательно и безуспешно закончился третий и последний шанс выезда в Польшу. Выезда вместе с теми поляками, которые были сосланы в Казахстан перед самой войной. Они уехали, а мы остались. А может нас оставили, как неполяков? Тогда кто же мы?! Артисты одного из театров как раз и попробовали дать нам ответ на этот вопрос.

О том, что приехали артисты с Украины и будут у нас ставить спектакль, первыми по селу разнесли весть конечно же мы, подростки. За это нам были обещаны бесплатно места на полу возле сцены.

Теперь уже точно не помню, как называлась пьеса. Какая – то романтическая, нравственная история из жизни украинского села. Помню, на полотне был нарисован красочный весенний сад и белая, покрытая соломой хатка, стоявшая в этом саду.

Перед спектаклем какой – то солидный человек, наверное директор этого театра представил актеров и автора постановки. После этого автор лично прочитал отрывок из своей новой повести, где старик ссорился на кухне со своей старухой. Книга видимо должна была быть юмористической, так как ее автор смеялся громче всех.

И книга, и спектакль были на украинском языке, который хорошо понимали все здесь присутствовавшие. На основе чего пресса же сделала вывод, который видимо от них и требовался.

Ну, видите! - по очереди убеждали после спектакля зрителей директор и автор пьесы. - Вы все прекрасно поняли. Потому, что у нас общий язык, культура. Когда – то ваших предков польские папы принудили принять католическую веру, записаться пописками. Но на самом деле вы – украинцы. Ук – ра – ин – цы!

В диспут с артистами никто из зала не вступал. Люди выходили молча, опустив головы. Однако оказавшись снаружи, посреди своих, не выдерживали.

- Да какие же мы украинцы?! - говорили они с явным недовольством и обидой в голосе друг другу чаще всего на том же украинском языке. - Поляки мы!

Поднимался также уровень культурного воспитания учеников. В третьем классе, уже с самого начала учебного года нас учили вероятно еще на основе самых первых образцов школьных пособий правилам поведения советских учеников. Например тому, что “учащиеся должны быть вежливы в отношении к старшим и своим коллегам, не допускать до использования некультурных слов и при встрече с ними здороваться.”

Но прежде всего нас начали морально приготавливать к важнейшему этапу жизни - вступлению в пионеры. Чаще всего нам, как пример для подражания, ставили Павлика Морозова. Многие очень хотели быть на него похожими. Тоже хотелось полюблаться и выдать какого – нибудь богача, пусть даже и из числа своих родственников. Правда, абсолютное большинство наших родителей, дядей и тетей были людьми небогатыми, да и выдавать их было как – то жалко...

Тем не менее, идеологическая работа наших воспитателей не была бесполезной. В то время я уже был почти законченным пионером. И вот тогда – то в формирующуюся душу молодого марксиста – ленинца был нанесен крепкий удар. Вскоре после окончания уборки, но еще перед вступлением в пионеры меня окрестили.

Постоянного ксендза в нашем селе, как собственно и во всех остальных, не было. О такой возможности большинство верующих даже не осмеливалось думать. Детей крестили в домашних условиях наиболее разбиравшиеся в этом вопросе и доверенные старушки. Крестили “с воды”, как говорили у нас. То есть, шептали соответствующую молитву, кропили святой водой – и на этом все.

А тут вдруг появилась возможность всю эту любительскую деятельность подтвердить профессионально, окрестить нас строго в соответствии с религиозными трактатами. На бывшей глухой станции Тайнша, которая теперь стала городком, который в свою очередь получил патристическое название – Красноармейск, официальное разрешение на свою деятельность получил католический ксендз.

Правда, выезжать за границы городка и проводить разные религиозные мероприятия по селам ему было запрещено. Но выезжал и проводил. Естественно, тайно. Таюже и в Зеленом Гае еще за несколько дней до его приезда, католики шептались по углам, что в ближайшее время и к ним должен будет приехать ксендз.

Наконец в один из холодных осенних дней отец пришел на обед из мастерской, где ремонтировал свой трактор в особо приподнятом настроении. Здесь надо добавить, что МТС-ы к этому времени уже были ликвидированы и трактора разделили по колхозам, где трактористы теперь сами их ремонтировали. Пришел он с давно ожидаемой вестью, которую даже в собственном доме произнес вполголоса:

- Сегодня вечером приедет. Будет у Ласкаржевских.

Женщины сразу же закутились и подняли спор, хоть и с оглядкой на окна, кого из детей надо будет взять с собой и как это все малозаметней сделать. После недолгой дискуссии, решили идти всем домом. Родители моей матери к этому времени уже тоже поселились здесь же.

-Мы пойдем туда раньше, как только стемнеет – сказали мне, - а ты придешь туда же просто из школы, сразу же, как только закончится последний урок.

К этому времени я уже давно перестал носить крестик даже дома, а само крещение считал за наибольший позор для будущего пионера. Однако все мои отговорки типа “с меня в школе не будут смеяться”, “я не знаю, где этот дом”, “боюсь туда идти и темноте” - были решительно отвергаемы.

Две бабушки и мать наперегонки старались мне все объяснить и развеять все мои сомнения.

Не будут! Спросишь! Не ты один пойдешь!...

В доме поднялся шум, все уже забыли о мерах предосторожности. В конце концов отцу это все надоело.

- Если не придеешь, получишь ремня! - заверил он меня коротко. Пришлось идти.

Найти дом, где должен был остановиться ксенд, действительно не составляло никакого труда. Люди валили туда толпами, и когда я там появился, в доме уже нельзя было протолкнуться. Две довольно просторные, освобожденные от всяких ненужных вещей и немногочисленной мебели комнаты, а также кухня и коридор, были буквально набиты людьми.

Никогда я еще не видел такой толкотни, даже на школьном коридоре во время общешкольной линейки. Оказалось здесь немало также и моих ровесников. Заметил даже несколько учеников из моего класса. Припомнил себе, что в школе ни я им, ни они мне о возможности такой встречи ничего не говорили. Держать язык за зубами и ни кому не рассказывать, что делается и говорится дома, если не хочешь, чтобы твоих родителей посадили в тюрьму, это было то, что всем нам прививали с самого детства вместе с молитвой, а не редко и вместо нее.

Естественно в такой толчее о точном соблюдении всех церемоний религиозных обрядов, было трудно. Мне, сестре и брату поспешно подобрали здесь же родителей крестных. Ксендз, который был одет в длинное светлое одеяние, с большим, сверкающим крестом на груди, размахивая кропилом, с трудом продирался сквозь толпу. Задержался и в нашем углу.

Смочил нам слегка волосы святой водой, дал несколько капель сладкого вина и несколько крошек хлеба, прочитал над

нами короткую молитву, перекрестил. Так я был окрещен во второй раз, что без сомнения в будущем как – то повлияло на ход моей судьбы. А на судьбе самого ксендза приезд этот сказался еще быстрее. Кто – то все – таки донес властям, что ксендз без их разрешения ездит по селам на встречу с верными. Потом нашли еще какие – то нарушения в его деятельности и ксендза сослали на десять лет в сибирь.

Несмотря на длительную оторванность от костела и религии, некоторые обряды и традиции по – прежнему сохранялись в селам. Например, тридцать первого декабря колядовали, первого января посыпали на счастье хозяев пшеницей. Также вечером тридцать первого декабря старались ходить колядовать в масках разных животных, быть максимально похожими на традиционных колядников.

И переодетые, пели в таком виде шуточные колядки. Первого числа, как правило, ходили уже без масок от дома к дому, посыпая знакомых и незнакомых пшеницей и желая им всем счастья, здоровья и богатства.

Чаще всего колядовать или посеять я ходил со своим другом Юзиком Жоломским. Особенно хорошо сохранилось мне в памяти посевание с 1961 года. Тогда как раз входила в жизнь денежная реформа. Пятьдесят копеек превратилось в пять. А рубль был равен всего десяти копейкам. Пять копеек на новые деньги, к слову, стоил как раз билет на детский сеанс в кино.

Именно те “пятаки” и “десятки” нам чаще всего и давали. А нередко горсть конфет или печенек. К концу посева все карманы были забиты ими.

Мы с Юзиком напосевали тогда по три с половиной рубля каждый. Он за свои деньги купил на следующий день у соседа – старшекласника уже не нужные ему лыжи. А мне мать, немного добавив своих денег купила позже в райцентре новые лыжи.

Потом на этих лыжах я еще несколько лет скатывался в котлованах и ямах, которые остались в тех местах, где наши деды и родители когда – то копали глину для строительства своих землянок.

С годами мы выросли с тех лыж, а котлованы засыпали и прижились с землей. Так закончилась еще одна страница нашей истории.

Начиная с пятого класса в школьную программу был введен немецкий язык. Немцы учили его, как родной. Полякам преподавали, как язык иностранный. Родители польских детей, а особенно сами дети были новым предметом очень недовольны.

- Почему дети польской национальности не имеют права учить свой родной язык? Почему должны учить немецкий? - слышалось со всех сторон.

Наиболее энергичные из числа польских родителей писали по поводу обучения родному языку властям на всех уровнях, куда - то даже ездили, добиваясь своих прав. Надежда среди нас то появлялась, то затихала, пока не погасла совсем. Все ученики вынуждены были учиться только немецкий.

Мне, особенно поначалу, немецкий давался с большим трудом. Может потому, что не имел к нему никакого заинтересования. Где - то в душе даже сидел протест против него, как к языку насильно навязанному.

Учил нас немецкому Иван Иванович Янц. Пунктуальность и добросовестное отношение к своим обязанностям были его характерными чертами. Иван Иванович считал, что если уж ему поручили учить детей иностранному языку, то он по крайней мере на твердую тройку должен их этому языку научить, независимо от того хотят сами дети этого или нет. И если в программе было, например, стихотворение, то ученики его должны были выучить, даже если ничего из него не понимали.

Как бы там ни было, до этого времени помню сельскохозяйственное начало одного из тех стихотворений: "майн брудер ист айн тракторист ин унзерен кольхоз..." - "мой брат - тракторист в нашем колхозе..."

Но даже и такие патриотические стихи большинство из его подопечных учить не хотело. И не раз случалось так, что учи-

тель садился на свой старый, давно отслуживший свое велосипед и объезжал по очереди родителей самых нерадивых учеников. На тех, последних, это естественно наводило огромную панику, а также огромное желание нанести невосполнимый вред его двухколесному другу.

Иван Иванович практически никогда не улыбался. И даже если в программе занятий был какой –нибудь веселый рассказик или стих, он больше делал вид, что усмехается, чем усмехался на самом деле.

В такие минуты его худое, изможденное лицо покрывалось скорее грустными, чем веселыми морщинками, а серые глаза по – прежнему оставались печальными и озабоченными.

Свою радость к жизни и здоровье он оставил в трудармии, где провел почти десять лет. А вообще, как ему удалось оттуда выбраться один Бог знает. Скорее всего, его уже зачислили были в “доходяги”, то есть в разряд таких, которые были изнурены и истощены настолько, что работать уже были не в состоянии, но умирать еще не умирали. Таких иногда, особенно в последнее время, из трудармии домой отпускали.

Несмотря на все это, пребывание в тех местах, где навсегда остались лежать многие из его земляков, не сделало учителя злым и сердце его не окаменело. Был он действительно невеселый, малоразговорчивый, но справедливый. И чрезвычайно скрупулезный, когда речь шла о культуре, порядке и чистоплотности.

Как – то произошла такая история. Большой любитель поесть и еще больший поспать Виталь Довгальски, снова проспав, влетел в класс вместе со звонком на урок буквально перед самым учителем. Пиджак у него был расстегнут, пионерский галстук съехал на бок. Даже забыл снять фуражку. Плюхнулся в таком виде на свое место за партой.

Тут же вслед за ним вошел в класс пунктуальный Иван Иванович. В отличие от розовощекого, вспотевшего и по – прежнему еще тяжело дышавшего толстяка Витьки, Иван Иванович был как всегда бледный и худой.

То, что один из учеников сидит в классе в таком расстрепанном виде, да еще с фуражкой на голове, конечно не могло остаться без его внимания.

- Ты, Довгальски, наверное не знаешь, что культурный человек не сидит в помещении с накрытой головой? - спросил он не без иронии. - Я вынужден записать тебе в дневник по этому поводу замечание.

Виталь, который уже был полный уверенности, что по крайней мере в этот раз все обошлось и злой на себя за такой промах с фуражкой, не выдержал.

- А где это написано, что в помещении нельзя сидеть в головных уборах? Я такого не видел! Вы мне сначала это покажите! - ответил с вызовом.

- Культурным людям о таком даже напоминать не надо! - поучительно констатировал Иван Иванович, не обращая особого внимания на вызывающий тон ученика. - Культурные люди ни при каких обстоятельствах не будут сидеть в помещениях в головных уборах. А показать, где это написано, что ж, это можно добавил он, роясь в своей старомодной и объемистой сумке.

Как уже давно уверились ученики, в этой сумке была собрана вся информация о всех жизненных ситуациях, которые когда либо происходили или хотя бы могли произойти. Также и о всех нарушениях учеников. Поэтому сумка, как и велосипед, были главными объектами покушений со стороны той части старшеклассников, которая к культуре особенно и не стремилась.

- Да, теперь уже не печатают правил поведения на обложках тетрадей – вздохнул между делом Иван Иванович. - Видимо считают, что все уже сделали культурными. А когда – то, вот, писали.

Он наконец отыскал в своей сумке среди множества других бумаг какую – то старую тетрадь с пожелтевшими страницами и начал выразительно и поучительно читать напечатанные на последней стороне обложки правила поведения учащегося:

“Первое. Никогда не сиди в комнате в верхней одежде и шапке!”

Здесь Иван Иванович на момент оторвался от чтения и значительно посмотрел на Виталю. Тот шмыгнул носом и опустил глаза, не зная, что сказать. Все остальные ученики ошеломленные таким быстрым и точным подтверждением правоты слов учителя, сидели с разинутыми ртами. Выдержав паузу, Иван Иванович продолжил чтение:

- Второе. Никогда не плюй на пол – это вредно и грязно. Третье. Грызть семечки в помещениях абсолютно запрещено...

Потом был параграф четвертый, пятый, шестой и так далее.

Закончив читать правила, Иван Иванович еще раз внимательно посмотрел на полностью затихшую аудиторию, после чего старательно завернул свою пожелтевшую реликвию в такую же ветхую газету и повторил, обращаясь снова к Виталю:

- Так что, дай свой дневник, Довгальски. О том, что в помещениях нельзя сидеть в головных уборах, как видишь, пишут.

Тот вытянул из портфеля дневник и молча поплелся к учителю.

Начало шестидесятых годов – это эра кукурузы. Кукуруза на страницах газет и журналов, кукуруза в радиоприемниках и первых телевизорах. Даже в застольных разговорах и то на первом месте была кукуруза. В то время это слово было настолько популярным, что по слухам, один малыш сначала научился произносить кукуруза, а только потом мама и папа.

Это маловероятная история. Чуть более вероятной кажется следующая. Во время посещения одного из детских садов, дети спели там крестному отцу кукурузы такую частушку:

Ладушки, ладушки,

Куба ест оладышки.

А мы в ладоши хлопаем

И кукурузу лопаем.

Не могли конечно обойти своим вниманием такую важную тему также первоцелинники. На мотив популярной тогда песни “Огонек” они пели:

Я в горах пропадал, я Хрущева искал,

А Хрушев за горой кукурузу сеял.

Огонек, огонек, ты свети, свети мне в пути...

Но уж совсем невероятным казалось то, что в магазинах народного государства, как это не раз подчеркивалось – одной из особенностей мира – не стало хватать белого хлеба. Да и серый появился, по крайней мере, не в избытке. И что особенно удивительно, впервые за многие годы в городах были большие трудности с хлебом, чем в колхозах, где этот хлеб выращивался. Обычно было наоборот.

Так уж получилось, что в начале шестидесятых лет неурожай в стране совпал с необходимостью обеспечения пшеницей блокированной наложенным западом эмбарго Кубы.

Я имел хорошую возможность, чтобы убедиться в трудностях с обеспечением хлебом в городе на собственном опыте. В те годы я часто ездил на каникулы в гости к своим тетям в город Сарань, что в карагандинской области. И главной моей обязанностью там было добывание хлеба насущного. В очередях, естественно. Я должен был занимать очередь в хлебобулочном магазине еще задолго до конца рабочего дня, то есть перед тем, как хлеб начинали развозить и продавать в магазинах. Когда хлеб наконец привозили, ко мне в очередь приходил кто – либо из наших родственников и мы возвращались с двумя булками свежего хлеба домой.

В магазинах без особого труда можно было купить только темный хлеб. Однако в доме тетей белый тоже был почти всегда. Крестная мать поздно родившегося и еще маленького сына тети Вики работала на хлебозаводе и правдами – неправдами также частенько приносила им булку белого хлеба.

От Красноармейска к Зеленому Гаю и далее до самого озера Калибек тянутся неглубокие балки, которые постепенно переходят в овраги, а те в свою очередь сменяются глубокими ярами. Скорее всего в очень далекие времена здесь было русло реки, может быть, это даже был рукав местной речки Чаглинки, а значит само озеро когда – то не было таким соленым.

Все возможно! Ведь еще зимы тридцатых – пятидесятых годов были не только очень морозные, но и очень снежные. И весной, когда начиналось половодье и разливалась относительно небольшая речка Чаглинка, протекающая возле Таинши, излишек вод пополняемый сбегающими с полей ручейками от таявшего снега, заполнял до краев вероятное старое русло и поднимавшаяся вода огромным потоком мчалась через ряд сел, в том числе Зеленый Гай в сторону соленого озера.

Мелкие рыбки и другие живые существа, добравшиеся с водой до озера, на берегах которого в сухие годы соль можно было собирать лопатами, неминуемо гибли. В то же время находившийся на окрестных пастбищах скот не было где напоить, так как горячее казахстанское солнце быстро испаряло оставшуюся в балках и оврагах воду.

Поэтому овраги, переходящие в яры, начали постепенно один за другим перегораживать земляными насыпями. Со временем получились три относительно небольших водных плотины, которые в просторечии назывались: Первая насыпь, Вторая насыпь, Третья насыпь.

Самой большой и глубокой была Третья насыпь, которая заканчивалась в близости аула Жаркаин. Сначала сюда запустили карасей, потом другие озерные рыбы и для подростков, а потом и для взрослых появилось здесь неплохое место для отдыха и рыбной ловли.

До третьей насыпи было, правда, далековато – восемь километров. Поэтому подростки ходили туда купаться в основном во второй половине лета, когда первая насыпь и вторая сильно мелели. Эти два водоема были и без того не слишком глубокими и собирали в себе весной относительно небольшие количества воды.

Насыпи первых двух плотин еще выдерживали давление бегущих потоков. Однако третья насыпь, хотя ее укрепляли кроме земли еще щебенкой и камнями, после многоснежных зим или после резкого таяния весной снега, не всегда была в состоянии выдержать огромного напора мчавшихся со всех сторон

потоков. Вода размывала и разрушала созданную людьми преграду и в сторону соленого озера снова мутными пенистыми потоками бежала вода, а вместе с нею плыли к своей неизбежной гибели уже не только маленькие, но и большие рыбы.

Однако плотина была колхозу необходима и насыпь снова восстанавливали. Снова добавляли камней, щебенки, еще немного позднее в эту преграду вкопали большого диаметра трубы, по которой теперь могли сбегать излишки воды, не разрушая саму насыпь. Жизнь учила, как здесь в сухой степи бороться с разливами рек и половодьем.

И как вода во время весенних разливов приносит новые хлопоты, но и очищения, так и жизнь с каждым годом приносила новые изменения в судьбе спецпереселенцев. Все чаще начали признавать их за равноправных людей. Порой некоторых даже ставили в один ряд вместе с наилучшими из наилучших, как тогда говорились. Хотя не все стремились быть среди “наилучших”.

Николай по – прежнему удивлял друзей своей образованностью и принципиальностью. Вот и в очередной раз, во время наибольшего расцвета кукурузной эпопеи, в самый канун полета человека в космос, в решающий момент перехода от социализма к коммунизму, он взял да и отказался вступить в партийные ряды!...

А произошло это так. В один из морозных зимних дней, когда, как говорится, хороший хозяин даже собаку на улицу не выгонит, Николаю передали из конторы:

- Ивахен и Миллерц сказали, чтобы ты завтра рано пришел к ним. Хотят с тобой о чем – то поговорить.

Ивахен был очередным председателем колхоза. Миллерц – председателем сельсовета и секретарем партийной организации.

Сначала Николай забеспокоился: зачем вызывают?! Никаких задолженностей по налогам перед государством у него уже нет. Других каких – либо серьезных нарушений тоже вроде бы нет. Пришел. Попросили сесть. Это уже хорошо! Сначала поговорили о сельскохозяйственных делах, о текущем моменте. По-

том коснулись международной политики. Оба с удовольствием выслушали краткое содержание важнейших новостей из последних газет, которые Николай достаточно подробно пересказал им своими словами.

Потом Аким Сыздыкович перешел наконец к сути вопроса.

- Знаешь, Николай, зачем мы тебя вызвали?

- Нет.

- Так вот, мы знаем, что ты старательный, добросовестный колхозник. В семье у тебя тоже все в общем нормально. Короче говоря, мы приняли решение рекомендовать тебя в партию. Думаем, что не подведешь. Как ты на это смотришь?

Поначалу Николая охватило чувство чрезвычайной гордости и даже самомнения. Ему, еще совсем недавно носившему позорное пятно сына врага советского народа, вдобавок поляку – спецпереселенцу, теперь сами руководители колхоза и села предлагают вступить в партию, в рядах которой, как об этом всегда и всех убеждали, находятся наилучшие из наилучших.

Но одновременно с этим в сердце ожили горечь и обида. Когда вспомнили! А сколько он должен был промучиться с матерью и сестрами? Сколько насмешек и издевательств они должны были выдержать? Одно только систематическое хождение в комендатуру на регистрацию чего стоило! А постоянный страх, чтобы случайно не сказать ненужного слова?...

- Нет! - после недолгого размышления решительно ответил на предложение Николай. - Спасибо, но думаю, что я еще не готов к вступлению в ряды коммунистической партии.

- Мы лучше, Николай, знаем. Ты заслуживаешь этого! - поспешил успокоить его Ивахен.

- Да – да! - поддержал также Райнгольд Райнгольдович. - Кого же тогда принимать? Недавно приносит мне одна из наших молодых поварих заявление о приеме. Сама еще даже чай толком не умеет заварить, а туда же ей давай, в партию!

В голосе Миллерца слышалась непритворная обида, был он неплохим человеком.

Но Николай уже решил окончательно: не отступать! Его взгляд на минуту задержался на огромном портрете Ленина с обширной цитатой внизу. Была она как нельзя более к месту.

- Посмотрите вот на этот ленинский лозунг – обратился он к своим собеседникам и прочитал вслух написанное там: „Коммунистом можно стать только тогда, когда обогатишь свою память знаниями всех тех богатств, которые выработало человечество.“ А я чувствую, что таких знаний еще не имею, а просто так занимать место в партии не хочу.

Пораженные такими глубокими рассуждениями и принципиальным подходом к делу, собеседники Николая в глубоком молчании посмотрели друг на друга.

- Да – а! - отозвался наконец Ивахен. - Ну, что же, Николай, или...

С той поры его в партию больше не приглашали. Наверное ожидали, что сам придет. Не пришел.

Однако эта история не осталась незамеченной земляками. Многие знакомые и друзья Николая при встрече с ним, одни прямо, другие намеками давали понять, что поступил он не слишком умно и предусмотрительно. Наиболее конкретно и откровенно на эту тему высказался старый знакомый отца из аула Жаркаин Ислам Сегизбаев, большой любитель побесбармачить.

Вскоре после отказа Николая вступить в ряды КПСС, направили его вместе с другими трактористами и рабочими – заготовителями на одно из небольших и неглубоких озер в нескольких десятках километров от Зеленого Гая. Должны они были там заготавливать камыш для утепления строившихся черепичных домов. Проводили тогда эксперимент с таким строительным материалом.

Гельта послали вместе с ними, как сторожа. Должен был охранять трактора, возы и сани, а также барак заготовителей. „Охранял“ он это все только днем, ночью спал наравне со всеми.

- Дурной ты, Николай! - сказал он по – дружески во время одного из послеобеденных перекуров неудавшемуся коммунисту и даже зачмокал сочувствующе толстыми, льснившимися

от жира губами. Заготовителей кормили неплохо, хотя меню их в основном состояло из блюд с баранины, что Ельтаю впрочем очень даже нравилось. - Вот, например, я год назад тоже вступил в партию; раньше никак не удавалось. Так теперь, смотри пожалуйста, совсем другое ко мне отношение!

Раньше говорили: "Кто там пошел? А – а, это Ельтай!..." А теперь еще издали кричат: "Ассалам Алейкум, Ельтай!" Уважают, значит!

И низкорослый толстяк еще раз с удивлением пожал плечами по поводу такой глупоты Николая. После чего вырвал несколько страниц с одной из книг, валявшихся под нарами, вытер ими пальцы и пошел наружу проветриться.

Эти книги, которые были присланы в степь с целью повышения "общего культурного уровня развития целинников", привезли и разгрузили в ауле Жаркаин. Но помещения для организации там библиотеки не было, читать по – русски практически тоже никто не умел. Поэтому книги свалили до прихода лучших времен в один из опустевших барачков. В последующем колхозники во время разных поездок использовали страницы привезенных книжек для разных гигиенических потребностей.

Как всегда неожиданно приехала с кустанайской области средняя сестра отца Юзя со своим мужем Виктором. Двое из сестер живут в карагандинской области, а одна вот поселилась в кустанайской. Приезжает к месту своего трудного детства она не часто, а когда уж приезжает – для всех это праздник.

Виктор заведует одной из районных нефтебаз под Кустанаем. Муж старшей сестры Виктории Юзеф работает на угольной шахте начальником участка. Третий зять, Станислав, на той же шахте трудится механиком угольного комбайна. Бабушка сильно довольна своими зятьями и при каждом удобном случае рассказывает о них своим соседкам.

- Хоть было тяжело, но всех дочек воспитала, выучила, выдала замуж. Значит, не такие уж у меня плохие дочери. Зятья

у имени тоже хорошие, грех жаловаться, и все на хороших работах. Все начальники, можно сказать!

Гостью Юзю теперь на русский или еще какой там лад называют Шурой. И она, и ее муж это люди веселые, компанейские. Но по поводу нашего удивления в связи с переменной имени только улыбаются.

Такие имена, какие были когда – то, теперь не в моде! – объясняют коротко.

В сельских местностях пока что традиции держатся крепче. К перемене тетей имени все относятся с легкой иронией.

-Шура веники ломала! – неизвестно откуда взявшейся поговоркой комментирует это событие мой отец, и дома все по-прежнему называют ее Юзей.

Когда наконец утихли первые возгласы радости и приготовленный на скорую руку ужин приближался к концу, как это часто бывает в подобных случаях, начались воспоминания.

- Не мучают вас хотя бы теперь налогами и займами? – делаясь более серьезной, спрашивает тетя.

-Слава Богу, нет, улучшилось с этим! – отвечает ей уже заметно подпивший на радостях брат и показывая на стол, на котором стояла вареная картошка, яичница со шкварками, порезанные на мелкие кусочки соленые огурцы, перемешанные с квашенной капустой, луком и политые подсолнечным маслом, а также нарезанные ровными квадратиками кусочки соленого сала, продолжает: - Как видите, есть что на стол поставить. Каких-нибудь, там, городских деликатесов здесь может и нет, но всего нам теперь хватает. Есть чем гостей угостить!

И снова протянул руку в сторону бутылки.

- А нам больше ничего и не надо, Коля! – в один голос ответили ему тетя и дядя. - Мы от всего сердца радуемся, что вы здесь наконец – то начинаете хоть немного жить по – человечески.

Тетя на момент задумывается и добавляет:

- Я до сих пор не могу без дрожи вспоминать, как мы тогда с Ледзей вели сдавать теленка.

- Ох, не говори! - отвечает ей тут же мать и, отвернувшись, вытирает слезы. - Мне до сих пор жаль того бычка. Что там было сдавать?!

Я не раз слышал эту историю. До сих пор, иногда, вспоминают ее в нашей семье. Было это через год или два после свадьбы родителей. В один из летних дней, уже поздним вечером, прибежал посыльный из сельсовета.

- Грабецки вас вызывает. Срочно!

Отец только что вернулся с поля, где работал быками на сенокосе. Мать – со сбора щавля. Оба измученные, целый день голодные на жаре.

- Ну, что ж, я пойду – вздохнул отец, отодвигая в сторону жиденький щавлевый борщ. - Узнаю, что там. Опять, наверное, насчет налогов...

И не сдержавшись крепко выматерился по – русски, не хуже, чем когда – то его отец.

Был прав. Вернулся обратно уже в полночь, мрачный, при-
давленный. В доме никто не спал.

- Что там говорили?

Отец долго молчал.

- Требуют срочно уплатить налоги! - проговорил наконец с усилием. - Задолженности за прошлый год и все за первую половину этого года.

- Но у нас же сейчас ничего нет! - сказала молодая жена сквозь слезы. - Заработаем что –нибудь на уборке, тогда и отдадим. Урожай вроде бы намечается неплохой...

- Говорил им то же самое. И слушать не хотят! Требуют, чтобы сдал в счет оплаты налогов нашего бычка.

- О, Езус! - выкрикнула бабушка Ева. - Ведь он же мартовский. Ему теперь только три с половиной месяца!

- Говорил им. Все равно требуют сдать. Иначе, грозятся, передадут дело в следственные органы.

Все в доме тихо заплакали. С этим теленком были связаны все их надежды. Думали поддержать его год и тогда уж, сдав, смогли бы рассчитаться и с долгами, и с налогами. Но теперь выхода не было.

Через три дня теленка погнали на пункт приемки скота, который находился в районном центре, в селе Чкалово. Напрямик, по лесными дорогами, это сорок с лишним километров.

Погнали Людмила с Юзей. Больше было некому. Решили выйти в дорогу, как можно раньше, чтобы к обеду быть в Чкалово, там побыстрее сдать теленка и до темноты постараться еще вернуться обратно.

К сожалению, запланированного темпа первым не выдержал как раз бычок. Пока еще шли с утра по холодку, все было нормально. Быстро минули Новогречановку, прошли еще несколько километров. Позади уже была третья часть дороги. Все казалось идет в соответствии с планом.

И вот здесь - то теленок забеспокоился. Видимо, поначалу он представлял себе, что это его гонят на пастбище. Однако позади оставался километр за километром, а пастись ему все никак не давали. Бычок запротестовал, уперся так, что было не сдвинуть. Людмила и Юзя решили в конфликт с ним не вступать. Не выпуская из рук веревки, дали бычку возможность немного пощипать траву, сами съели по паре вареных в мундире картошек с зеленым луком. Двинулись дальше.

Через несколько километров теленок снова начал упираться. Этого уже в плане не было. Обе вынуждены были все чаще и чаще применять лозовый прут. Несмотря на все их старания, когда прошли половину дороги, снова вынуждены были дать возможность теленку попасься. С них, со всех троих уже потекло. Погонщицы присели рядом, опять перекусили картфелинами с луком. Кроме лука и картошки было у них еще по куску темного, наполовину с отрубями хлеба. Но хлеб решили держать на обратную дорогу.

Вся вторая половина дороги прошла, как в кошмаре. Солнце уже добралось до своего зенита и палило немилосердно. На всем пути от Новогречановки до Чкалова ни одного деревца, чтобы хоть на минутку укрыться в какой - то тени, передохнуть. Не было воды. Почти три последних недели не было ни одного дождя, все большие и меньшие лужи возле дороги повысыхали.

Жажда палила огнем обоих пастушек. О теленке и говорить не приходилось, он уже даже и траву щипать был не в силах. Только под вечер дотащили они его чуть живого, истекающего белой тягучей слюной до Чкалова. В течение одного этого дня он наверное истратил весь тот жир, который успел накопить в себе за предыдущие три месяца своей жизни.

С трудом отыскали и уговорили снабженцев принять теленка в таком виде, в каком он был. Однако у самих уже не было никаких сил, чтобы думать о возвращении домой. Да и куда идти на ночь глядя? Попросились на ночлег к каким – то хорошим людям, таким же переселенцам, как и они, и таким же бедным. Тем не менее, хозяева не только согласились предоставить им ночлег, но и налили по миске забеленного молоком картофельного супа. А утром, прощаясь, дали им на дорогу еще несколько вареных картошек и пучок зеленого лука.

Напились обе побольше воды на запас и снова двинулись в дорогу. Хоть обе были сильно измучены предыдущим днем, тем не менее обратно шли значительно быстрее. Так дошли до Новогречановки, где снова вдоволь напились воды. Ну, а от Новогречановки до Зеленого Гая уж совсем недалеко – каких – то десять километров. Но это хождение со сдачей за налоги полуживого теленка они запомнили на всю жизнь.

Под конец беседы, которая затянулась далеко за полночь, уже при свете керосиновой лампы, отец сказал:

- Ну, выпьем по последней стопке за то, чтобы такой беды, какую пришлось пережить нам, ни наши дети, ни внуки никогда не видели.

- Не дай Бог! Это невозможно! - замахали руками сидевшие за столом.

Тогда все от малого до старого верили в светлое будущее.

Действительно, молодежь шестидесятых лет уже не была так беспощадно эксплуатирована в колхозах, как их родители и деды. Практически во всех семьях уже было что съесть, да и одежду, хоть может не самую лучшую и не самую модную, все же имели все.

Отцы уже брали своих сыновей, учившихся в старших, а нередко и в средних классах для работы на сенокосе, скорее по давней сельской традиции: приучать детей к труду с малых лет, чтобы меньше болтались в летнее время без дела по селу. И даже и меня, когда не имел еще и четырнадцати лет, отец впервые взял с собой на сенокос.

К тому времени Ивахена с должности председателя колхоза уже были сняты. Что было удивительно и еще очень неожиданно, сняли его под сильным нажимом со стороны собственных подчиненных. Колхозники ни в какой другой способ не хотели оценить его старания относительно сверхплановой распахши колхозных земель, как только снятием с должности.

Трижды под прессней районного руководства повторялось колхозное собрание. Район любым способом хотел сохранить на этом месте послушного и неприкословившего им председателя. Колхозники однако все три раза проголосовали против его кандидатуры.

В конце концов из района прислали другого кандидата Пигина. Был это своего рода компромисс. Не хотите Ивахена – хорошо, но и того, кого вы там планируете посадить, мы тоже не позволим, пришлем своего человека. По правде говоря, Максим Михайлович был совсем неплохим человеком и хозяйственником толковым. Вот только сильная тяга к слабому полу часто портила ему жизнь и репутацию.

В последние годы в летнее время отец чаще всего работал на сенокосе. Своим медлительным, но достаточно выносливым и простым в обслуживании ДТ – 54 тянул прицепные косилки сцепку из пяти – шести косилок одновременно. Кроме старшего в нашем звене, немца Кальтера, на остальных косилках сидели мои ровесники.

Работа казалась бы монотонная, но мне нравилась. Вокруг, во все стороны расстилалась необозримая степь. На ней торопливо помахивали в соответствии с порывами ветра белые гребни – метелки ковыля. Того самого, который встречал по всей степи также и наших сосланных дедов.

Во многих местах традиционный ковыль был уже достаточно густо перемешан с завезенным сюда в последнее время пыреем и какими – то сорняками, сопутствовавшими пшенице, а также с оставшимися еще кое – где полянками земляники. Но сенокос это сенокос! И когда ветер дул от косилок в сторону трактора, и запахи солярки, машинного масла и вылетающих выхлопных газов относилось вперед или в бок, в воздухе разносился тогда ни с чем не сравнимый душистый, ароматный запах скошенных летней порой степных трав, цветов и ягод.

Однако летний день был длинный и по – казахстански жаркий. В поле, под открытым солнцем приходилось находиться по двенадцать часов, не меньше. Под вечер от трескотни косилок, рокота трактора и лязганья гусениц у всех уже звенело в ушах. К тому же железное сиденье косилки достаточно твердое. И хотя укладываешь на него для смягчения тряски фуфайку, помогает это не очень. К концу дня у косарей кажется вытрясывает не только все из внутренностей, но и сами внутренности также.

Кратковременные отдыхи для малолетних косарей дают только простои – частые поломки косилок. Во время их ремонта есть возможность на несколько минут слезть с сиденья, походить, поразминаться, послушать уже не трескотание косилок, а трескотание бесчисленных полевых кузнечиков. А если есть особое желание, можно побегать за юркими, глазастыми зелеными и коричневыми ящерицами. Поймать, посмотреть поближе обычно не удается, моментально исчезают в скошенной траве.

Небольшие перерывы в работе чаще всего возникают потому, что ломаются сегменты косы, наткнувшись в траве на какой – либо мелкий металлический предмет, оставленный здесь по невнимательности еще в пору прошлогоднего сенокоса. Временами ослабевают и ломаются зубья на полотне косы, или же с самой косой что – нибудь случится.

Впрочем, это мелкие поломки. Благодаря ежедневной практике, на их замену уходит буквально несколько минут. Бывают аварии и посложнее. Вдруг по какой – то причине начина-

он крошиться зубья той или иной шестерни в коробке передач косилки. Потом приходится шестерню эту заменять и времени уходит на ремонт уже значительно больше.

А однажды ситуация была еще посложнее. Косили мы траву среди зарослей лозы. Это было примерно в том месте, где вода - то должна была быть заложена наша "точка." Теперь же место по - прежнему росла только густая трава, заросли лозы, и еще были многочисленные бугорки и ямки, на которых косильщика подкидывает и бросает на жестком сиденье из стороны в сторону так, словно это он первый раз в жизни скачет на коне без седла. Вот и я в один из таких моментов, потеряв слегка равновесие, не успел вовремя поднять полотно косы перед следующим бугром. Полотно на скорости врезалось в довольно большой, поросший травой бугорок, но не смогло пролететь через него, застряло. В то же время сама косилка шла вперед. Через момент ее затрясло, бросило из стороны в сторону и она переломившись, буквально на глазах начала разъезжаться под моими ногами в разные стороны.

Хорошо, что отец во время оглянулся и остановил трактор. Могли бы мои ноги оказаться между этими двумя разорванными чугунными половинами. Косилку мою отцепили и все остальные поехали косить дальше, а я в одиночестве остался ходить возле нее, с завистью посматривая на быстро удаляющуюся сцепку, состоявшую теперь уже из четырех косилок. На другой день приехала техпомощь. Мой несчастливый агрегат скрутили крест - накрест крепкими металлическими хомутами и этот сезон несмотря на такой необычный ремонт, косилка еще выдержала.

Работа на поле, на свежем воздухе нагоняет аппетит. Обеды косильщики привозят с собой из дома в сумках. Еду обычно все имеют одинаковую: хлеб, зеленый лук, сало, первые огурцы, вареные яйца, в бутылках чай или молоко.

На траве рядом со мной расположился наш звеньевой Кальгер, в общем спокойный и добродушный человек. Предвкушая хороший обед, начинает очищать первое яйцо. Неожиданно его

лицо кривится и на нем появляется гримаса отвращения. В яйце – почти что высиженный цыпленок. Видимо оно слишком долго лежало в гнезде, как поклад.

Кальтер уже даже и не пробует проверять содержание остальных яиц, но и не выбрасывает их. Старательно укладывает все обратно в мешочек.

- Поговорю сегодня вечером дома с женой – обещает многозначительно.

- Ну, как, поговорил? - с усмешкой спрашивает на следующий день его мой отец, а мы все с любопытством ожидаем на ответ.

- А о чем там с нею говорить? - спокойно пожимает плечами Кальтер. - Пришел домой, поразбивал яйца у нее на голове, вот и весь разговор.

Я смотрю на Эдика Босса, своего одноклассника, как он на это отреагирует? Ведь жена Кальтера, это его сестра. Но Эдик - человек спокойный и добрый одновременно. Смеется вместе со всеми нами. Хорошо все – таки, когда люди понимают юмор!

Вечером с работы в кузове грузовика возвращается намного меньше людей, чем их едет на работу утром. Непонятно, куда остальные в течение дня деваются? От полевого стана четвертой бригады до села почти двадцать километров. Какого – то регулярного транспорта здесь нет. Пешком на такие расстояния люди теперь уже тоже не ходят.

Видимо разъезжаются по той или иной причине закончив свои дела пораньше или же с трактористами, которые возят на тележках сено, или автомашиной техпомощи, которая ездит в село по запчастям. А некоторые также и на подводе вместе с кучером, который привозит в бригаду в огромной деревянной бочке питьевую воду.

Позже всех уезжают с полей те, кто занят на сенокосе и трактористы, занятые при обработке паров. Вместе с нами возвращаются также несколько женщин и девчат. Они подготавливают барак для принятия командированных на уборку, штукатурят его, белят.

Утром кузов ГАЗ – 51, высота которого увеличена добавочно укрепленными брусьями, заполнен. Человек тридцать, а может и больше стоят, тесно прижавшись один к другому. Вечером пшоловину меньше. Бригадир Ян Паавлиньски, который сам постоянно ездит в кабине, подбрасывает нам в кузов пару охапок свежего, пахучего сена. И обратно, когда людей уже меньше, мы едем по – просту в комфортабельных условиях, сидя или даже полулежа, где кому и как удобней.

Возвращаемся с работы не раньше захода солнца. И хотя летний вечер длинный, пока добираемся домой, нередко уже и псы появляются

Говорить в дороге не хочется, да и трудно перекричать шум двигателя, поскрипывание и постукивание на неровностях полевой дороги металлических и деревянных деталей грузовика. В то же время совсем молчать, тоже как – то неловко. В таких случаях, лучше всего петь. К тому же быстрая езда всегда способствует пению.

В роли запевалы почти всегда выступает Феля Яблоньска. Феля симпатичная, чуть – чуть пухленькая девушка. В школе она была участницей всех концертов. Тогда Феля пела песни, как грустные, так и веселые. Теперь поет только грустные. В прошлом году приезжал в Зеленый Гай к своим родственникам некий Вовка Велленберг. Мне особенно не слишком нравился его инсклявый и ироничный смешок. Однако Феля, похоже, думала наоборот...

- Испортил девчину, гад, почти откровенно говорят между собой мужчины постарше.

Никто не знает, что он там ей обещал, но теперь даже письма не приходят. Это тоже известно хорошо – в селе все все знают. С того времени Феля поет только грустные песни. Русские и украинские: „За окном черемуха колышется”, “Цвите терен”, “Взяв бы я бандуру...”

Польские не поет. Правду говоря, теперь их никто не поет. Не знают. В домах молодежь может еще и слышит от своих бабушек религиозные песни на Рождество или Пасху. Некоторые

может даже и подпевают. Но на концертах в Доме Культуры или в школе, а хоть бы и на каких – то других гулянках, польских песен не услышишь. Даже тех, которые знали их и умели петь, отучили.

Феля начинает, другие девчата не выдерживают, подхватывают песню. Чуть позже, особенно, когда в этот день у кого – то были именины или еще какой юбилей и удалось после работы наскоро опрокинуть стопку – две, к пению присоединяются также и мужчины: поляки и немцы. Чаще всего – это мой отец, Кульберц, Граппе... Мужчины помоложе и парни, кто сидя, кто полулежа, вдыхают полной грудью вечернюю прохладу и пахучий запах сена, больше слушают песни.

Слушают, и в сердцах каждого словно бы оживает непонятная, но и не меньшая тоска, чем в голосе той же Фели Яблоньской. Только о чем?...

Сменили не только Акима Сыздыковича, сменили и Никиту Сергеевича. В магазинах мометально появился и хлеб белый, и к хлебу, что надо. И мало кто задумывался, откуда вдруг это все сразу взялось? Ведь мы же не в сказочном мире живем, чтобы в течение одной ночи скатерть – самобранка раскрылась? А на будущее вообще было планов целое громадьё!

Впрочем, правду сказать, поначалу действительно хоть медленно, но изменения к лучшему на селах были заметны. Все больше строилось более – менее достойных человека домов с высокими, покрытыми шифером крышами. К тому же, каждый дом был предназначен только для одной семьи.

На улицах сел и между селами, колхозы, наконец – то получающая от государства для этого какие – то средства и технику, начали насыпать скреперами высокие дороги – грейдеры.

Вода во время половодий или ливней теперь сбегала по придорожным ровам и дороги, хоть сделанные еще из чернозема уже не превращались после каждого дождя в болото.

Один за другим – после тридцати лет существования! - начали засыпать и разравнивать котлованы – эти немые свидетеле-

в исторической истории спецпереселенцев. В эти же годы уже всем жителям сел без ограничения начали выдавать паспорта, было также разрешено по усмотрению каждого менять свое место жительства.

Работающим колхозникам расчет в выработанных трудоднях был заменен на более ясный и понятный способ начисления зарплаты – в рублях. Заработанные деньги платили уже также не один раз в три – четыре месяца, а ежемесячно. Для сел это действительно были большие изменения. Жаль только, что замедленные, медлительные и какие – то половинчатые.

В шестьдесят пятом году меня вовлекли в комсомол. В общем – то думал, что не примут. Учился довольно средне, в общественных делах участвовал слабо. Тем не менее приняли. И даже выразили убеждение, что я буду “достойным наследником смены вахты”.

Вероятно от избытка радости по поводу того, что становлюсь наследником, в те же годы я начал писать стихи. И не на какие – то там абстрактные, отвлеченные темы, например, о ежике, которого в жизни не видел или о той же любви, которой не знал.

Писал, конечно, и об этом. Но более склонялся к реалистической лирике, к конкретным примерам из жизни села. Например, о вреде самогонварения.

В Зеленом Гае, как собственно и во всех окрестных селах, районах, а может даже и областях самогон гнали все. Ну, может не исключением тех, кому было лень. Сахар покупали в магазинных мешках. С аппаратурой для производства самогонки проблем тоже не было. Три – четыре соседа, договорившись, покупали большую и малую фляги, медные или же алюминиевые тубки, деревянный бочонок для охлаждения бегущей огненной жидкости и пользовались всем этим по очереди.

Естественно в селе не все жили между собой в мире и согласии. Время от времени кто – то разозлившись на соседа давал соответствующий сигнал о злостном самогонщике в сельсовет или же сразу в райотдел милиции. Оттуда с целью наведения

порядка и принятия соответствующих мер направляли в село участкового, а он уже на месте подбирал себе двух свидетелей.

Свидетели под руководством участкового без малейшего сопротивления со стороны хозяев – служба есть служба! - выволакивали флягу на улицу и с неукрываемым сожалением выливали содержавшуюся там брагу в придорожную канаву. После чего составляли протокол о ликвидации запрещенного зелья и шли к кому – нибудь перекусить и пропустить там стопку – две первосортной самогонки.

Я был сторонником трезвого способа жизни и здоровой плодотворной критики. Быть безразличным относительно аморального поведения производителей самогона, подрывавших в этой сфере монополию государства и вдобавок спаивавших население, естественно не мог. Тем более, что подобные дела творились также и в моем собственном доме! Писал об этом напрямик в одном из своих стихотворений, которое начиналось словами:

Мама гонит самогонку,
Самогонку продает.
Спекулянства знать не знает -
По дешевке отдает.

Другое стихотворение на эту же самую тему, которое было написано в ритме марша, в свою очередь кончалось следующим хватающим за душу призывом:

Так давайте же думать начнем
И советы врачей будем слушать.
А не то всех нас черти в аду
С умилением глядя, будут кушать!

Но времена Павлика Морозова давно минули. Доносить на своих родителей уже было не в моде. А такие “доносы” вообще никого не волновали. Наоборот, мать с гордостью показывала очередные плоды труда своего сына – поэта соседям.

Тем моя поэзия нравилась.
- Все, как есть! - говорили они.

А двоюродный брат отца Чесе, которого теперь все звали

Иван и который перебрался жить на постоянно в Зеленый Гай, тот вообще расчувствовался и произнес:

Еще немного подрастешь, мы за эту твою поэзию вместе с тобой выпьем по сто грамм хорошей самогонки. А пока что может хотя бы бражки попробуешь? Правда, она еще слабовата, только чуть крепче кваса.

Чеслав словно бы извинялся передо мной. Я гордо отка-

- Не пью!

- Ну, как хочешь. А мы вот с твоим отцом выпьем. Давай, Николай, за здоровье твоего поэта! Интересно пишет, шаловит...

Закусывают они бараниной. В общем – то баранина, несмотря на то, что поляки уже несколько десятков лет живут в степи, особой популярностью среди них не пользуется. Куда большее внимание имеют свинина и говядина.

- Откуда ты ее взял? - спрашивает отец своего двоюродного брата, цепляя на вилку очередной кусочек застывшей, покрытой белым жиром баранины.

- Возил этими днями щепенку в Жаркаин. Там у меня есть один знакомый, Ербол, их ветеринар, может знаешь его?

Отец утвердительно кивает головой.

- Вижу, разделяет он еще с каким – то своим земляком барана – продолжил Чеслав. - Ну и мне в этот момент вдруг захотелось мяса. Продай, говорю Ерболу, килограммов пять. Спасибо ему, уступил, взял с меня совсем недорого. А свинину свежую где ты сейчас найдешь? Лето!

Отец опять молча соглашается. Потом, когда Чеслав снова разливает по стопкам самогонку, рассказывает на эту же тему следующую “поучительную” историю. Рассказывает он ее больше для меня, хотя время от времени оборачивается также к брату.

- Когда я вижу баранину, хоть на столе, а хоть и живого барана, мне всегда припоминается, как мы здесь, в Зеленом Гае, разжились когда - то овцами.

Случилось это уже в последнюю военную осень. В конце сентября или может в начале октября. Пшеница тогда уже была с полей убрана и обмолочена. Хотя на токах в кучах еще лежала.

Я и другие хлопцы, которые также работали на быках, свозили тогда поближе ферм солому. Работал я в то время во второй бригаде, в той, полевой стан которой находится за Жаркаином.

В тот день я что – то был немного проканителлся и загрузился позже всех. А дня два перед этим, как это часто бывает осенью, моросил мелкий дождь. На дороге, конечно, болото! Ну, думаю, снова раньше полуночи домой вернуться не удастся. Солнце уже заходило, а мне как на зло к тому же встретилась возле жаркаинского яра огромная отара овец. Их каждой осени гнали с центрального Казахстана на омский и петропавловский мясокомбинаты. Охраняли баранов заключенные из карагандинского лагеря.

- А их в свою очередь милиционеры? - поинтересовался в свою очередь Чеслав, ставя на стол опорожненную стопку.

- Не помню уже... Но не в этом дело, они бы и так куда-то убежали. А дорога там через яр была только в одном месте. Мои друзья успели проскочить, а мне овечья отара дорогу загородила. Должен был стоять и ждать, пока все пройдут. Наконец овцы с бляньем перебрались на мою сторону и пошли себе дальше. Двинулся наконец и я через яр. Неожиданно вижу, что – то как бы шевелится с боку, внизу. Наверху еще было более – менее светло, а здесь уже было плохо видеть.

Остановил я на момент быков, присмотрелся и вижу: овца. Здоровая такая! Отошла видимо в толкотне от остальных в сторону, да и увязла в грязи. А зад или курдюк, как здесь говорят, имела тяжелый, выбраться сама не смогла. Вытащил я ее кое – как с болота, отмыл немного от грязи и хотел уже догонять пастухов, чтобы отдать им потерю. А потом подумал, когда это я их на своих измученных быках догоню? К тому же ночь сближалась, да и сам был измучен и продрог весь. Осень ведь была. Решил я на свой страх и риск забрать ее с собой.

Выкопал в соломе ямку, затолкал туда овцу и поехал дальше своей дорогой.

- Да – подтвердил Чеслав, разливая остатки водки – если бы тебя тогда поймали, года два, а то и три отсидел бы...

- Не меньше! - согласился с ним мой отец.

- Ну, а чем все закончилось? - не выдержал я.

- Имел счастье – сказал отец. - Никто меня не остановил до самого села. Потом я эту мясистую овцу обменял на меньшую, но смятую у своего друга Августа Кригера. Та вскоре принесла двойняшек, так вот и разжились мы на овец. Но баранье мясо даже и в те голодные годы не было среди нас особенно популярным. Старались его на что – то обменять. Овец держали больше ради их шерсти. Из нее на спицах женщины вязали рукавицы, теплые носки.

- Вязали с тех ключев шерсти, которые оставались после уплаты налогов. - уточнил Чеслав.

Оба одновременно вздохнули и дальше уже закусывали в молчании.

В то время мы уже жили на новом месте. Купили более просторный дом у наших дальних родственников, которые переехали жить в райцентр. Дом этот находился также относительно недалеко от центра села, только в другую сторону. Мне, по правде сказать, было жаль покидать ту старую, уже также шатавшуюся оседать хату. Все – таки с нею были связаны все мои первые, добрые и плохие воспоминания.

Не знаю правда, к добрым или плохим можно причислить например такой маленький эпизод. Нашел я как – то там на подоконнике кусочек соленого сала. А надо сказать, что есть просто так сало в то время было еще большой роскошью. Хотя и шурительные налоги в то время уже были ликвидированы, люди по – прежнему откладывали сало, масло, яйца, чтобы купить за них что -нибудь в магазинах кооперации или отправились на базар в Тайншу, чтобы купить себе что – либо из одежды и обуви.

Поэтому каждый кусочек сала, особенно в летнюю пору, был на строгом учете. Фактически сало было использовано только для жарки борща или супа. Ну, или если неожиданно кто – то в гости приезжал.

Поэтому до сих пор меня удивляет, как оказался без присмотра тот кусочек сала. Был очень маленький, как мой указательный палец. Нагретый проникавшими сквозь стекло весенними солнечными лучами, он уже издали возбуждал аппетит. Я естественно никому ничего не сказал о своей находке, отломил от буханки кусок хлеба – с хлебом тогда уже было полегче – положил сало на хлеб и с аппетитом съел этот мой первый в жизни бутерброд. Канапку, как говорят в Польше.

В старой хате действительно становилось уж слишком тесновато и шумно. Известно ведь, даже самым дружным трехпоколеневым семьям трудно долгое время жить под одной крышей. Поэтому отец решил купить своей семье отдельный дом. На старом месте остались жить дед и баба Ляшинские. Свою бывшую холодную комнату они превратили теперь в кладовку, в которой хранили разные вещи и продукты. А сами жили в двух других комнатах.

Мы все, в том числе бабушка Ева переехали на новое место. Был этот дом более просторный, чем тот, да и огород здесь был намного больше, так как дом находился на углу двух улиц. Впрочем, мы, дети, в свой старый дом по – прежнему бегали часто. То на большой перемене в школе, что – нибудь там перекусить, то опять же в выходной, попросить пять копеек в кино. И уж только на третьем месте была какая – нибудь помощь с нашей стороны.

В детстве и молодости все мы не особенно заботимся и думаем о тех стариках, которые живут рядом с нами. Не всегда соглашаемся с ними, не всегда понимаем их. Когда же наконец опомнимся, захотим оказать им свое внимание, сказать хотя бы несколько добрых слов, их уже нет рядом с нами...

Я из всей нашей большой семьи наверное больше всех любил бабушку Еву. С той поры, как помню себя, помню также и ее,

старенькую, худенькую, с бесчисленными морщинками на лице, с беспрерывно подрагивающими веками, постоянно копавшуюсь в огороде на грядках или же приготавливавшую на кухне нам обед. Бабушка дожила до восьмидесяти пяти лет. А в таком возрасте человек уже мало меняется с годами хоть внешним видом, а хоть характером. Это не первые тридцать лет.

Не воспоминания из жизни на Украине я слушал всегда, словно сказки какие. Потому что, по моим понятиям, только в сказках могут существовать леса и болота. Таюже, как и места текущие медом и молоком. И когда бабушка начинала очередное воспоминание, леса и реки, которых мы, родившиеся в степях Кавказа, даже в глаза не видели, в ее рассказах присутствовали обязательно. Не обходилось и без нечистой силы, особенно ведьм. То они едва ли не на глазах хозяев выдоят корову, то на кого – то наведут чары, то кого – то заведут в болото.

Впрочем имели место и реальные истории, чем – то напоминающие гоголевские “Вечера на хуторе близ Диканьки”. Но ни в коем случае не были переписаны из его книг. Доказательством этому может послужить хотя бы такая история.

- Парни и девчата даже и летом находили время на общие встречи. Сидят в чьем – то доме, кто – то какую – то работу делают, кто – то семечки грызет, другие что – то там между собой сплетничают. Немного позже, глядишь, и танцы уже начинаются. Танцуют не только польские польки или краковяка, но и украинские – грыця или гопака, а то и белорусскую лявонику спляшут.

Бабушка на минуту умолкает, ее лицо разъясняется. Видно припоминает себе, как и она когда – то танцевала эти танцы. Потом снова сосредотачивается и продолжает воспоминание.

- Ну, напляшутся хорошо, наскочутся, надо и во двор выскочить. Остыть немного, да и по нужде малой. А среди парней всегда и везде разные шутники находились. Станислава Скужыньска дом имела большой, а семья наоборот – маленькая. Была она вдовой и имела только одну дочку на выданье. Вот у них чаще всего молодежь и собиралась. И места для всех хватало, и Станислава была гостеприимной.

Возле самого дома был погреб, а там дальше крытый сеновал. Вот за тот сеновал девчата и бегали... А парни заметили это и решили при такой оказии пошутить.

Бабушка уже заранее смеется, лицо становится еще более добрым, несмотря на то, что все в морщинках. И даже нервное подрагивание век, которое осталось на память о той страшной буре, ничуть ее не портит.

- А на Украине даже летом ночи темные, не то что здесь. И вот двое парней – наш Леон и Петр Залевски (их семью объявили потом кулаками и сослали куда – то еще раньше, чем нас) влезли на крышу сеновала и притаились там.

Вскоре из дома выскочили Галина Яремчак и Броня Линкевич. Веселые были девчата! Где они теперь – не знаю.

Бабушка на момент снова умолкает, вздыхает, шепчет короткую скорбную молитву, потом снова усмехается и продолжает рассказывать дальше.

Только присели Галина с Броней под сеновалом, как парни начали их сверху поливать... А девчата внизу никак не поймут в чем здесь дело, смотря одна на другую.

- Дывысь, Броню, дещ идэ! - удивленно говорит по – украински Галина. - Смотри, Броня, дождь падает!

- Тего не може быць! - почти с испугом отвечает ей подружка. - Цалэ небо в гвездах! Этого не может быть! Все небо в звездах!

Громкий неудержимый хохот раздавшийся над их головами моментально объяснил им непонятное явление природы.

Девчата едва не светясь в темноте со стыда, с писком бегут домой. Через минуту вслед за ними появились и Леон с Петром и от шуток и смеха парней и девчат казалось трясутся даже стены дома.

- Ну, как понравился вам дождь с ясного неба? Может повторить? Мы всегда готовы!

- Ой, нет! Не надо!...

Бабушка Теофиля нас, своих внуков, тоже любила. Но как – то по – своему, иначе. И была немного более экономной, ску-

повзрой, как нам тогда казалось. Семья, в которой она выросла на Украине, была многочисленной. Одних только детей – десять. А из тех десяти – только один сын.

Как известно, в семьях, особенно крестьянских, всегда было лучше иметь сына. Судя по всему также и поэтому отец Теофили всю жизнь стремился к этой цели – сын родился последним. Также и поэтому, охраняя долгожданного наследника, отец излишней работой его не перегружал. Большую часть работ дома и в поле выполняли дочки.

Но как раз дочки, по крайней мере один раз, спасли его от больших неприятностей. Возможно даже спасли ему жизнь. Бабушка Теофили об этом эпизоде, о находчивости своего отца вспоминала не один раз и не без удовольствия. А история была следующая.

Когда во время гражданской войны западную Украину сновали поляки польские войска под командованием маршала Пилсудского, сразу же за ними вернулись те владельцы домов и земель, которые были вынуждены перед тем оставить свои поместья. Вернулся также пан Кшивицки, в хозяйстве которого работал отец Теофили, Илья Пашыньски.

В течение того короткого времени, когда пана здесь не было, одна из сестер Теофили, Каролина, вышла замуж за красноармейца, к тому же украинца.

Увидев свое разрушенное и расхищенное хозяйство, пан Кшивицки пришел в ярость. Среди тех, кого он вызвал на расправу сразу же после своего возвращения, был также Илья.

- Ты почему, сукин сын, выдал свою дочь замуж за коммуниста? - набросился властитель усадьбы на Илью. - Может ты тоже стал коммунистом?!

“Коммунист” в устах хозяина поместья – это тяжелое обвинение. Надо было срочно искать выход.

- Коммунистом, пане, я не стал – как можно спокойнее, сохраняя холодную кровь ответил Илья. В эту минуту он действительно собрал воедино всю свою отвагу и сообразительность. - А дочка, что ж, у меня их столько, что теперь каждой собаке вынужден их отдавать.

Пан на минуту задумался, потом видимо согласился с тем, что Пашыньски рассуждает вполне логично. Дочек действительно имеет много и в зятях особенно перебирать не приходится.

- Хорошо, иди – сказал уже значительно более спокойным тоном. - Утром выйдешь на работу!

А ведь все действительно могло закончиться тогда намного хуже.

Здесь, в Казахстане, бабушка Теофиля и ее муж Виктор нередко ссорились между собой. Кажется мне, что также и с того поводу, что они - то детей имели как раз мало – всего одну дочку. А умерли буквально один за другим в течение года. Первым умер дедушка, а потом бабушка. Похоронили их рядом. Пусть земля казахстанская будет им пухом!

В Зеленом Гае наконец открыли новый Дом Культуры. Построили его возле старого клуба, на том месте, где тридцать лет перед этим были выкопаны первые котлованы. Однако благодаря этой новой постройке, те огромные и бесформенные ямы были наконец – то засыпаны.

Дом Культуры был первым двухэтажным зданием в селе. Многие опасались, что еще не слежавшаяся, болотистая почва может в каком – нибудь месте не выдержать нагрузки, начнет оседать и один из лучших в то время в области, а может и во всей республике очаг культуры может развалиться. Но все закончилось благополучно.

Строили его, как и многие здания подобного рода, несколько лет – значительно дольше, чем поначалу планировалось. Однако Дом Культуры и в самом деле оказался величественным. Зрительный зал был почти на пятьсот мест. Имелось также просторное фойе для танцев. Были разные другие подсобные и спортивные помещения.

Стены фойе были украшены рамками с фотографиями, показывающими историю села, начиная с самого начала его возникновения: первые землянки, котлованы, поросшие бурьяном околицы точки, первые саженцы.

Многие из тех фотографий несомненно были чрезвычайно ценными. Большинство жителей села к тому времени уже составляли те, кто родился и вырос в Казахстане. Своего села, такого, каким оно было запечатлено на первых фотографиях, они уже не помнили. Эти немногочисленные фотографии вызывали в их сердцах какую – то пронизывающую тоску и непонятное желание заглянуть еще дальше, в тот мир, который скрывался за самыми старыми и ветхими фотографиями.

К сожалению, заглянуть в тот мир практически уже невозможно. Фотографий с той далекой и милой сердцу жизни их дедов - прадедов ни у кого уже не сохранились. Если же кто – то что – то и привез с собой с Украины, сохранил до сих пор, то никто у них ничего о той жизни не просил, да и никто не поинтересовался бы вывешивать воспоминания о давно минувшем. Зачем для трудящихся нервировать? Пусть работают себе потихоньку на благо Родины!

После окончания восьмого класса, я уже начал совсем серьезно считать свое образование законченным. Мой отец окончил неполных семь. Родители большинства моих друзей и того меньше. А курсы механизаторов по – прежнему были самыми доступными и популярными среди детей спецпереселенцев. Поэтому не витая в облаках, большинство моих ровесников сразу же шло на курсы трактористов, тем более, что в последние годы они были организованы в зимнюю пору просто здесь же, в колхозе.

Нашлась также и среди нас одна представительница слабого пола. Призыв “живешь на селе, знай технику” пробовали привить буквально всем. Однако местные девчата, а тем более женщины в механизаторы рвались как – то слабо. Рассуждали вполне логично, что работа с железом должна быть делом мужчин.

Уговорили учиться, впрочем без особого труда, только Вальку – экономистку, как ее все называли. Она не была местной. Закончила где – то сельскохозяйственный институт или

техникум и ее прислали в Зеленый Гай на двухлетнюю практику. В отличие от той курсантки которая когда - то училась вместе с отцом, Валька была пробивной и разговорчивой.

Вождение на гусеничном тракторе ДТ – 75 преподавал как раз мой отец. Его предыдущий ДТ – 54 отправили на покой, то есть на металлолом и он пересел на этот новой модели трактор. Мне запомнилась Валька потому, что во время одного из практических вождений, она едва не наехала на моего отца. Дело в том, что на первых моделях этого трактора муфта сцепления была ручная. Такой вариант может имел свои плюсы, но еще больше было минусов.

Вот и тем разом “экономистка” отъездив по разрисованному гусеницами заснеженному полю отведенное ей время, подъехала к остальной группе. Выжала рычаг сцепления, но не сумев или позабыв выключить скорость, снова быстро потянула рычаг на себя, одновременно уже готовясь выскочить из кабины.

Однако трактор, как этого и следовало ожидать сам неожиданно двинулся вперед прямо на приближавшегося к курсантам моего отца. Хорошо, что инстинктно или с перепугу Валька в последний момент оттолкнула рычаг от себя и ДТ – 75 только слегка толкнул инструктора в плечо.

К этому времени все окрестные степи, где только было можно, уже вспахали. Местами вплоть до самой границы поселков. Вместе с тем, постоянно веющие в степи ветры успели сдуть с вспаханной плугами земли самый верхний, плодородный слой чернозема куда – то в лесополосы и озера. И теперь, чтобы увеличить урожайность, повсюду начали активно вводить химизацию полей.

Вносили химикаты в почву вместе с семенами или же опыляли нескончаемые просторы пшеничных полей с самолетов. Теперь летом с полей ветер приносил не ароматный, очаровывающий запах степных цветов и ягод, а острую, одуряющую вонь пестицидов и гербицидов.

Отравленные ими погибали сорняки и вредные насекомые, а вместе с ними степные животные и птицы. Болели и умирали

надыхавшись при опылении полей, особенно во время посева, также люди. Именно с такого повода, отравившись, один за другим умерли оба брата Жоломских – Франек и Стасик.

Они не особенно сильно верили в опасность химикатов, еще меньше верили в распылители и ватно – марлевые повязки, в которых к тому же было тяжело и неудобно работать. А потом слишком уж поздно обратились к соответствующим врачам – специалистам из города.

Братья Жоломские были в общем - то простыми и безобидными людьми. Помню, как однажды Франек удивил нас, подростков, следующей выходкой. Как - то наводил он у себя во дворе порядок. Была вторая половина весны и весь накопившийся за зиму муссор теперь оказался на виду. Вот Франек стресбал его в кучку и сжигал.

Однако заняться усердным наведением во дворе порядка ему все время мешал крутившийся под ногами тощий, с полублезлой шерстью кот. Видимо хотел есть, но есть тогда хотели все. В конце концов шупловатый, нервный Франек не выдержал. Схватил кота за хвост, раскрутил его, сколько хватило сил и запустил в воздух.

Кот, словно ракета какая, взмыл к солнцу и небу. Достигнув своего зенита, кот распластал ноги и хвост и начал медленно, словно на парашюте опускаться на землю.

Все закончилось бы для него только легким испугом, но на свое несчастье упал он точно на кучку свежего, горячего пепла, который появился здесь как раз благодаря хозяйственной деятельности самого Франека.

От неожиданности, испуга и боли, кот взревел как сирена и оставляя за собой серую полосу пепла и пыли, одним прыжком вскочил на крышу дома Франека. Такая была тогда высота хат, которая нам, малышам, казалась очень даже достаточной.

Больше уже кот работать не мешал. Однако сколько мы потом не просили дядю Франека, чтобы повторил этот свой эксперимент, он не согласился. Оба брата были людьми безвредными и незлопамятными. И хотя когда – то кричали вместе со многи-

ми другими: “Умрем, а в колхоз работать не пойдем!” - тем не менее пошли, иначе действительно умерли бы с голода. А так – умерли от химикатов...

Я любил работать трактором на полях. Особенно осенью, пахать зябь. Такой пыли, как во время посевной или обработки паров, во время осенней пахоты нет. Кроме того, воздух в поле свежий и чистый, наверное такой же, каким его знали наши отцы и деды. А с только что убранного пшеничного поля запах во все времена и во всех странах был и есть одинаково неповторимый.

Во время пахоты немного мешают оставшиеся на полях большие копны соломы. Это волокуши постыгивали целые ряды малых копнушек, остающихся после обмолота пшеницы, в большие. Однако так же быстро вывезти с полей все копны соломы не удастся, не хватает ни техники, ни людей.

И все - таки как прекрасно на скошенном и вовремя убранном поля в пору бабьего лета! Жаль только, нет времени , чтобы остановиться, постоять хотя бы пару минут на гусеницах трактора, порадоваться протянувшимся по всему полю бесчисленным тоненьким и серебристым паутинкам, подставить лицо под последние теплые и ласковые лучи осеннего солнца. И уж тем более нет времени, чтобы заглушить двигатель трактора, послушать в тишине грустное и доброе молчание увядающей щедрости осени, которая уже все отдала людям.

Да, на любованье природой времени остается очень мало. Мы с отцом работаем на тракторе посменно. Отец предпочитает работу ночью, а днем, отдохнув два – три часа, занимается домашними делами. Осенью в селах работы и возле дома предостаточно. Поэтому я нахожусь в поле все дневное время. Так и проходит вся осень.

Зимой механизаторам работы в колхозе не много. Большинство из них ремонтируют своих стальных коней. Остальные идут на фермы или другие сезонные работы. Я пошел помогать ветеринарам делать скоту прививки. Уколы, говоря проще. Во время этой не очень – то захватывающей работы было однако

время поразмышлять о своем будущем. Решил на всякий случай закончить вечернюю среднюю школу. Вдруг когда – нибудь придется! Да и вообще как – то приятнее чувствовать себя человеком со средним образованием. Пошел снова в школу.

Что интересно, в вечерней школе, кроме гуманитарных предметов, у меня вдруг появились также способности к немецкому языку.

Помогли видимо не столько предыдущие годы учебы в школе, сколько ежедневные отношения с друзьями – немцами, как на улице, так и на работе.

Немцы, правда, также теряли, забывали язык своих предков. Те, что помоложе, мои ровесники, даже в компании среди своих предпочитали общаться на русском или украинском языках. Хотя в школе имели возможность учить немецкий, как родной язык. То есть изучать его намного лучше, чем поляки, которые учили немецкий, как язык иностранный.

В общественных местах немцы также могли разговаривать на своем родном языке свободно, не опасаясь того, что на них будут смотреть с удивлением или с насмешками. Но несмотря на это, ограниченная возможность в применении своей родной речи, также приводила к тому, что и в их языке было много слов русскоязычных.

В таких случаях в свою очередь уже поляки не упускали okazji посмеяться над тем, как разговаривают их земляки, естественно преувеличивая или же специально коверкая язык.

- ... Ну так вот, спрашивает Иоганн Генриха: начинает какой - нибудь очередной анекдот, относящийся к мешанине русско – украинско – немецких слов Юзек Жарски по прозвищу Жорка, большой любитель пошутить и поболтать. - Варум ты вчора не прийшов? (Почему ты вчера не пришел?).

На что Генрих так же “по – немецки” и словно бы в рифму отвечает:

- Бо з нэба вассер шел! (Потому, что с неба вода падала!)

Это словно было взято из диалога молодых немцев. У немцев старшего поколения искривление шло в другую сторону

– плохое знание русского и украинского языков. В таких случаях, по словам рассказчика, разговор происходил следующим способом:

- Прихожу я вчера к соседу, к Веске. Дайте, пожалуйста на полчаса велосипед. Срочно в магазин надо!

На что тот вполне серьезно и даже как бы с сочувствием отвечал:

- Я бы даль, та в задним колесе витер нету... (Я бы дал, да в заднем колесе ветра нет...)

Еще один случай – воспоминание с гулянки.

- Веске, выпьем еще?

- Не-е, не моку! (Нет, не могу!)

- Всего по сто грамм!

- И не по килеграм! (И не по килограмму!) - словно бы категорически отводит протянутую со стопкой руку Веске.

Больше всего смеется с этих историек сын самого Веске – Рихард, веселый и добродушный парень.

Несмотря на услышанные разговоры на таком “диалекте,” мои познания в немецком за последние год - два все же заметно улучшились. В то же самое время от польского осталось в памяти всего несколько десятков отдельных слов. Даже молитвы и те начал забываться. А ведь хорошо помнил недавнее детство, когда у нас в доме не перекрестившись, не садились к столу. И на праздник Рождества Христова под скатерть всегда ложили немножко сена...

Да, после окончания восьми классов я пошел работать в родной колхоз, как тогда популярно говорилось. Казалось, что и меня ждет жизнь, подобная судьбе остальных моих земляков, да и вообще всех спецпереселенцев: не для того работать, чтобы жить, а жить для того, чтобы работать. Несмотря на большую вероятность этого, где – то в глубине души я все же чувствовал, что мог бы и может еще смогу сделать в жизни что – то большее, чем только пахать землю. Мешали верить в свои силы также еще и многочисленные болезни, которых немало имел в детстве.

Тем не менее, после некоторого раздумья я все – таки пошел в вечернюю школу. О том, чтобы кто – либо поступил с вечерним образованием учиться в институт или хотя бы в техникум не слыхал и в реальность такой возможности практически тоже не верил. По – просту хотел быть человеком по крайней мере со средним образованием. Понимал, что моих оконченных восемь классов в нынешнее время стоят не больше, чем три класса во время молодости моего деда. Впрочем оконченная вечерняя средняя школа также означала не многим больше, чем семь классов времен молодости моего отца.

Тем не менее аттестат о среднем образовании хотелось иметь, и я снова взялся за учебники. Говоря по правде, взялся за учебники, это пожалуй сказано сильно крепко. Большинство моих новых одноклассников такой тяжестью себя вообще не перегружало. Приносили обычно с собой в школу только тетради, в которых иногда что – то там записывали. Казик Сухарецки вообще на все предметы имел только одну общую тетрадь, которую вдобавок очень часто забывал дома.

В вечерней школе немецкий преподавал нам уже не крайне пунктуальный и требовательный Иван Иванович, а Клара Юльевна, добродушная и общительная немка в среднем возрасте и средней полноты. К тем, кто имел с немецким проблемы, относилась очень спокойно, во всяком случае, на велосипеде к ним домой не ездила.

Вместе со мной за партой сидит как раз Казик. Был он на несколько лет старше меня. У Казика знания с немецкого языка составляли абсолютный ноль, примерно, как у меня когда – то в начале занятий в пятом классе.

К немецкому языку у него нет ни малейшего заинтересования, ни способности. Я по сравнению с ним – почти профессор. На урок немецкого Казик обязательно подсаживается ко мне, хотя сидеть вдвоем за одной партой нам тесновато. Не пятиклассники ведь уже! Да и свободных парт в классе хватает. Однако, когда Казик сидит со мной, задания по – немецкому мы с ним вместе как – то еще выполняем. Намного хуже приходится, когда учительница говорит:

- Сухарецки! Комм цу тафель. (Иди к доске)

- Что она сказала? - тревожно шепчет мне в ухо Казик. Его суховатое, как нельзя более подходящее к фамилии лицо выражает огромное беспокойство.

- Говорит: “комм цу тайфель!” (иди к черту!)- специально немного искажаю я слова учительницы.

Клара Юльевна полушутя грозит мне пальцем.

- Это я и без тебя слышу! - недовольно шепчет мне в ответ Казик. - Ты переведи!

- Иди к доске – немного успокаиваю я друга - школьника.

- А – а...

К счастью, после двух – трех таких вызовов к доске учительница поняла, что от Казика, кроме того, что он умеет да и то с большими ошибками написать по - немецки свою фамилию, больше ожидать ничего не приходится и к доске перестала его вызывать. Сделала единственно правильный в этой ситуации вывод: если он до сих пор ничему не научился, то уже ничему и не научится! Вызывать его к доске, это по – просту ненужная трата времени. И действительно, перестала вызывать. Ну а с места на заданные вопросы мы с Казиком отвечаем вполне неплохо.

Не знаю, как организована работа вечерних школ в городах, но в селах она производится с обязательным учетом сельскохозяйственных работ, климатических условий и других местных факторов.

Вот и получается, что в первом квартале мы не имеем занятий, потому что идет уборка, все на полях или на токах. Последний квартал – другая крайность – посевная. В бригадах снова не хватает рабочих рук. Оставляем занятия и идем на прорыв.

В зимний период то мороз, то буран, то в Доме Культуры показывают хороший фильм, то по какой – то причине уже не приходит сам учитель и мы снова имеем выходной. Вместо предусмотренных четырех дней занятий в неделю, фактически занимаемся два – три. Однако выпускные экзамены несмотря на то, что последние дни буквально с раннего утра и до позднего вечера все были на полевых работах, мы сдали успешно.

А вскоре после экзаменов мать встретила меня неожиданной новостью:

Сегодня возле магазина я случайно встретила с завучем школы. Спрашивала, не собираешься ли ты поступать учиться куда-то дальше. Говорила, что на какой –нибудь гуманитарный факультет вполне мог бы идти.

Ольга Степановна преподавала у нас географию, которую вместе с другими гуманитарными предметами, я тоже любил и по которой, несмотря на то, что никогда ее не учил, меньше четверки не имел. Поэтому не было ничего удивительного в том, что учительница о моих способностях была высокого мнения.

Однако, сказать правду, никогда серьезно о поступлении в институт я даже не задумывался. Знал конечно, что еще лет десять назад ликвидировали последние запреты и ограничения, но крайней мере официально, касающиеся принятия польской молодежи в высшие учебные заведения. Тем не менее все институты казались мне чем – то нереальным, недоступным. Очень мало кому из моих земляков удавалось туда поступить.

Все же решился попытать счастья. Собрал по – быстрому все необходимые документы и свидетельства, и поехал сдавать экзамены в карагандинский педагогический институт на исторический факультет. Литература и история были также моими любимыми предметами. А в Караганду я отправился еще и потому, что там ведь проживали мои родственники и появился прекрасный повод в очередной раз их проведать.

Тети приняли меня, собственно, как и всегда, радостно и гостеприимно. Однако относительно реальности моего поступления в институт относились с большим скептицизмом. Тем более, как вскоре выяснилось, на одно место там претендовало двенадцать с половиной человек. Надо быть мудрым, как Соломон или иметь сколько – то там тысяч рублей в кармане, чтобы поступить, говорили между собой кандидаты в студенты.

Родственники были правы. И виной моему будущему непоступлению было как “вечернее” знакомство с предметами, так и прекрасные домашние библиотечки с исторической и при-

ключенческой литературой, которые были у моих тетей. Я отложил в сторону все учебники, проявив тем самым слабость своего характера и взялся серьезно изучать содержание обеих библиотечек. Еще до экзаменов значительная часть из тех книг, которые мне бросились в глаза, была прочитана.

Поэтому стоило удивляться только тому, что экзамены не смотря ни на что мне удалось как – то сдать без двоек. Однако пройти через конкурс, как этого и следовало ожидать, не удалось. Правда в каком – то моменте моя судьба стояла на весах: быть или не быть? Когда я стал перед отборочной комиссией, там немного занервничали. Но все закончилось благополучно. Для них.

Дело в том, что некоторые районы нашей области, которые были в основном заселены жителями коренной национальности, имели преимущества при поступлении в институты. Достаточно было сдать экзамены на тройки. Но я был из чкаловского района, почти полностью заселенного спецпереселенцами и их потомками. А для таких никаких льгот не предусматривались.

Выяснив это, председатель приемной комиссии вздохнул с видимым облегчением и скороговоркой произнес стандартную фразу:

- К сожалению, мы не можем вас принять. Попробуйте еще раз через год.

Однако следующая моя проба состоялась только через тринадцать лет. Она действительно была удачной. Впрочем об этом позже. А пока что я опять вернулся в село. Что случалось очень редко, дома были все, даже отец. Было воскресенье, последний выходной перед началом осенних полевых работ. Колхозникам предоставили возможность хорошо отдохнуть.

Первыми заметили остановившийся автобус и меня, выходящего из дверей, сестра и брат. Оба скакали и радовались так, словно бы я поступил в институт, хотя тети сразу же написали в село, чтобы никто никаких иллюзий не имел, по конкурсу я не прошел.

От остановки домой мы шли уже вместе. Сзади, по левой стороне остался наш прекрасный сад, в границах которого десять лет назад был построено здание колхозной конторы, а теперь делали фундамент еще под какое – то административное здание. В связи с чем, по моему мнению, сад терял не только ни своем облике, но и свою красоту.

Был ранний вечер и хотя солнце стояло еще довольно высоко, август это август - жара быстро спадала. Буйно разросшаяся ботва на огородах показывала, что неизвестно, как в этом году будет с урожаем пшеницы, но по крайней мере картошки хватит на всех. Сезон огурцов уже закончился, а помидоры только начинали краснеть.

Почти возле каждого дома были теперь садики: смородина, малина, яблоньки - ранетки. Сезон ягод уже заканчивался, но яблочки на ветках еще висели. Были они не большие, кислотиные, к тому же червивые. Заниматься ими так, чтобы можно было потом приготовить на зиму джем или повидло, хозяйки не любили – слишком много хлопот! Поэтому занимались с ними в основном дети. Вот и я теперь входя во двор также не удержался, сорвал одно из них, отгрыз половину, а вторую вместе с червяком выбросил.

- Так что, сынку, выучился уже? - добродушно, но с определенной долей иронии спросил отец.

- Ну, отец, не все могут быть профессорами! - сразу же наступила за меня мать.

- Правда! - снова не без сарказма согласился с нею отец.

Не все! Поэтому уже завтра с утра пойдет со мной на трактор. Надо перед началом уборки сделать капитальный техосмотр. Но это завтра. Пока что накрой - ка нам, мать, на стол, да не забудь поставить бутылочку домашней. Той самой, которую он так критиковал в своих стишках...

Пока приготавливался ужин, я выскочил на огород, где моя добрая и уже такая старенькая бабушка Ева, как всегда, не в состоянии усидеть дома, что – то там ковырялась на своих грядках.

- Привет вам, бабушка, от тетей!

И до поздней ночи продолжались обычные в таких случаях за столом разговоры и расспросы: почему все – таки не удалось поступить в институт, как живут и что делают тети и дяди? И естественно о том, какой ремонт надо сделать завтра трактору. Институт остался пока что неосуществившейся мечтой. Однако мысль, что такая возможность есть вполне реальной, в памяти моей осталась.

НАШЕ ВРЕМЯ

-И запомните, в первую очередь вы должны быть идеологическими работниками! - по – командирски строго произнес, приканчивая свою речь перед абитуриентами Василий Васильевич. И словно солидаризуясь с ним со стен внимательно и как бы даже оценивающе смотрели на собравшихся в зале бородачи марксизма – ленинизма и классики русской литературы.

-Кто это такой принципиальный? - спросил за моей спиной один из кандидатов в студенты другого.

-Руководитель кафедры марксизма – ленинизма, секретарь партийной организации Литературного института. Гроза всех студентов!...

“Гроза” будущих студентов и вправду резал на вступительных экзаменах абитуриентов беспощадно. Приканчивал не только недостаточно четко ориентировавшихся во всех минувших партийных съездах и конференциях в своей группе, но еще помогал в этом и другим экзаменаторам.

Наконец вступительные экзамены закончились. Во дворике популярного в литературных кругах института снова собирались те, кто не получил двоек и еще не отправился на вокзал или в аэропорт. Собирались, чтобы услышать окончательные итоги экзаменов.

Над столицей как раз пронеслась гроза, прошумел ливень, и теперь вновь сияли небеса. С высоких столетних тополей лининститутского сквера скатывались крупные дождевые капли, перемешанные с вороньим пометом. По одному, по двое, а кое где уже и по трое ходили по аллеям задумчивые прозаики и поэты, настороженно поблескивали очками и многообещающе трясли жиденькими бородками критики, нервно курили “в кулак” броско раздетые и размалеванные поэтессы.

Наконец всех пригласили в самую просторную аудиторию

и председатель приемной комиссии невысокая, плотная Мария Ивановна, она же преподаватель русского языка голосом настолько охрипшим, что практически его и слышно не было, прошептала:

-Я вас убедительно прошу: тише. У нас в приемной комиссии был сегодня очень напряженный день и у меня уже нет никаких сил кричать. Сейчас я начну перечислять тех, кто зачислен в Литературный институт. А потом, в конце, те абитуриенты, фамилии которых не будут названы, пусть пройдут в канцелярию и заберут свои документы.

В глубокой тишине были выслушаны фамилии прошедших конкурс. Среди перечисленных оказался и я. Затем в скорбном молчании мы проводили глазами тех из наших товарищей, которые конкурс не прошли.

И только потом уже официальные студенты окончательно перевели дух и довольно невнимательно выслушали фамилии и должности руководителей и преподавателей института, с которыми в дальнейшем нам чаще всего приходилось иметь дело.

Как приятно дышится после дождя даже и в Москве! Первое, что я сделал выйдя из душной, наэлектризованной аудитории института, пошел и отбил своим знакомым в областной газете в Кокчетаве, где уже лет десять, как жил постоянно, телеграмму: "Победа! Гордись, Кокчетав, своим членом..."

Хочется иногда пошутить. Порой, даже сквозь слезы. Ведь к этой цели я шел очень долго. Были первые школьные стишки, затем рассказы, написанные для областного литобъединения. Не оставались без внимания читателей небольшие рассказы и юморески, напечатанные в областной и республиканской газетах. И были наивные потуги своими силами, без всякой протекции пробиться в немногочисленные республиканские журналы и молодежные книжные издательства.

Весь этот период, в котором не дали результата мои беспрерывные литературные мытарства, выпавшие на период правления Леонида Ильича, в будущем будут называть "застой-

ным.” А еще немного позже многие в стране будут откровенно сожалеть, что этот период не “застоялся” еще дольше. Впрочем, в личной жизни у меня особенного застоя не было. За это время успел жениться, заработать квартиру в Кокчетаве и обзавестись дочками.

Хотя понятия “поляк”, “польскость” для большинства представителей этой национальности становились к тому времени уже все более расплывчатыми и неопределенными, а главное было неясно для чего именно эта национальность нам нужна, если мы сами, как частичка народа польского, никому не нужны, все – таки я женился на польке.

Тяга к Родине моих предков у меня была повышенной может быть еще и потому, что я очень любил историю древнего мира и средних веков, которую когда – то в школе преподавала нам Валентина Дмитриевна. Знал побольше других также и из истории Польши. Хотя, конечно, намного меньше, чем, скажем, из истории Англии или Франции.

Коммунистическая партия Советского Союза страну за Бутом почему – то недолюбливала и уделяла ей в учебниках и в ежедневной прессе значительно меньше внимания, чем другим странам мира, даже слаборазвитым.

Все – таки первоначальные ветры горбачевской перестройки вдохнули в меня какую – то свежую, дополнительную энергию. Помня уже довольно – таки смутно о тех попытках, которые делали люди старшего поколения, чтобы завязать какие – либо контакты с Польшей, я тоже решил попытаться что – то предпринять в этом плане. Правда, о том, что можно конкретно сделать в нынешнем нашем положении, я и сам имел поначалу весьма смутное представление.

Не особенно помогла мне в этом вопросе встреча здесь же в институте с несколькими поляками из Польши. Они закончили ускоренные двухгодичные Высшие литературные курсы ВЛК.

О том, что среди представителей многочисленных “племен”, обитавших в стенах общежития, есть и поляки, я узнал

случайно. Было их трое мужчин и одна женщина, молодая и симпатичная пани Иоланта. Все четверо у себя на родине занимались журналистской и литературной деятельностью; сюда их послали для повышения квалификации. К этому времени они уже год проучились. В ближайшее же время я конечно постарался с ними встретиться.

Встретили земляки меня по – студенчески не очень богато, но зато приветливо. Несмотря на начавшуюся по всей стране энергичную борьбу с пьянством, на столе было даже кое – что выпить. И что самое приятное, и о чем я только слышал краем уха, по старинному польскому обычаю на столе даже поставили по такому поводу зажженую свечу.

Тем не менее повышать мой уровень знаний о Польше земляки явно не спешили. Видимо также проинструктированные соответствующим образом у себя дома, идеологических работ со мной старались не проводить. Тем более, в вопросах касающихся современных проблем Польши. Например, для чего создана “Солидарность” и вообще, что она из себя представляет.

Слушая же мои познания из истории советско – польских отношений, только переглядывались и усмехались. На этом официальная часть беседы, как правило, заканчивалась. Далее начиналось застолье, разговоры на литературные темы и о семьях.

Тем не менее несколько этих кратких и малопродуктивных встреч во время двух сессий с далекими земляками укрепили меня в мысли, что все – таки надо попытаться может быть в последний раз навести связи с родиной моих предков. По крайней мере в этом вопросе представители далекой отчизны помогли несомненно, подсказав мне первый конкретный адрес – Общество советско – польской дружбы.

На мое решение заняться воссоединением связей поляков Казахстана и Польши несомненно повлияли ветры горбачевской перестройки, гулявшие широко по Москве. Дальше крупных городов, да и то в европейской части страны, эти ветры правда еще не долетали, но в стенах института от них и студенты, и сами преподаватели просто шалели и хватались за головы.

Сильно уж резко порой задували...

- Просто не знаешь, за какие газеты хвататься, какие статьи в журналах читать в первую очередь! - восторженно блестя черными миндалевидными глазами преподавательница древней истории Элеонора Разумова, одна из самых молодых в среде наших учителей.

- Слишком уж все быстро меняется! - не разделял ее оптимизма более старший и более опытный коллега, преподаватель истории КПСС Павел Юрьевич. - А история уже не раз учила человечество: далеко не всегда нужна спешка. Тем более, когда перемены касаются такого глобального масштаба.

Студенты конечно же не могли оставаться в стороне от всякий времени. И вернувшись из очередного похода в таксопарк за водкой – в отличие от московских магазинов, где спиртное и днем было все труднее найти, у таксистов зеленого змия можно было приобрести в любое время суток, за исключением редких минутных перерывов, когда поблизости проезжал милицейский патруль – обсуждали целыми вечерами положение в Москве и вообще в стране.

- Перестраховывается наш уважаемый марксист – ленинист! - однозначно высказывались по поводу осторожности Павла Юрьевича студенты. - Не очень – то приятные моменты из истории нашей “любимой” компартии становятся известными.

Да, поначалу все были оптимистами. В очередной раз поверили в светлое будущее всего трудового народа. Поначалу не поколебали нашей уверенности в этом начавшиеся вскоре стычки на Кавказе между армянами и азербайджанцами из – за Нагорного Карабаха. Несколько раз мы сами делали попытки примирить учившихся на нашем курсе собратьев по перу из Армении и Азербайджана, которые перестали здороваться друг с другом как раз в связи с разногласиями возникших между ними по поводу начавшегося в их республиках карабахского конфликта.

И хотя наши дружеские дипломатические попытки на таком невысоком уровне каждый раз заканчивались безрезультат-

но, как впрочем и попытки на официальном, правительственном уровне, никто из нас не мог предположить тогда, что это только первый огонек войны, что таких огней на территории огромной страны будет еще очень – очень много.

Мои не совсем еще ясные мысли по поводу организации в Кокчетаве общества подобного обществу советско – польской дружбы, но только с тем, чтобы это было чисто польское общество, не нашли однако в московском обществе особого отклика и понимания.

- А стоит ли вам проводить там чисто национальную линию? - сомневались здесь русскоязычные люди, каждый из которых польский знал намного лучше меня, поляка. - Нужно ли обучать с азов польскому языку тех, кто его практически забыл? Надо ли будоражить забытые чувства людей? Не лучше ли, чтобы просто дружили между республикой Польша и СССР все нации, какие этого только пожелают?

Две сессии подряд приходил я в это общество, говорил с ними на общепонятном русском языке, пытаюсь все – таки выяснить, как и что конкретно можно сделать для поляков в Кокчетавской области и вообще в Казахстане? И каждый раз после очередной беседы приходил к мысли, что у нас должно быть какое – то свое, отличающееся по своей программе и структуре от их ОСПД общество.

- Нам бы надо создать не просто организацию, в которую входили бы все желающие узнать, где находятся крупнейшие города и базары в Польше. Не для того, чтобы с разговорниками в руках мы могли ездить туда в туристические поездки и потрговать – пытался втолковать я. - Нам бы в наших селах, где живет много поляков, организовать их обучение польскому языку, истории, культуре, вере предков. Иметь возможность свободно ездить в Польшу, приглашать разные польские делегации к себе, искать адреса своих потерявшихся родственников...

В то, что есть такое понятие “репатриация” и что она будет когда – нибудь возможна, в ту пору даже еще и не думалось. Такое по – просту было нереально. Однако и то, о чем я им гово-

рив. особого энтузиазма у моих собеседников не вызывало.

Ну, это совсем не то, что записано в нашем Уставе ОСПД – сказали мне наконец откровенно. - Помочь вам с этим мы не имеем никакой возможности. Лучше всего, обратитесь с вашими предложениями прямо в польское посольство. Может там иначе чем – то помогут.

Мне дали адрес посольства и это был единственный дельный совет и помощь, которую я получил от общества советско-польской дружбы в Москве.

В посольстве я впервые встретился с одним из консулов, паном Зигмунтом Худым, невысоким и вопреки своей фамилии полноватым, но достаточно подвижным сотрудником посольства, с которым в дальнейшем не один раз встречался в вопросах организации соответствующего общества среди поляков Казахстана. Общества, которое было необходимо тем, о которых в Польше все уже практически забыли.

При первой же встрече от слов быстро перешли к делу.

- В ближайшее время у нас в посольстве состоится организационная конференция такого же самого Общества поляков в России – сказал консул. - Приглашаем пана поприсутствовать на ней, послушать, о чем там будут говорить. Все общественные организации в СССР создаются на основе Устава, разработанного еще в 1935 году. Когда будете создавать подобное общество у себя в Казахстане, опыт россиян вам несомненно пригодится.

В дальнейшем так оно и получилось. А еще той же осени в посольстве состоялась памятная встреча советской колонии с первым премьер – министром демократической Польши, который приехал в Москву с официальным визитом.

Там же, на этой встрече, я познакомился и с другими активистами – поляками из Кокчетавской области Розалией Зеленской и Анатолием Сикорой. Обое они были из келлеровского района. Было для нас всех очень необычно и непривычно встретиться здесь, в польском посольстве в Москве и говорить открыто о своих кровных делах и проблемах.

Худошавый, седоватый, одетый в серо – голубой костюм

премьер Польши внимательно и с сочувствием выслушивал каждое выступление. Это явно придавало многим из присутствовавших в зале сил и уверенности. Говорить тогда о каких – либо национальных проблемах в Советском Союзе было просто – напросто страшновато.

От своих же земляков, как перед этим в посольстве, я узнал, что последние год – два работники посольства выезжали с различными неофициальными визитами в Казахстан, чтобы узнать, есть ли еще в тех краях какие – либо потомки поляков, считают ли они себя поляками по – прежнему и попытаться завязать с ними соответствующие связи.

Но все это делалось еще очень законспирированно, дипломатически, как с польской, так и с советской стороны. А горький опыт прошлых лет настолько приучил поляков – казахстанцев держать язык за зубами, что вероятно даже ближайšie соседи и друзья об этих встречах и беседах ничего не знали. Начало однако было положено и это было главное.

Как всегда неожиданно – негаданно в село приехал друг детства и двоюродный брат отца Николай Ясиньски. Теперь их многочисленная семья жила в одном из новых совхозов, в Советском, в нескольких десятках километров от Зеленого Гая. По казахстанским меркам – недалеко. Но прямого автобуса туда нет, хорошей дороги тоже. К тому же совхоз этот относился к Северо – Казахстанской области. Поэтому специально друг к другу родственники ездили крайне редко. Встречались только вот так, когда вынуждали какие – либо важные дела.

В этот раз Николай приехал в наш район по поводу какой – то справки, необходимой ему для начисления дополнительных пенсионных льгот. Ну и заехал по пути к нам. Накрыли на стол, конечно. Выпили за здоровье тех, кто живет, помянули общих еще с Украины знакомых – уже умерших. И оказалось, что их уже больше, чем живых. Время беспощадно!

- Ну, а в вашем совхозе из тех добровольцев, что приехали на целину в середине пятидесятых годов, много осталось?

спросил отец.

Гость на какое – то время задумался, перебирая в памяти жителей своего совхоза. Даже наморщил лоб и почесал свой немалый, как и у его отца Леона нос. Был Николай одет в темно коричневый, почти новый костюм, но такого покроя, какой был в ходу лет двадцать пять – тридцать тому назад. Видимо он и одевал его раза два – три в году для таких вот важнейших целей.

-Нет! Кто уехал обратно к себе, кто в город, кто в другие села или города.

Потом неожиданно рассмеялся. И сразу как – то помолодел, оживился, стал еще больше походить на своего отца, балагура Леона. Такие же серые глаза, слегка выдвинутый подбородок, крупный нос. Да и сам он еще по – прежнему достаточно крепкий, здоровый.

- Но одного из тех, что остались, ты должен знать. Помнишь, когда мы только перебрались в совхоз, ты ко мне приезжал за запчастями к трактору?

Отец отложил в сторону алюминиевую, привезенную еще с Украины ложку, в свою очередь наморщил лоб, задумался. Комплексией он конечно уступал своему брату – тещке, но что – то у них было общее. Может быть, спокойствие и доверие друг к другу в беседе? Впрочем гость был несколько эмоциональнее, живее.

- Это тогда, когда я еще работал в четвертой бригаде? - спросил отец. - Оттуда полями к вашему совхозу совсем недалеко... Ты о заведующим складом спрашиваешь? Как его там, Федоренко, что ли?

- Федорчук, Гриша! - уточнил двоюродный брат.

Ну как же было не помнить! Вот также и тогда, выпив втроем хорошо по – приезде за знакомство и пообещав Грише за посредничество еще больше, пошли все вместе к инженеру совхоза. А тот в это время уже сам полдня бегал, искал запропастившегося кладовщика.

- Где тебя хрен носит?! - с ходу начал беседу инженер. - У меня машина простаивает, ремень вентиляционный порвал-

ся. А склад с утра закрыт!

Долговязый здоровяк Гриша, не выпуская из зубов окуроч беломора, слушал низкорослого толстячка инженера с показным вниманием, словно даже сопереживал, что начальнику из – за него пришлось так понервничать. Даже горестно покачивал похожей на вопросительный знак свежестриженной русой головой. А когда инженер начал понемногу успокаиваться, завсклад спросил все с таким же заботливым выражением на лице:

- Вам случайно не тяжело, Иван Иванович?

- С чего бы это? - уже почти успокоившись буркнул тот.

- А я на вас хер положил!

После чего повернулся и спокойно пошел к ремонтной мастерской, где находился вверенный ему склад.

Инженер некоторое время судорожно, словно карась на песке, открывал и закрывал рот, потом тоже повернулся и в свою очередь помчался в другую сторону, к конторе.

- Ты у меня попляшешь перед директором! - донеслось издали.

Гриша выдал топливный насос и две форсунки Николаю, затем через какого – то пацана послал упоминаемый ремень и приглашение Ивану Ивановичу прийти в гости к Ясиньскому. После чего снова запер склад на большой амбарный замок.

-На сегодня хватит работать – пояснил он братьям, - суббота! А директора он все равно в конторе не найдет, тот в райцентр по какому – то срочному делу укатил.

Через час все четверо мирно сидели в хате у Ясиньского и большими гранеными стаканами пили за здоровье друг друга привезенный Дыячинским самогон.

Поздно вечером гость уехал обратно в свой совхоз. И виделись мы похоже в последний раз. Вообще многочисленная семья Ясиньских распадалась, растворялась. Умер старый, добрый балагур Леон, скреплявший ее. Потихоньку разъезжались его сыны и дочери. Кто уехал обратно под Житомир, кто на Кубань, а кто и в Сибирь, в те места, куда поступили на учебу или на ра-

отцу уже их дети. Фактически судьба его семьи могла служить маленьким отражением судьбы всей казахстанской колонии. Такой же лишившейся корней прародины – матери, потихоньку все забывающей и растворяющейся в сонме многочисленных племен и народов Казахстана и всего Советского Союза.

На другое утро я решил сходить к своей сестре Виктории. Она замужем, имеет уже троих детей. Живет на другом конце разросшегося и расстроившегося в последние пару десятков лет села. На очередном перекрестке, лишь слегка погромыхивая по недавно настеленному на грейдере асфальту, дорогу мне пересекла повозка запряженная парой лошадей.

Я взгляделся в возничего. На вид лет под пятьдесят, лицо прошло несколько дней небритой темной с проседью щетиной. Сам невысокий и плотный. Одет в дешевенький, застиранный и поношенный серый костюмчик, обут в кирзовые сапоги, и шапке – начался сентябрь и по утрам было уже прохладно. Обычный повседневный наряд рядового колхозника.

Хоть и с трудом я узнал его. Он меня – нет. Много новых людей появилось в селе, да и многие свои выросли, изменились до неузнаваемости. Мы с ним тоже не виделись лет пятнадцать. С той самой поры, когда я работал в четвертой бригаде на трак-горе.

С какой – то сентиментальной грустью поглядел я вслед удаляющейся повозке и пошел дальше, вспоминая время своей жизни в колхозе. Я только начинал тогда работать трактористом на пару с отцом, а Иван был учетчиком в четвертой бригаде. Лет ему в то время было примерно столько, сколько сейчас мне. Иван хорошо играл когда – то на гармошке, да и голос имел неплохой. И мне вспомнился один памятный эпизод с той поры.

В тот день уже с утра заморосил мелкий осенний дождь. Серый купол неба, серый дождь, серое бесконечное поле. Одно было ясно, выезжать в этот день на полевые работы трактори-стам не придется. Какой – либо крупный ремонт техники тоже не сделаешь – нет крытого гаража.

Смазали механизаторы со своими помощниками трактора,

другую сельхозтехнику, кое – где подтянули крепления и за-
сучали. На полевом стане делать нечего, а домой не уедешь.
Дежурная машина еще утром уехала обратно в село и должна
была быть только к вечеру.

Поэтому решили расслабиться. Скинулись всей бригадой
на водку и послали двоих, из тех, что помоложе на колесном
МТЗ – 5 за этим горючим в ближайший совхоз – имени Ильича.
Сами тем временем собрались в красном уголке и Иван чтобы
скрасить время ожидания очень эмоционально исполнял под
гармошку неприличные частушки и переделанную песенку из
одного популярного в то время фильма:

Я тоскую по соседству
И на расстоянии,
Потому, что у соседки
Муж не в состоянии...

А когда привезли водку и все изрядно выпили, он, уже
сам слушая грустные задушевные песни моего отца и расти-
рая кулаком слезы по округлому лицу, словно несправедливо
наказанный за что – то подросток, с надрывом в голосе просил
его:

-Пой, Коля! Спой еще вот эту: “Бежал бродяга...”

И отец, полузакрыв глаза и тяжело покачивая головой,
словно видел когда – то перед собой все то, о чем сейчас пел
и теперь только пересказывал увиденное окружавшим его слу-
шателям, высоким и сильным голосом выводил:

Бежал бродяга с Сахалина
Звериной узкою тропой.
Укрой тайга...

Перед самым Рождеством Христовым собралась наконец
в одном из лучших Домов Культуры города, выражаясь газет-
ным штампом “историческая областная конференция поляков
кокчетавской области” - первое такого рода мероприятие поля-
ков во всем Казахстане.

Как и на всяких собраниях разрешенных и организо-

ванных под бдительным оком и непосредственным участием бессильной коммунистической партии “по образу и подобию своему”, было и на нашей конференции немало смешного и грустного.

Большинство наспех собранных поляков, некоторые из которых уже смогли к этому времени занять довольно высокие посты, как в районном, так и в областном масштабе, до последнего момента не ведая, зачем их здесь собрали, с удивлением, и то и с опаской посматривали друг на друга и по сторонам. Но так как все они были партийные, то по зову обкома партии явились по указанному адресу в указанный день и час дружно и без опозданий.

Наконец зачитали состав президиума, после чего начались выступления. Некоторые из произнесенных здесь речей были довольно откровенные и критические.

- Привезли нас вместе со скотом в одном вагоне – говорила уже знакомая мне по встрече в посольстве пани Розалия, женщина невысокая, щуплая, но энергичная, с сильным голосом – работала она в келлеровском районном отделе культуры. - Многие так и вынуждены были провести первую зиму в хлеву вместе со своими коровами, и тем только и спаслись от замерзания. Потому, что строить для себя каких – либо отдельных землянок уже не было времени да и не было из чего – привезли нас позднее других. Согревались чаще всего только теплыми коровьими боками, топлива таюже не хватало. И детей поили здесь же молоком. Вообще, если б с нами тогда тех коров не было, и люди не выжили бы...

Пожалуй, тогда впервые со сцены на весь зал прозвучал один из тех страшных своей неприукрашенной правдой эпизодов, о которых поляки до этой поры если и решались вспоминать иногда, то только шепотом вечером возле печки, или же хорошо выпив, да и то, когда чужих за столом не было.

Работавший в районном отделе народного образования Сикора по приглашению соответствующего отдела с польской стороны, к этому времени смог даже побывать в Польше. Причем

ему предоставили возможность посетить там хозяйство какого - то сельского единоличника, который имел “аж два собственных трактора и хороший легковой автомобиль”.

Собравшиеся на конференции пооткрывав рты, слушали его рассказ о том, что люди в Польше оказываются живут не так уж плохо и даже единоличник вполне может прокормить себя и свою семью.

Об этом тоже наверное впервые было сказано так громко и откровенно. Было еще несколько подобных чистосердечных и горьких воспоминаний и размышлений людей более старшего поколения о тяжелой судьбе нашего брошенного в степь и забытого народа.

Я с удивлением, не в силах поверить собственным ушам, слушал эти откровения. Потому, что хотя сам в небольших, чаще всего в кругах своих друзей и знакомых, также поднимал такие разговоры, но чтобы об этом говорилось так вот в открытую в одном из наибольших Домов Культуры города, среди работников обкома и облисполкома, многие из которых к тому же были представителями других национальностей, а некоторые, несомненно, сотрудниками соответствующих органов... Это было просто невероятно!

Потом списком из семнадцати человек выбрали областное правление. И хотя многие из кандидатов наверняка и не представляли куда и зачем их выбирают, да и вообще, чем это общество должно будет заниматься, никто из них и не подумал отказываться. Сверху – виднее! Если с ведома и разрешения партии куда – то выдвигают, значит так надо.

Когда среди прочих кандидатов в областное правление польского общества заведующая национальными вопросами облисполкома В. Чубакова выкликнула также мою фамилию, то после названия специальности - “рабочий” голос ее даже дрогнул, наверное от переполнившего грудь восторга. Вот, мол, какая у нас демократия наступила...

Да, трудно человеку, который решил связать свою судьбу с творческой работой, написать более – менее удачную вещь.

Еще труднее с этой вещью пробиться в литературу, хоть в журнал, а хоть в книжное издательство. И уж практически совсем невозможно прожить на писательские гроши. Вот и приходится всю жизнь подрабатывать, где попало. А перо да лист бумаги брать в свои руки только в свободное время, которого, к сожалению, всегда мне не доставало.

В очередной раз из Зеленого Гая приезжает сестра Виктория. Сестра у меня грамотная, закончила в Караганде педагогический техникум. Работает в школе учительницей. Но от постоянной работы дома по хозяйству и под открытым солнцем на огороде огрубели и опалились ее лицо, руки. Сделалась типичной колхозницей. Подчеркивает это и ее одежда, которая не столько модная, сколько удобная и привычная: платья из недорогого, но крепкого материала, зимой еще кофты и свитеры.

Некоторые говорят, что она похожа на свою тещку – тетю Нику. Мне кажется, больше на свою мать. Но еще больше – на типичную колхозницу.

Несмотря на выходной, сестра чаще всего находит меня сидящим за пишущей машинкой, что – то там перепечатаваю. Но когда являются гости, приходится отрываться.

- И где ты столько сюжетов берешь? - удивляется она. - Как ни придешь, всегда что – то пишешь или перепечатаешь.

- Очень все просто! - отвечаю серьезно ей. - Сюжеты я не нахожу, они ко мне сами приходят. И чаще всего почему – то ночью. Ложусь вот с вечера спать, вроде бы все нормально. А утром, чуть только рассветать начнет, а то и вовсе еще в полемках слышу как бы стук какой – то.

- Жена! - зову сквозь сон. - Слышишь, стучат, открой двери.

- Это не в двери стучат! - недовольно отвечает потревоженная жена. - Это очередной умный рассказ в твою глупую голову помится.

Тогда вздыхаю, поднимаюсь, сажусь за стол и начинаю что то там опять писать.

Жена, как впрочем и множество других женщин, такой

юмор понимает с трудом. Морщит недовольно свой тонкий нос, отводит в сторону серо – зеленые глаза. Потом все же не выдерживает и высказывается, вольно или невольно подтверждая мои слова:

- Сходил бы лучше в магазин, принес хлеба да молока. Будет и в самом деле больше толку, чем от твоей писанины.

Похоже, в московских, как и в других журнальных и книжных редакциях действовала негласная инструкция: студентам первых курсов литературного института отказывать в публикации. Пишущего люду, грамотного и не очень, разного возраста и обоего пола, заваливавшего немногочисленные редакции и издательства плодами своих творческих мук и без них хватало. Впрочем, все инструкции, как это часто бывало, и в подобных случаях выполнялись с большим запасом. Фактически не печатали не только студентов первых курсов, но и последних тоже.

Поэтому студенты – выпускники, в отличие от оптимистов – первокурсников поняв, что вряд ли что – либо удастся в Москве опубликовать, практически переставали бегать по редакциям, ходить по театрам, ездить на экскурсии и вообще участвовать в каких – либо культурных мероприятиях. Пили.

А так, как в Москве в связи с развернувшейся очередной кампанией против пьянства и алкоголизма резко сократилось количество как самого спиртного, так и количество точек в которых его продавали, то на поиски данной продукции и проставания в очередях как раз и уходила большая часть свободного времени.

- Э-эх, сейчас бы стопку – две горькой, тоску разогнать! - мечтательно начинал еще в субботу после занятий, а в воскресенье вообще с самого утра кто – нибудь, чаще всего Саша Горюнков, молодой, но уже начинающий спиваться поэт из – под Москвы.

- Да, особенно если возле бутылочки разложить селедочку, ржаной хлебец и горячую картошечку в мундирах. А стаканчики чтоб рядом стояли чистенькие, свежевывмытые. - красочно про-

должен развивать эту мысль очередной талантливый писатель.

- Вот – вот, так и вводят в грех порядочного, семейного человека – неопределенно усмехаясь, говорит еще один поэт Сергей Макаров и на минуту задумавшись, лезет в карман за кошельком. - По сколько сбрасываться - то будем?

Компания, крайне пассивно рассматривавшая до этого момента свои нечищенные ботинки или же лениво рифмовавшая поэтические строки с неприменным участием торчавшей в отдалении за окном Останкинской телебашни, типа:

В небесах серебрится антенна -

Это гордость, столица, твоя!

Ведь такого предлинного хрена

Мир еще не видал ни х... -

вмиг преображается, начинает проявлять невиданный энтузиазм. Сразу же распределяются роли: кому бежать за вином или водкой, кому за хлебом и картошкой, а кто в комнате будет наводить порядок.

На первых курсах студенты предлагали почитать друг другу свои сочинения, обсудить в них удачные и неудачные фрагменты. Интересно было узнать, кто о чем пишет или думает писать. В конце учебы ничего этого уже нет. Всем все друг о друге уже давно известно, никого не заставишь что – либо прочитать. Как ясно всем и то, что в литературу, особенно писателям с периферии – а таких было большинство – пробиться практически невозможно.

Вот и ищем при малейшем поводе выпивку, чаще всего в таксопарках. Потом сидим и нередко пьем молча до поздна, до одурения. Это когда выпивки много, а закуски почти нет. Впрочем, иногда, когда выпивки тоже почти нет, ударяемся в воспоминания.

Чаще всего сидим компанией в следующем составе. Кроме постоянного навсегда невысокого толстенького блондина Сани Горюнкова, с нами Сергей Макаров, известнейший у себя на тамбовщине плотник и почти такой же известный поэт.

Ему уже под сорок, в компании он самый старший. Заметная лысина и черная включенная борода придают ему вид, напо-

минающий что – то среднее между разбойником и лешим.

Часто в нашей компании бывает и Гриша Яковлев, моряк заграничного плавания. Гриша высокий и худощавый, ходит всегда вразвалочку. Некоторую несерьезность ему придают светлые вьющиеся волосы и длинноватый нос.

По своему иерархическому трапу Гриша дошел до должности старшего помощника капитана на сухогрузе. Впереди ждало его вполне хорошее, обеспеченное будущее. Но здравый и трезвый реализм победила мифическая возможность стать писателем. Скорее всего – малоизвестным и уж точно – малообеспеченным. Так в застольных разговорах и проводим свободное время.

Кажется совсем еще недавно, в начале моей учебы, совпавшей с началом правления Горбачева, Союз пятнадцати республик выдавался сплоченным и мощным, как никогда. К концу учебы, уже всем было ясно, что того Советского Союза, к которому мы все привыкли и который так или иначе любили, больше уже не будет. И не только, как социалистического, но и просто как крепкого союза бывших братских республик нам уже было не видеть. И мало кто радовался этому. И не потому, что жаль было “недостроенного” коммунизма. Жалко было обманутых самих себя.

Сначала бросили институт и уехали некоторые студенты из Прибалтики. Потом перестали здороваться друг с другом армяне и азербайджане. Потом студенты с Украины и Молдавии с удивлением и недоумением начали прислушиваться к тому, что доносилось с их родного юга. И каждому здравомыслящему становилось все яснее, что советский паровоз с отказавшими тормозами пошел по опасному уклону.

Для меня все – таки есть какой – то просвет в жизни. В трудную минуту могу пойти в польское посольство, расспросить о делах в Польше, поговорить еще раз о положении поляков Казахстана, о нашем будущем. Почувствовать хоть какую – то невидимую поддержку от этого маленького кусочка “польской” земли. Но странное дело, меняются в посольстве люди, а проблемы наши как бы застыли на месте. С каждым разом обеща-

ется все больше, делается все меньше.

Об открытии посольства или консульства в Казахстане мы столько раз просили и его нам столько раз обещали, что от слов болят уже язык и уши. А поляки в Казахстане ждут не обещаний, а реальных дел. И идут, идут ко мне, как к председателю польского общества в Кокчетаве с различными вопросами о жизни Польши и ее граждан, наших соплеменников. И почти каждый пришедший начинает или заканчивает разговор одним и тем же вопросом: “Будет ли нас забирать к себе Польша и если будет, то когда?”

И я сам все меньше и меньше веря тем, кто говорил мне такие слова, повторяю тем не менее вслед за ними:

- Будут – будут! И посольство скоро откроется и вопрос о двойном гражданстве решить обещают, и в парламенте собираются обсуждать возможность нашего переселения.

- А вот немцы – говорили мне в ответ – на свою бывшую родину уезжают уже толпами. В Германии на эту тему говорится может мало, зато делается много...

И снова грустно вздохнув мои собеседники уходят терпеливо ожидать, когда же скажет что – либо конкретное активная защитница обиженных и обездоленных во всем мире и очень робкая и осторожная по отношению к своим казахстанским соплеменникам Польша. Да, наши люди привыкли всю жизнь терпеть и ждать светлого будущего. Вот и снова ждут.

Впрочем, моей бабушке Еве казалось, что это светлое будущее наступило еще в шестидесятых годах, когда колхозникам и ей в том числе впервые назначили пенсию. Правда, минимальную – двенадцать рублей в месяц. Немного позже ее подняли до двадцати рублей. Тем не менее, получать наравне со всеми пенсию, было для спецпереселенцев – колхозников невероятным новшеством.

Бабушка, уже совсем старенькая и сгорбленная, с подслеповатыми глазами и часто мигающая от прожитых нервных потрясений веками, радовалась, как дитя:

- Это ж подумать только! Раньше было целый день с утра

до вечера под палящим солнцем машешь тяткой на колхозном огороде на прополке свеклы или окучивании картошки, а как приходит пора получать на трудовни, так получать нечего. Все высчитают! А тут ничего не делаешь, а тебе деньги приносят...

Отец на эту пенсию смотрит более пессимистически:

- Э – э, если б не хозяйство, которое теперь можно держать и не огород, благодаря которым из еды почти ничего не надо покупать, то на этой пенсии больше недели не просуществуешь. Если конечно кроме хлеба, сахара да чая больше ничего в магазинах не покупать, никого не приглашать в гости и самому никуда не ездить.

Да, к тому времени держать домашний скот разрешили в достаточном количестве. Но опять же вставал вопрос, где брать корм, чтобы этих животных прокормить? Практически все плодородные поля, а в некоторых местах, где с официального разрешения, а где неофициально даже неудобья, то есть самые казалось бы непригодные для земледелия земли были вспаханы и засеяны зерновыми культурами.

Поэтому людям для своего скота вдоволь можно было привезти с полей только пшеничной соломы. Все остальное на каждый заработанный в колхозе рубль выдавалось строго ограниченными нормами. На долгую зиму этих пайков коровам, естественно, не хватало. Приходилось ходить в правление колхоза и выпрашивать еще добавки сена, сенажа, силоса.

Но далеко не все желали быть просителями. Посчитает ли еще председатель колхоза тебя достойным того, чтобы выписать центнер – два силоса или решит, что в минувшем году ты себя в работе ничем особенным не проявил. Поэтому – то выбиваться снова в “кулаки” люди особенно не рвались и хозяйство держали минимально необходимое.

В чкаловском районе впервые польскому языку разрешили обучать в сравнительно небольшом селе Константиновке. Подавляющее большинство населения в нем составляли поляки. Сами же районные власти, понуждаемые новой политикой в от-

полнении национальных меньшинств, на должность учительницы польского языка уговорили пойти саму директоршу школы.

Жила она только со своей матерью – пенсионеркой и дочкой школьницей и между собой до последнего времени дома общались по – польски. Кроме того, еще с Украины мать директорши умела немного читать и писать на языке своих предков; она начала помогать в этом также своей учительнице – дочке.

Через некоторое время я узнал, в Константиновке в группу польского языка записалось аж тридцать девять школьников. Ни их всех был только один польский учебник - “Элементаж” самой директорши. Уже далеко не новый и неизвестно как к ней попавший.

У меня к тому времени накопилось дома пару десятков разных учебников, которые мне присылали из Польши мои новые знакомые – семья Зарембов. Были среди них и несколько элементарных. Взял их и поехал в Константиновку. По пути в автобусе произошла интересная встреча. Произошла потому, что при малейшей возможности искал подобных встреч.

Рядом со мной села женщина немного моложе меня, невысокая, русоволосая, с приветливой улыбкой на лице. Была она с сынишкой – младшеклассником. Разговорились. Оказалась учительницей, тоже полькой, преподавала русский язык в городе в той же школе, где учились и мои дочери. Сейчас едет в гости к своей родную Калиновку.

В возможность возрождения польскости в нашем краю Елена Звольска поверила сразу и твердо. Очень скоро мы организовали в ее школе кружок польского языка, а в дальнейшем она стала одной из активнейших полек в нашем обществе.

Все три Дзвеньковски оказались дома. И хоть до этого мы не были знакомы, встретили они меня очень сердечно. Поставили на стол чай, хлеб, масло и за чаепитием мы с полным пониманием и откровенно поговорили о тяжелой, жестокой доле ссылпереселенцев, о том, что может теперь наступят в нашей судьбе какие – то лучшие времена.

Старшие женщины расчувствовались до слез при виде кни-

жек, которые я привез.

-Теперь хоть на несколько учеников будет один учебник!
- твердили в один голос.

Младшая, светловолосая и голубоглазая семиклассница Иринка не говорила ничего. Просто стояла и радовалась вместе со всеми нами. Прощались мы уже, как добрые старые знакомые.

От Калиновки до моего родного села относительно недалеко - километров тридцать пять. Где на попутных машинах, где пешком часа через три я добрался домой. После этой поездки я еще раз уверился в одном. А именно, что среди поляков не смотря ни на что еще живет польский дух и в том, что личные контакты никогда не заменишь письмами и телефонными разговорами.

Я поддерживал людей, а люди, особенно старшего поколения, поддерживали своей верой, своей польскостью меня. Особенно в те трудные минуты, когда из – за все более усиливавшихся в стране экономических проблем или чинимых разными бюрократами и противниками нашего общества препятствий временами все хотелось бросить и заняться только своими личными проблемами и литературными делами.

Но как эти старушки своими воспоминаниями напоминали мне мою бабушку Еву! Вот, например, какой получилась беседа в селе Донецкое с одной из самых старших полек на тот день вероятно во всем Казахстане.

Когда идешь на встречу с человеком, которому перевалило за сто лет, невольно чувствуешь какое – то неясное волнение и даже робость. Ведь этот человек родился не только в той до-революционной эпохе, о которой практически все остальные знали только из учебников истории, но и хорошо ее помнит. И к встрече с такими людьми готовишься, как с встрече с представителями иного мира.

Но реальность оказывается более простой и естественной. Разговор наш течет неспешно, буднично и по – домашнему. У тех, кто чувствует себя поляком, а вынужден жить здесь,

и Казахстана, были и есть свои, одинаковые для нас всех проблемы и заботы, постоянна одна и та же мысль: кто мы и почему появились в этой степи?

Анну Голавску в свою очередь предупредили, что к ней идет корреспондент областной газеты, он же председатель польского общества в Кокчетаве. Теперь она сокрушается, чувствует себя неловко потому, что в последнее время немножко приболела и поэтому вынуждена встречать гостя сидя в постели.

Малой мощности электрическая лампочка, прицепленная к деревянному брусу под потолком не очень четко освещает тот уголок комнатки, где на старинной, наверняка привезенной еще с Украины кровати сидит, обложенная подушками с цветными наполочками героиня моего будущего очерка.

Старомодный чепчик на ее голове отбрасывает тень на лицо, слегка сглаживает морщины и поэтому старушка выглядит моложе, чем я ожидал. Хотя что там значит в такие годы раница в пять или даже пятнадцать лет?

Живет пани Анна в старенькой, приземистой хате, построенной уже в пятидесятых годах, но еще по образцу землянок тридцатых годов. И проходя по комнаткам, мне все время приходится наклонять голову, чтобы не задеть о косяк двери или о брус, поддерживающий потолок.

Несмотря на преклонные годы, духом и памятью старушка крепка по – прежнему. Суждения свои она выражает хоть и слабым голосом, но осмысленно и с твердым убеждением:

- Не так уж плохо жилось до революции, как сейчас горюют. Хозяйство свое было у каждого, кто умел и не ленился работать. В домах достаток тоже всегда был. Во всяком случае, голодать не голодали и уж тем более никто с голоду не умирал, как в тридцатые годы при советской власти.

Здесь старушка не выдерживает, лицо ее покрывается скорбными морщинками, а на выцветшие глаза набегают слезы. Пани Анна достает из кармана халата в который одета самодельный, сшитый с простенького ситца носовой платок, выти-

рает уголки глаз, нос.

- Вот всегда она так – извиняюще улыбаясь, говорит старшая из оставшихся в живых дочерей семидесятипятилетняя Станислава. - Как только вспоминает переселение в Казахстан, так начинает плакать.

Рядом стоит младшая, шестидесятидвухлетняя Антонина, утешает мать:

- Не волнуйтесь, мама! Ведь это все уже давно минуло.

Все три женщины похожи друг на друга больше, как сестры, тяжелая жизнь на лицах которых отложила свой безжалостный отпечаток.

- Ага, “не волнуйтесь!” - возражает им мать. - А вы забыли, как нас тогда вывозили, а вы кричали с возов: “Мамо, мамо, куда же вы нас везете?! Уже крыши дома нашего не видно! Уже и тополей нету!” Забыли? А у меня ваш крик до сих пор в ушах звенит...

Дочки пристыженно замолкают. В комнате слышно только тиканье настенных ходиков да тихие всхлипывания матери. Всего пани Анна родила четырнадцать детей. Половина из них умерла. И почти все – в Казахстане.

Местные власти там, на Украине, тогда раздобрились. На сборы для отъезда в неведомое им дали целых четыре дня:

- Готовьтесь! Поедете жить на лучшие земли Казахстана. Здесь у вас трудная, тяжелая жизнь – вон какой голод был пару лет назад! А там вас ждет много хорошей земли. Персики растут, виноград... Отсюда вы можете взять что – либо из скота. О избушках своих не жалейте, там в хоромах жить будете!

Выезжать они должны были в одном из первых эшелонов, как раз накануне троицы – Зеленых Свят.

- Дайте нам хотя бы еще пару дней пожить здесь, праздник дома встретить, с родными попрощаться! - просили люди.

- Не можем! Именно на этот день заказан ваш поезд - отвечали им.

Специально так было сделано или по бестолковости, но “заказанный” поезд им пришлось ждать на сборном пункте

и Повограде – Волынском двое суток. А чтобы никто из высылаемых никуда не сбежал, у всех забрали паспорта. Обещали отпустить в Казахстане. И отпустили. Через двадцать лет. После смерти Сталина.

В Казахстан они, как и все прочие, ехали в товарных вагонах. В одних вагонах люди, в других скот, в третьих сельскохозяйственный инвентарь: небольшие разобранные возы, плуги, лопаты, грибли...

В начале пути особого контроля за ними и строгости не было. На станциях, пока одни поили и кормили скот, другие успевали сбежать и принести кипяток также для себя. Но где-то, уже на Урале, с ними разговорились местные жители, побывавшие в Казахстане и знавшие этот край не по наслышке.

- Люди! Зачем вы туда добровольно едете? Не едьте! Ничего там хорошего нет! – удивлялись они.

- Как “добровольно”?! - поражались в свою очередь обитатели товарных вагонов. - Нас выселяют!

- А здесь нам сказали, добровольцы едут в Казахстан! - снова удивились местные. После чего понарассказывали таких красочных подробностей о том, какая их там ожидает жизнь, что пассажиры товарняка просто взбунтовались:

- Не поедем дальше! Возвращайте нас обратно.

Взбешенный начальник эшелона вместе со своими помощниками где угрозами, где уговорами все – таки смог загнать бунтовщиков обратно в вагоны. Но в отместку за бунт до самой конечной станции спецпереселенцев из вагонов больше не выпускали.

Высадили их, как и очень многих пассажиров других товарняков того года на станции Тайнша, которую правильнее было бы назвать Тупиком или Конечной.

Здесь две автомашины – полуторки по очереди отвозили женщин и детей за тридцать пять километров в степь и там высаживали возле приготовленных для них трех огромных брезентовых палаток. Потом возвращались за следующей партией. Мужчины в это же время разгружали вагоны с живностью,

с имуществом.

- Здесь вот и будете жить! - объявили в конце дня женщинам сопровождавшие грузовички милиционеры и усевшись в кабины, уехали.

Оставшиеся возле палаток в свою очередь упали на колени и горько заплакали, проклиная свою несчастную судьбу и безвинную землю, на которую их сослали. Так прошли первый вечер и первая ночь на новом месте. На следующий день оставшиеся на станции мужчины пригнали скот и привезли на возах сельхозинвентарь и то, что каждый смог прихватить с собой из еды и одежды.

Анна со своим мужем Юзефом так и не вступили на Украине в колхоз. За это землю у них отрезали едва ли не до самого крыльца. Остался им только садик с несколькими фруктовыми деревьями да небольшими грядками между ними.

Ее муж, который был хорошим плотником, предпочитал работать по найму. Она тоже подрабатывала, где только могла, в том числе и в колхозе, но вступать туда не вступали.

В нашем неспешном разговоре мне удалось узнать еще один интересный момент их семейной биографии. Оказывается, ее муж Юзеф родился и вырос по соседству с хутором, в котором появился на свет будущий гетман Петлюра.

Но характеры и судьбы у них оказались полностью противоположные. Когда гетман в одном из боев с Красной Армией закончил свой жизненный путь, то чекисты гроб для него заставили делать как раз Юзефа. После чего он долго опасался, как бы оставшиеся в живых петлюровцы с горя не убили за это, посчитав за соучастника, также и его. Но все обошлось.

В Казахстане в колхоз им пришлось вступить все же сразу, иначе было просто не выжить. Никакие буки, грабы и дубы здесь не росли и плотники работой завалены не были.

Пока лепили свои землянки, жили в тех палатках, возле которых их высадили. Скученность была страшная. Ведь вскоре после них, сюда привезли еще один эшелон ссыльных. Мало того, среди вновь привезенных кто – то оказался болен дизенте-

писи, а врачей среди спецпереселенцев не оказалось. Не было и отдельной палатки, куда могли бы поместить первых больных.

Вспоминая об этом пани Анна снова начинает плакать с таким выражением горя и печали на и без того болезненном лице, словно все это случилось только вчера:

-Чаще всего умирали тогда маленькие дети, в некоторые дни по несколько сразу. Не успевали хоронить. В той палатке, где появились первые больные, умерли почти все. Осенью и зимой мучения продолжались. Осенью сквозь дырявую крышу в кос – как слепленную землянку лилась вода, зимой по всем углам висел иней.

- А сколько люди вытерпели в войну? - снова с дрожью в голосе продолжает рассказывать старейшая мученица и безнадежно машет головой. - Не дай Бог никому этого испытать! Работали от зари до зари и зимой, и летом, а придет пора получать на трудодни – получать нечего. Есть тоже нечего. А украдешь горсть – две зерна, поймут, посадят. Одеться не по что, не говоря уже о постелях! Часто бывало, в чем человек ходит целый день, в том и ложится на кое – как прикрываю лохмотьями солому спать. Зимой в ведрах замерзала вода...

Я молча слушаю и киваю головой. Об этом я слышал уже много раз. Подобное было во всех поселках спецпереселенцев, или точнее говоря, безвинно сосланных.

Один из старших сыновей Анны в войну был на фронте, второй – в трудармии. А ей, чтобы те дети, которые еще оставались в живых, не умерли с голода, приходилось в колхозе красть. То в карманах принесет зерна домой, то за пазухой.

Муж Анны, человек тихий и спокойный, от такого способа добывания хлеба насущного отказывался категорически:

- Забыла, как соседу Стаху за три килограмма украденной моркови три года дали? Не пойду...

Ее муж умер в 1975. А ей в 1988 году целым колхозом справляли столетие. Были все оставшиеся в живых старейши-

ны колхоза, были даже представители районных властей.

Выступая с поздравлением, председатель колхоза Казимир Козловски сказал:

-Именно благодаря таким рукам, как руки Анны Голоавской, наше село стало одним из красивейших в районе, а колхоз – одним из богатейших.

Да, это так. Но сколько же ради этого было отдано крови и слез! А сколько жизней...

Не так давно соседи Анны еще по Украине побывали на житомирщизне в ее родном селе Суслы. Дома, где она жила, уже нет. Но в заброшенном саду все так же растут многочисленные маленькие белые цветочки. Пани Анна не знает их русского названия: “Здесь я таких не видала, а там называли “стокрутки”.

Вскоре после нашей беседы пани Голоавска умерла. Видно все, что хотела сказать, сказала...

Несомненно подавляющее большинство студентов в литинститут поступило благодаря своим литературным способностям. Но конечно время от времени в его стенах появлялись студенты, чаще студентки с другими талантами.

Вот и в очередной раз сидим с армянином Артуром Гевосяном в скверике. Пытаемся разобраться в зарубежной литературе восемнадцатого века. Профессор, который будет принимать экзамен, строг, знаем это.

Вокруг нас золотая осень. Теплые лучи солнца, желтые, едва слышно шелестящие под ногами листья, слабый, ласкающий лица ветерок никак не дают сосредоточиться. А тут еще проходит мимо одна из будущих кинозвезд (судя по ногам). Она только – только поступила в институт. После того, как на недавнем конкурсе “Мисс Москвы” заняла одно из первых мест, оказалось вдруг, что еще и стихи умеет писать.

Первое, что бросалось окружающим в глаза, это ее длинные – предлинные ноги торчащие из – под короткой юбчонки. Проходя мимо нас, рекламно встряхнула завитыми и распущенными по плечам светло – рыжими волосами, улыбнулась нам

понимающе и очень даже многообещающе.

Сраженный этой улыбкой, эмоциональный, сам невысокого роста южный и горячий человек Артур поглядел вслед юбке с длинным разрезом сзади очень внимательным и затяжным взглядом. После чего с искренним непониманием нервным шепотом спросил меня:

- Слушай, дорогой, объясни мне, зачем ей было нужно с такими ногами поступать в этот институт, забивать себе голову всякой там западноевропейской литературой или нашей советской политэкономией?! Ведь она могла бы сейчас на побережье Кавказа такие деньги заколачивать – никакая экономика не погерила бы!

Он отложил подобный до кирпича учебник в сторону и закурил, уставившись в одну точку и с каждой новой затяжкой чуть ли не на четверть сокращая длину сигареты.

Не в силах осознать такого простого непонимания русской красавицей реальностей современной жизни, он так и просидел до самого начала экзамена, бессмысленно уставившись на торчащие из земли крепкие, узловатые корни старого тополя.

Я оказался характером потверже и через каких – либо полчаса снова взялся за учебник. Жизнь продолжалась!

Сидим за столом вместе с Юзиком Жоломским, моим самым первым другом детства. Лет двадцать не виделись, если не больше. Хотя и живем в одной области. Такие – то вот странности. Да и в этот раз, собственно, случайно встретились, приехал он по какому - то делу в город.

Юзик тоже женат и старший сын у него уже почти такой, какими были мы, когда виделись последний раз. Так что вторая половина из прожитой нами жизни словно и не наша, нет ничего общего! И нам приходится вспоминать в основном школьные годы. Только там можно отыскать что – то знакомое, до боли родное и близкое.

- Пишешь? - спрашивает он.

- Да, ты же знаешь, я и в школе любил иногда что – то там

пописывать... А ты как, рисуешь еще?

Юзек невысокого роста, шупловатый и слегка конопатый. Со своей добродушно – виноватой улыбкой и коротким тихим смешком он здорово похож на своего покойного отца Стасика в последние годы его жизни.

- С чего бы это я рисовал? - удивляется он.

- Да вот вспомнил, как ты однажды мне свинью нарисовал. Во всем нашем колхозе, наверное, такой породистой и упитанной не нашлось бы. Я за нее тогда по рисованию пятерку отхватил, впервые в жизни!

- Что – то не припоминаю – отвечает он, закусывая кусочком соленого сала выпитые сто грамм и одновременно тихонько посмеиваясь, словно извиняясь, что не помнит этого эпизода. И так он в те минуты еще больше напомнил мне своего отца, что даже сердце защемило.

А я тот момент хорошо помнил. По рисованию дела у меня вообще всегда шли слабо. Еще какой –нибудь пустынный пейзаж с одиноким кривым саксаулом на тройку смог бы нарисовать. Но вот живое существо не получалось никак. А здесь было дано конкретное домашнее задание: нарисовать свинью.

В первом варианте свинья у меня больше напоминала тощего весеннего волка. Во втором – невероятно откормленного ежа. С третьим вариантом я решил все же показаться учителю. Тот долго и с явным недоумением разглядывал мое творение, потом вполне серьезно заявил:

- Во – первых, я просил нарисовать свинью, а не корову. А во – вторых, почему она у тебя без рогов? К следующему уроку переделай!

Естественно никакие мои новые попытки ни к чему хорошему не привели. И когда я уже смирился с тем, что утром получу двойку, пришел Юзик. Посмотрел на мои творческие муки, усмехнулся несколько свысока, сказал покровительственно:

- Давай уж помогу!

И в течение пяти минут нарисовал такого откормленного, лопухого с заплывшими жиром глазами хряка, что любой аме-

риканский фермер позавидовал бы. Теперь, через много лет, мне кажется, что он вложил тогда в рисунок свою постоянную детскую мечту: каждодневно иметь в борще или супе хороший, жирный кусок мяса с такого вот упитанного кабана. И, по крайней мере, отразить на рисунке это ему несомненно удалось.

Учитель рисования, его дальний родственник, в общем такой же колхозник, как и все остальные, также долго и с удовольствием разглядывал породистого красавца. Затем недрогнувшей рукой вывел под рисунком "5". И пятерка была такой же крупной и толстой, как сам кабан. Это была моя первая и последняя высшая оценка по рисованию. В дальнейшем я снова рисовал одни черно – белые пейзажи.

Нет, этот эпизод Юзик не помнил. Зато он напомнил мне пару других веселых историй. Сидели, вспоминали и смеялись.

- Ну, когда теперь следующий раз увидимся, Юзик? - спросил я, когда мы уже прощались.

- Не знаю – ответил тот, опуская глаза. - Слышал я, ты в Польшу собираешься?

- А ты?

- Боюсь, я не такой отважный – снова извиняюще улыбнулся мой добрый друг детства.

- Давай на всякий случай обнимемся, Юзик?

- Давай.

Но вот наконец – то подошла последняя сессия, выпускные экзамены. Пришла пора покидать стены института. Всем нам уже было абсолютно ясно, что пробиться в литературу если кому и удастся, будет большое чудо. О писательском заработке и думать не приходилось. Розовые и голубые надежды на быструю и толковую перестройку затерялись среди многочисленных плетней, составленных из речей, как ее сторонников, так и ее противников.

Будущее всего Советского Союза было еще более неясным и неопределенным, чем будущее выпускников литинститута.

Новые партии в стране возникали и делились еще быстрее, чем какие – либо простейшие инфузории: демократы, либералы, либерало – демократы... Их сторонники и организаторы появились не только в Кремле или там в Белом доме, но даже и среди нас, писателей.

Сидели мы как – то вечером с Сергеем Макаровым и ели вареную в мундирах картошку с солью и хлебом. На лучшую закуску денег уже не было, да и дешевой закуски было уже практически не найти. Неожиданно без стука широко распахивается дверь и в комнату вваливается какой – то пьяненький, молодой и розовый толстячок с первого или второго курса дневного отделения. В руках пятилитровая полупрозрачная пластмассовая канистра, на дне которой еще бултыхается немного пива.

Увидев нашу скудный ужин, незванный гость патетически воскликнул:

- Ребята, ну разве это жизнь?! Я – монархист! Только они могут спасти Россию! Выпьем за монархию?

- Не – е, мы спиртного не употребляем – сказал Макаров, наливая в стаканы чай. - Мы вот чайком балуемся...

- К тому же я анархо – синдикалист – объявил я пареньку, хотя сам смутно представлял себе смысл этого словосочетания.

- А Сергей - зеленый. Сергей в основном писал стихи о природе, поэтому я его и причислил к зеленым. Хотя ни в какую партию он категорически вступить не желал.

- А – а! - только и произнес паренек, туповато пытаясь разобраться в сказанном. Не разобрался и со вздохом ушел.

- Ну их всех со всеми их партиями справа на лево – на хер! - с чувством сказал Сергей. - Развалили всю страну, гады! - и кивнул на тумбочку. - Там осталось еще немного в бутылке, разливай до конца! Одно только и остается, что напиток.

Увы, развал страны лишь начинался. И не одни только простые студенты не понимали, что вокруг происходит.

- В первый раз не знаю, с какого слова обратиться к выпускникам Литературного института – сказал ректор при вручении нам дипломов. - “Товарищи” - вроде уже не модно. “Господа”

как – т о еще не привычно. Начну с нейтрального - “коллеги”! Также пожалуй в первый раз не знаю, что еще кроме стандартного счастья и здоровья вам пожелать.

Раньше я всегда добавлял – успехов в литературном творчестве, поскорее издать все написанное до этого времени. А сейчас?... - ректор, среднего роста, полноватый, в сером, модном, хотя уже явно не новом костюме, с нескрываемым недоумением, словно разговаривал сам с собой, пожал плечами, потом продолжил. - Ведь сейчас пожалуй все то, что вы писали до этих пор, в том числе о дружбе, единстве, о любви к своему, переее, нашему великому Союзу уже и не нужно никому... А что нужно? Кто его знает... В общем, ребята, одно могу только пожелать – оставайтесь прежде всего людьми!

Он замолчал. И все мы некоторое время тоже молча и грустно сидели в тихой аудитории, в той самой, куда несколько лет назад пришли полные надежд и оптимизма, и где от бывшего парторга выслушали безоговорочные слова о том, что “все вы теперь в первую очередь являетесь идеологическими работниками”.

Да, в институт мы пришли полные надежд и ожиданий. Практически все были люди семейные, серьезные. Понимали, что такое хорошо и что такое плохо. Знали, что все люди должны жить, как братья. А вот теперь видели, как в некоторых бывших братских республиках эти самые братья лупили друг друга, как злейшего врага своего. Демократия, говорят, называется...

С той самой поры, как я начал заниматься вопросами поляков Казахстана, меня не покидала мысль попытаться все – таки отыскать в Польше свою родиню. Однако сначала еще раз решил здесь, в Казахстане, узнать что – нибудь побольше о судьбе моего дедушки Юзефа. В письме, которое мне пришло из прокуратуры Кокшетау было написано совсем другое, чем в том ответе, который дали моим тетям в конце пятидесятых годов.

“Прокуратурой области рассмотрено Ваше заявление.

Изучением уголовного дела установлено, что Ваш дед Ды-

ячински И. И. 16 марта 1938 года был арестован по подозрению в шпионаже в пользу Польской военной разведки и за проведение антисоветской агитации против мероприятий партии и правительства.

Постановлением особого совещания НКВД СССР 29 августа 1938 года Ваш дед Дыячински Иосиф Иосифович приговорен к ВМН – расстрелу. Где Постановление приведено в исполнение в деле нет данных.

16 января 1989 года все репрессированные Указом Президиума Верховного Совета СССР реабилитированы, в том числе Ваш дед – реабилитирован”.

Я знал, что когда тетя Вика в конце шестидесятых или начале семидесятых годов со своим мужем Юзефом была в ПНР в гостях у его брата Станислава, она пыталась хотя бы что – либо разузнать о судьбе родственников своего отца. Тогда ей ответили, что с такой фамилией в Лодзи людей нет. Как я теперь понимаю, детально заняться ее просьбой тогда в Польше никто не захотел, а может и запрещено было.

Конечно, прошло несколько десятков лет - думалось мне, - прогремела война, люди переселялись и умирали. Но ведь у моего деда Юзефа было несколько братьев и сестер. Они тоже имели свои семьи. Не может быть, чтобы никого не осталось!

И сам занялся этим вопросом.

В телефонном справочнике города Лодзи, который я отыскал еще будучи первый раз на месячных курсах учителей польского языка в Люблине, с абсолютно подобной фамилией людей действительно не оказалось.

С помощью уже упоминавшейся добросердечной и набожной семьи Зарембов я узнал адрес польского “Красного креста”. Оттуда тоже пришел отрицательный ответ.

Но уже из Государственного архива Польши в Варшаве получил длинное обстоятельное письмо с перечислением имен и дат рождения всех сыновей и дочерей – общим количеством десять – моих предполагаемых прадеда и прабабки. Сами они были умерли еще задолго до войны и похоронены

в Лодзи.

Вдобавок получил из архива дельный совет: для того, чтобы узнать конкретно чье – то нынешнее местожительство, надо обратиться в Центральное адресное бюро. Написал и туда.

И вот наконец у меня в руках три определенных адреса: Ян Роман Дыячински проживает....., Юзеф Дыячински....., Теле-сфор.....

Написал на ломаном польском всем троим короткие и одинаковые письма: я, такой – то и такой – то ищу родню моего деда Юзефа, о котором знаю очень немного. Если кто – либо из нас его родственник, а значит и мой – отзовитесь.

Я верил – отзовутся! Так и случилось. Уже через пару месяцев получил от всех троих короткие и ясные ответы: “Дорогой Анатоль! Так есть! Мы твои родственники. Племянники твоего деда и двоюродные братья твоего отца. Приглашаем чем поскорее в гости!”

Все мои родственники в Казахстане, которые знали о моих попытках найти хоть кого – то из нашей родни в Польше, но мало верили в такую возможность, теперь были приятно потрясены:

- Неужели в жизни такое возможно?! Это скорее похоже на рождественскую сказку!

Отныне все ждали результатов моей поездки в Лодзь. А я в те дни очень часто вспоминал мою добрую, бескорыстную бабушку Еву. Как бы она тоже удивилась и порадовалась этому событию.

Но не дожидаясь, умерла весной 1984 года. Как раз на второй или третий день Пасхи. Говорят, кто умирает в праздник, тому потом легче будет попасть в рай. Она этой доли несомненно заслужила.

На похоронах еще раз подтвердились ее давние слова о том, что детей она вырастила неплохих. Все они вот так же дружно, как жили и может быть в последний раз в жизни, собрались вместе на похоронах. Приехали за четыреста, за пятьсот километров.

Жила бабушка в то время у дочек под Карагандой. И там

же, проболев всего несколько дней, тихонько угасла. Старалась никому особенно не досаждать в жизни, так же тихо и умерла, словно и в этом случае постаралась сделать все возможное, чтоб из – за ее болезни и смерти у окружающих было как можно меньше хлопот.

Я смотрел в последний раз на ее маленькую и сухонькую фигурку, лежавшую на таком белом и чистом материале, какой она в моем возрасте наверное и не мечтала подержать в руках, не то, чтобы быть на нем похороненной.

Из толпы верующих, окружавших гроб, слышались тягучие и печальные слова молитв, которые всегда поют на похоронах. Еще безлистые и серые степные караганники и тополя, кое – где росшие на кладбище, да сухие прошлогодние бурьяны, застрявшие среди крестов и оград кладбища, только усиливали тоску. А первая зеленая травка, которая местами начинала пробиваться сквозь эту пустынность и заброшенность, никак не могла успокоить бьющееся в печали сердце.

И я вдруг вспомнил, как бабушка любила петь религиозные песни и коленды, и как учила петь их нас, маленьких.

Особенно памяты были поздние зимние вечера, когда все мы собирались возле открытой дверки печурки и периодически подбрасывали в печку свернутую в жгутики солому или стебли бурьяна и подсолнечника, чтобы побольше накопить в хате тепла – ночь длинная и морозная. А еще, чтобы хоть на мгновения в кухне сделалось светлее. Одна керосиновая лампа давала света немного. Кроме того возле нее почти всегда сидела и что – то там шила или латала моя мать.

Больше всего бабушка любила нам петь “Люляй же, Езуню”, то есть “Баюшки – бай, Езусю”. Притом с такой хватающей за душу ясностью и четкостью выводила слова и мелодию любимой коленды, что я как живого видел маленького, лежавшего в простой колыбельке Иисуса, над которым склонилась его мать Мария. И убаюкивая своего новорожденного сыночка, поет ему грустную и ласковую песню:

Люляй же, Езуню, люляй же, люляй.

А ты го, матулю, в плачу утуляй.

(Баюшки, Езус, баюшки – бай.

А ты его, мама, в слезах обнимай).

Потом я пошел в школу и уже не так обращал внимания на все эти песенки - “сказки”. И только теперь, на похоронах, кажется я наконец понял, почему бабушке каждый раз удавалось петь эту коленду с такой постоянной теплотой и любовью в голосе.

Просто, когда она пела о грустной судьбе маленького Иисуса, она думала в тот момент и о нас, своих детях и внуках, а может и еще о тысячах других младенцев, родившихся и умерших здесь же, в заснеженных степях Казахстана от холода, болезней и постоянного недоедания.

И вот, прибыв во второй раз в Республику Польша, по – быстрому в два – три дня обсудив во Вспульноте Польской некоторые вопросы дальнейшей деятельности, собрался на вокзал ехать в Лодзь на встречу с родственниками.

- А ждут ли они вас там? - с нескрываемым недоумением и даже недоверием спрашивали меня во Вспульноте - У нас сейчас трудные времена – все дорого. Иной раз и брату родному не рад.

Как я понял довольно скоро, этот ответ в значительной степени отражал позицию всей организации. По крайней мере, в отношении казахстанских поляков. Зачастую еще только открываешь рот, чтобы попросить о помощи, а в ответ от тех органов, которые казалось должны были помогать опекаться поленией на востоке, слышишь причитания:

- Мы были бы рады помочь, но у нас самих ничего нет. Польша – это не Германия!

Дошло до того, что пришел однажды в какой – то комитет, “Дзень добры” - говорю им и руку протягиваю, чтобы поздороваться. А мне в ответ, не разбравшись “Польша – бедная!” - отвечают, и руки спрятали за спину.

Может быть действительно бедных родственников нигде

не любят? Но я почему – то своей неведомой родне верил.

- Ждут! - заявлял я твердо сомневающимся. - Когда приглашают ради приличия, пишут совсем другие письма. Или вообще ничего не пишут.

И все – таки те встречи, которые мне оказывали в Лодзи, превзошли все ожидания. Мои двоюродные дяди и тети обнимали и целовали меня так, словно бы это вернулся не внук Юзефа, а сам Юзеф, их дядя.

- Никогда не думали, что кто – то от него остался и нам еще доведется встретиться. Никогда! - твердили старички и старушки, смахивая слезы. - Ведь еще в тридцать шестом году перестали приходиться от Юзефа письма. И все же наши родители еще несколько раз писали на Украину, но не от кого никакого ответа. А как все ждали его в конце войны и после нее! Какая бы воинская часть не проходила мимо, хоть Войска Польского, хоть Красной Армии, выбегали навстречу, с надеждой в глазах допытывались: “Юзефа Дыячинского случайно никто не видел? Нигде не встречали такого?” Ведь тогда были живы еще почти все его братья и сестры.

- Дорогие мои! Разве можно встретить человека, которого убили и закопали неизвестно где еще до начала войны? - отвечаю теперь им я вопросом на вопрос.

- О, Езус, Мария, святой Юзеф! Чтоб эти палачи все в аду сгорели вместе со своим Сталином! Чтоб им...

Я рад и за их гостеприимство и еще больше за то, что так близко приняли к сердцу судьбу собственно никогда не виденного ими дяди.

В одно из воскресений, когда за столом собралось сразу десятка два разного возраста моих родственников, они признались:

- Хорошо, что ты приехал, Анатоль! Хоть нашелся повод собраться нам всем вместе. Мы уже давно вот так не собирались. У всех всегда какие – то дела! А ведь когда – то жили мы все вместе на одной улице. Вырастали по соседству.

Наш дед, а твой уже прадед, тоже Юзеф, был человеком

не бедным. Всем смог оставить что – то в наследство, никто не остался без крыши над головой. Был бы твой дед в то время жив и он получил бы свою долю... Потом те дома, в которых мы жили, снесли. Дали нам квартиры в разных местах города. И с той поры не то, что месяцами, годами не видимся друг с другом. Сейчас словно в молодость свою вернулись...

Мне тоже было тепло и приятно, что та маленькая и слабая ниточка надежды, которая оставалась у меня в сердце после многочисленных бесед с бабушкой, помогла мне найти такую большую и гостеприимную родню.

Я уже давно понял, для того, чтобы иметь возможность что-то реально сделать для польского общества, надо быть освобожденным от другой работы или самому председателю или его заместителю. Заместителя, как такового, в городском польском обществе не было. Да и кто согласился бы оставить свою работу с гарантированной зарплатой в обмен на неизвестно что?

Поэтому фактически я сам напросился быть освобожденным председателем. Предполагалось, что буду из средств общества получать среднюю зарплату, которая с учетом инфляции должна была бы систематически и соответственно повышаться.

Напросился, можно сказать, на свою голову. Потому, что уже тогда более – менее стабильные цены удерживались с большим трудом. А вскоре руководители бывшей страны Советов, не посоветовавшись даже между собой, ничего не объяснив людям, вообще отпустили их. И о том, как тяжело стало добывать средства на существование польского общества, а за одним и меня самого в различных организациях и у спонсоров, не хочется ни говорить, ни вспоминать.

Никогда я не любил математику, не особенно интересовался экономикой, но теперь приходилось заниматься этими вопросами постоянно. И если исходить из того, что все – таки удалось сберечь наше общество от банкротства и самому не умереть с голоду, мне это как – то удалось. Между прочим, очень помогла мне в этом Леокадия Сажинска, известная на весь облторг

бухгалтерша. Ну а в Кокчетаве во время моего отсутствия заменяла меня энергичная Антонина Касоневич, секретарь общества.

Во время моего пребывания в Лодзи, новые родственники почти каждый день спрашивали меня:

-Собирается ли приехать сюда твой отец, а наш двоюродный брат Миколай? Так хотелось бы увидеть его, поговорить с ним. Ты, Анатоль, привези его к нам.

Сами они даже на короткий срок ехать добровольно в Казахстан отказывались категорически:

- Хватит того, что в этой земле остался лежать твой дед, а наш дядя...

Но легко сказать привези! Отец вообще не был большим любителем поездок. Радикулит да еще врожденная хромота, которые с каждым годом все сильнее давали о себе знать, отбили у него всякую охоту к путешествиям. В последние годы перед пенсией он больше времени проводил на больничном листе, чем на тракторе. А самый последний год вообще просидел дома, так как достаточно было день – два хорошо на тракторе потрястись, как потом недели две надо было отлеживаться в постели.

Да, легко им было сказать привези! Приглашение – то я отцу действительно привез, а потом почти год уговаривал его:

-Надо съездить! Должны же вы хоть раз встретиться со своей родней.

Поначалу отец и слушать не хотел.

- Да куда мне с моим здоровьем в такую даль ехать? Тут до Кокчетавы сто пятьдесят километров, и то с трудом на автобусе выдерживаю. А до Лодзи, сам говоришь, почти пять тысяч. Молодой был, так к твоей тетке Викторце в соседний район пешком ходил, выдерживал! Но с той поры стальные кони - трактора все с меня вытрясли. И не уговаривай даже. Не поеду!

Все – таки уговорил. Отец согласился при условии, что он будет в пути только вещи охранять. Толкаться на вокзалах в очередях за билетами буду я, в буфетах – тоже я. И вещи переносить

... и буду.

Так и получилось. Несколько пересадок с поезда на поезд, контрорка на таможне и вот мы уже в Польше, едем по маршруту Варшава – Лодзь. По маршруту, по которому ехал давным давно, но только в восточном направлении добрый и славный теперь, после знакомства и бесед со всей нашей родней, я еще больше уверен в этом – отец и дед наш Юзеф.

За окном вагона весна, середина апреля, канун Пасхи. На всем пути слева и справа постоянно мелькают недавно построенные и строящиеся добротные двух и трехэтажные дома сельчан польских единоличников. Дома или стоят небольшими группками, или вообще поодиночке, почти совсем скрывшись в буйной весенней зелени садов и парков. Весь этот ландшафт полностью отличается от безлесных, разбитых на ровные кварталы степных поселков.

Здесь повсюду уже идут полевые работы. В Казахстане они начнутся на две – три недели позже. Небольшие, чисто ухоженные поля поделены на прямоугольники. На многих из них уже густо зеленеют озимые. На бурых квадратах еще что – то сеют, сидят.

Отец долго – долго, подперев морщинистой, покрытой жилими рукой худое лицо молча смотрит в окно на копошащихся на своих участках людей, потом не выдерживает, говорит с непередаваемой тоской и обидой:

-Теперь – то я знаю, как выглядит Польша. А ведь и я мог бы вот так же маленьким трактором или, там, лошадкой собственный кусок земли обрабатывать. И тоже здесь что – то имел бы. Но не судьба, видно! Да и что уж теперь обо всем этом говорить, когда за плечами шестьдесят пять лет...

Я молчу. Я хорошо его понимаю. Тридцать три года отработал он в колхозе только на тяжеловесных тракторах, не считая тех лет, которые проработал быками и лошадьми на разных подсобных работах. Накопил на сберегательной книжке четыре с половиной тысячи рублей. Не собирался покупать ни машину, ни мотоцикл. Но был уверен, хватит этих денег и на похоро-

ны, и на то, чтобы потом родственники справили ему Седьмой день, Тридцатый, Годовщину. Чтобы мог ни от кого не зависеть. Но уже сейчас на эти деньги можно купить разве что новый костюм, в котором его похоронят. А инфляция только набирает скорость. Вот и получается, что всю жизнь промучился зря. Даже на похороны себе не заработал.

Да, в моих личных польских делах – поиски родственников, взаимоотношения с ними и с другими местными поляками, было намного больше добрых сдвигов, чем в отношениях Польши к полякам Казахстана. Здесь все оставалось фактически на одном голе энтузиазме и энергии руководителей и активистов обществ, которые боролись с проблемами буквально зажатые со всех сторон экономической блокадой и политической нестабильностью.

Поэтому жизнь в обществах оказалась на уровне слабодышащих культурно – просветительных очажков. Помощь Польши ограничивалась в основном редкими книжными дарами да направлением к нам немногочисленных добровольцев – учителей.

Учителям, впрочем, надо отдать должное. За чисто символическую, по польским меркам, казахстанскую зарплату, зачастую без всяких элементарных житейских условий, в непривычном климате большинство из них трудилось на совесть, стараясь привить у своих подопечных любовь к польскому языку, к самой Польше. За что им надлежит огромное спасибо!

Все другие обещания на наши просьбы о помощи или содействии в покупке какого – либо здания под офис, служебного автомобиля, о помощи в налаживании выпуска собственной газеты, организации передач на польском языке по местному радио и телевидению, а также наши просьбы о скорейшем открытии в Казахстане посольства или консульства, или же оставались вообще без определенного ответа или же оказывались невыполненными обещаниями.

А ситуация, как политическая, так и экономическая все

тоже и более ухудшались. Возникло беспокойство за будущее. Не столько нас самих, сколько наших детей. Поэтому главенствующую роль вскоре заняли вопросы о предоставлении полякам двойного гражданства и о возможности для желающих переезда на постоянное жительство на родину своих предков - в Польшу.

Почему нельзя получить двойное гражданство, нам хоть и туманно все – таки разъяснили:

-Если мы предоставим такую возможность вам, то того же от Польши могут потребовать и некоторые другие государства мира. А здесь уже начинается большая политика!

Что ж, мы тоже за то, чтобы Польшка была Польской, как поется в одной песне. О возможности репатриации в Польшу по-прежнему ничего вразумительного не говорилось.

Большие надежды руководители обществ, которые организовались к этому времени уже в четырех областях Казахстана, возлагали на первый съезд поляков всего мира, который состоялся в Кракове.

Действительно со стороны, особенно из – за границы государства, наверняка все выглядело очень торжественно и красочно. Был пан президент, была пани премьер, были руководители костела, воеводств, парламентаристы...

Прибыло более трехсот делегатов из сорока с лишним государств мира, где проживали польские национальные меньшинства. Обсуждались проблемы и положение поляков в различных странах и континентах; их политические, экономические и духовные потребности. Все эти вопросы рассматривались в десяти разных комиссиях. Я участвовал в двух из них.

В комиссии по печати, где я работал и где делегаты обменивались своими сведениями о том, где и какие средства массовой информации на польском языке имеются, мое выступление было самым коротким, но наверное самым впечатляющим:

-У нас нет передач на польском языке на радио и телевидении – сказал я, - нет ни польской газеты, ни журнала, ни тем более книжного издательства. У нас ничего нет!

В комиссии, касающейся помощи полякам на востоке, я то-

же высказал некоторые свои соображения. В частности, уже тогда у меня и моих коллег появились опасения, что на таком удалении от своих границ оказывать нам реальную помощь в складывающейся на востоке неопределенной и нестабильной ситуации Польша вряд ли сможет. Тем более, что живем мы не на острове и несомненно той помощью, которая будет предоставляться нам, будут пользоваться также другие национальности, весь Казахстан. А этого экономика Польши вообще уже не выдержит.

Надо признать, что о поляках Казахстана на съезде говорилось много. Кроме меня от поляков нашей республики в Кракове были руководители польских культурно – просветительных обществ из Караганды Ф. Богославски, а из Акмолы А. Дудар. Мои коллеги тоже старались быть повсюду, при каждом удобном случае рассказывая заинтересованным о наших делах и проблемах.

В частности, на каждой встрече хоть с корреспондентами, хоть с представителями властей настойчиво поднимали вопрос об открытии в Казахстане посольства или консульства, и о возможности переезда в Польшу.

Повсюду нас выслушивали с большим вниманием. Представители правительства, Вспульноты Польской, депутаты парламента наперебой обещали нам срочно заняться нашими проблемами и даже приехать в ближайшее время в Казахстан, посмотреть, как мы живем. Как оказалось в последствие, многие обещания были даны просто сгоряча, без учета реалий и возможностей самих авторов этих обещаний.

Тем не менее в конце своей работы съезд принял обращение к польскому правительству о том, чтобы полякам Казахстана была предоставлена возможность переезда на постоянное жительство в Польшу.

Уже в то время у меня на руках была готовая к печати первая часть данной книги под названием “С собою мы в степи забрали отчизну”. Надо сказать, что практически никто из делегатов других стран, ни даже всезнающие корреспонденты почти ничего не знали о том, что в Казахстане остались и существуют

и с тех пор еще какие – то поляки.

Большинство было уверено, что последние выехали обратно в Польшу еще в конце пятидесятых годов. Приходилось снова и снова объяснять, что это далеко не так. И когда у меня уже заболел язык отвечать на одни и те же вопросы по этому поводу со стороны делегатов и журналистов, я не выдерживал, тряс пачкой машинописных листов перед носом у спрашивавших и говорил:

- Посмотрите на эту рукопись! Здесь вы найдете подробный ответ на многие ваши вопросы. Помогите эту вещь напечатать и сами будете все детально знать, еще и другим предоставится такая возможность.

Увы, желающих или имеющих возможность помочь мне в этом деле среди любознательных собеседников не находилось. А издательство “Поления” тоже оказалось не из тех, кто под танки бросается.

- Вдруг никто не захочет покупать эту книгу? Ведь мы же тогда окажемся в убытке! - объясняли мне.

- Но, насколько я понимаю - отвечал им, - ваше издательство существует не только для того, чтобы иметь прибыли от авторов польского происхождения, но и как – то для них помогать. Неужели вы же потому и называетесь не казахское или, там, русское издательство, а издательство поления.

- Все равно, ищите сначала спонсоров, чтобы оплатить издание книги.

К сожалению, спонсоры в Жечипосполитой, то есть в Республике Польша на дорогах не валяются. Редактор издательства все же помог мне написать соответствующее письмо с просьбой о финансовой помощи во Вспульноту Польску и там оно где – то спокойно осталось лежать.

Не сбылись также надежды нашего общества на то, что польская сторона поможет нам в конце концов наладить выпуск газеты на польском языке и что лично мне, может быть, доведется в ней работать. Для начала пусть хотя бы редактором русскоязычной части газеты.

Увы, все вышеперечисленные планы не осуществились,

а проблемы со всех сторон нарастали комом. В конце концов я оставил свою освобожденную должность председателя польского городского общества, от которой кроме бесчисленных хлопот и претензий ничего не имел, и пошел работать корреспондентом в областную газету Степной маяк, где по крайней мере, мне был гарантирован постоянный кусок хлеба. Иногда даже с маслом.

За окном седьмое ноября. Еще считанные годы назад – самый большой праздник во всем бывшем Советском Союзе. И многочисленные красные флаги по крайней мере в этот день значительно скрашивали серую осеннюю погоду и сероватую будничную жизнь. Теперь и этого нет.

Сажу возле стола, смотрю за окно на припорошенные белой крупой комья грязи, на отдельные еще подрагивающие на стылом осеннем ветру скрюченные желто – коричневые листья. Пью пустой чай – все труднее с сахаром и заваркой – в пустой комнате. Сажу один перед столом со своими рукописями. Дочки ушли на именины к подружке, жена что – то там выяснять – к знакомой.

Звонок в дверь. Заходит сосед, тоже поляк, Виталь Заенчковски. Русоволосый, шупловатый, порой наивный, порой ершистый, но всегда прямой и честный. В руках бутылка водки, объясняет по – простому:

- Вчера в бригаде со своими строителями перебрал малость. Теперь болею! Зайду, думаю, к тебе, поздравлю.

- С чем поздравлять – то? - усмехаюсь я, расставляя на кухонном столе хлеб, сало, соленые огурцы, а из кастрюльки накладываю еще теплую толченую картошку. Типичная, готовая на все случаи жизни закуска. Жена в честь бывшего праздника обещала к вечеру пельмени сделать, но это к вечеру. - Сегодня никакого праздника вроде бы нет.

- Это еще полбеды, что нет праздника! - говорит Виталь, поднимая стакан с водкой. - Я его и прежде не очень – то праздновал. Хуже всего, что не стало никакой надежды, веры, цели

и жизни. Бывало раньше в такой день в одной руке бутылка водки, в другой плакат “Даешь коммунизм!” И хоть веришь этому, хоть нет – вперед на демонстрацию. А сейчас куда?!

Виталь ткнул вилкой в огурец, залпом влил в себя полстакана водки и нехорошо выругался, повторив слово в слово совершенно незнакомого ему Сергея Макарова:

- Всю страну развалили, гады! А что взамен?!

Действительно, то что начали строить в Казахстане, какую модель общества, никто не мог понять. От коммунистической идеологии бы отказались. Хотя памятники героям и вождям революции по – прежнему оставались в строю и улицы носили их названия.

Если же улицу имени того или иного революционера все таки решались переименовать, то, как правило называли ее в честь какого – либо средневекового хана или султана. И никто как – то не удивляло такое необычное соседство большевиков и буржуев.

Руководство вокруг было все то же, партийное, разве что в него вливалось все больше представителей коренной национальности, у многих из которых уровень образования и культуры оставлял желать лучшего.

Если ко всему этому добавить, что уровень жизни и условия существования населения беспрерывно ухудшались, во всяких там правах человека лучше было и не вспоминать, то получалось, что мы въезжаем в какую – то сложную модель общественного строя, которую можно было бы условно назвать “коммунистическо – феодальной с переходом к мусульманско капиталистической формации”.

Трудно понять смысл этой формулировки. Однако также нелегко было понять то, что происходило в Казахстане и вообще в новоявленной абдракадабре СНГ – Союз Независимых Государств.

Как – то зашел по делу на завод “Металлист” еще к одному другу, тоже поляку, Станиславу Жульскому.

Станислав по – моему слегка помешался на шахматах,

шашках, а еще на потусторонних силах. На эти темы он может рассуждать часами. Все шкафы и книжные полки у него завалены соответствующими статьями, помещенными в научно – популярные журналы и книгах, и вырезками такого же плана из газет. Только в этом он находит какое – то моральное утешение и покой.

Станислав довольно крупного, но нескладного телосложения, с простоватым, добродушным, слегка конопатым лицом, на котором прежде всего привлекают внимание серо – голубые наивные глаза.

Живет Стасик один в однокомнатной же квартире. В молодости не нашел времени жениться, а сейчас, когда перевалило за сорок, смирился с тем, что уже не женится. Живет, естественно, довольно бедно, по – спартански. Чтоб было не так скучно, приютил двух кошек. Но потом, видя, что на нынешнюю свою зарплату прокормить троих не в состоянии, Стасик отвез одну из них в Ясную Поляну к сестре. Вторая кошка, которой надоело постоянное однообразие в пище: хлеб, суп и – крайне редко – молоко, сама сбежала от него. Решила вести бродячий образ жизни. Так видно сытнее.

Несмотря на то, что имеет высшее образование (смог закончить в бывшем Целинограде сельхозинститут по специальности землеустроитель), работает Стас простым слесарем. Но работает добросовестно. Доказательство – почти никогда не слезающая с Доски Почета его простоватая физиономия с институтским ромбиком на лацкане пиджака единственного костюма. На второй костюм Стас никак заработать не может.

Иногда я захожу к нему на “Металлист”. Что самое интересное для меня и что я никак не могу оминуть, проходя через заводской дворик, это небольшой скверик из нескольких чахлах топольков и акаций, стоящих посреди запыленного пырея и полыни.

В скверике этом виднеется давний – предавний, наверное еще со времен первых пятилеток, весь проржавевший жестяной плакат, на котором хоть и с трудом еще можно прочитать оригинальное изречение за подписью одного из сподвижников

сталинист – Жданова.

Уже и Хрущев заклеил Сталина, его друзей и их политику, и Горбачев раскритиковал, и Ельцин выругал. Все прочие граждане, уже не в силах разобраться в происходившем и происходящем, просто матерят всех подряд без разбора. А плакат, не боясь никакой критики, не взирая ни на какие бури, как стоял непоколебимо, так и стоит.

Возможно он и выдерживает все это именно благодаря своему содержанию. На плакате написано буквально следующее: "Тот, кто боится критики, он, презренный, не достоин уважения со стороны народа. Жданов".

При каждом посещении завода я долго с глубокомысленным видом вглядываюсь в это заржавевшее от времени, но непоколебимое своей уверенностью заявление и каждый раз, вздохнув, захожу с одним – единственным убеждением: "А ведь пожалуй прав был сталинист! Плевать все нынче хотят на какую – либо критику."

После съезда в Кракове, мы в Казахстане с новыми надеждами ждали конкретной реакции польского правительства, парламента на высказанные на съезде пожелания и замечания. Ждали приезда, возможно даже наплыва к нам высоких гостей из Польши. Ждали всю осень, зиму, весну. Не дождалось никого. А проблемы нарастали.

Возникла напряженность между Россией и Казахстаном по поводу северных территорий Казахстана, дележа ядерного оружия, проблемы возникновения и запрета казачества с одной стороны и лозунги крайне националистических казахских партий и движений – с другой.

Началась миграция казахов из – за границы в нашу и соседние области, не прекращался массовый выезд немцев в Германию. Для очень многих стало неприятной неожиданностью объявление государственным языком только казахского, которого неказахское население практически не знало.

Постоянно ухудшался жизненный уровень людей, все бо-

лее возрастали темпы инфляции. Все это вместе взятое делало жизнь рядовых граждан беспросветной. А вновь зазвучавшие призывы еще раз потерпеть во имя светлого будущего, даже у самых ярых оптимистов вызывали тошноту.

К этому времени в области возникло и зарегистрировалось несколько национальных культурно – просветительных обществ: немецкое, казахское, славянское, корейское, ингушское, татарское. Позже всех – еврейское, хотя евреев в области не насчитывалось даже двух сотен.

Как один из руководителей польского областного общества, я часто встречался на разных совещаниях и мероприятиях со своими коллегами из вышеперечисленных объединений. Не скажу, чтобы мы относились друг к другу недружелюбно или тем более в открытую враждовали.

Сказать, чтобы какие – то из этих организаций заметно процветали в ущерб другим – трудно. Как и всей культуре, обществам такого типа со стороны казахстанских властей помощь больше оказывалась словами, чем делом. Друг к другу все тоже старались относиться если не с любовью, то по крайней мере с выдержкой, с терпимостью. Понимали, что если еще и мы начнем высказывать резкие претензии и требования друг к другу, то что уж говорить о рядовых членах, тем более, что жизнь все ухудшалась.

Каждое общество старалось искать для выживания какие – то свои пути. Немцы нашли самый простой и надежный, хотя наверняка для многих очень нелегкий способ развязки навалившихся проблем: всю энергию и деятельность своего общества направили на усиление темпа эмиграции. И даже те из них, кто поначалу призывал не покидать “ставшим родным Казахстан”, вскоре тоже начали паковать чемоданы.

К этому времени цены на проезд в разном транспорте возросли на столько, что не морщась билеты на самолет, к примеру, до Москвы решались покупать разве что бизнесмены, которых еще совсем недавно называли обыкновенными спекулянтами да немцы.

Первые летали туда для того, чтобы закупить там поде-

нские различные нужные и дефицитные товары – Москва все таки снабжалась получше, – а у себя дома все закупленное продать втридорога. У немцев в Москве была просто – напросто организована перевалочная база перед последним броском на родину – “нах фатерлянд”. И ради этого они готовы были отдать все.

- Что, уезжают? - спрашиваю тихо отца при очередном посещении Зеленого Гая.

Сам я уже успел походить по селу, попытался встретиться кое с кем из старых друзей. Но все меньше и меньше их, особенно немцев.

- Уезжали, уезжают и будут уезжать – с какой – то грустью и безнадежностью машет рукой отец. - Вот видишь эту фотографию?

Вижу. Вокруг лежащего в гробу трагически погибшего на сносохсе немца Фенцке группа из десяти – пятнадцати товарищей, среди них и мой отец.

- Двое из них умерли – поясняет отец. - Один еще живет в селе. Остальные уже в Германии. Вообще вскоре вся четвертая бригада будет за границей. Вот недавно Гунда провожал, с которым мы когда – то коров да овец пасли. Помнишь, я еще рассказывал, как однажды от волков отбивались? Почти все Траппе, а их в последнее время в селе было несколько семей, тоже уже там. Выехали и наши бывшие соседи братья Вальтеры. Помнишь, которых в детстве горящими углями обожгли?

- Помню. А как мои школьные товарищи Веске, Шульц, Босс?

- Также уже там. Только младшая сестра твоего одноклассника Босса, не та, что за Кальтером, а та, которая замужем за казахом Сыздыковым, задержалась. Но и ей уже, говорят, вызов пришел. Выезжают всей семьей.

Отец неуверенным жестом приглаживает давно уже поредевшие и поседевшие волосы и грустно вздыхает. Я понимаю его. Трудно все – таки расстаться с теми, с кем почти всю жизнь прожил рядом, делился буквально последним куском. Но пони-

маю и немцев. Это уже тем из них, которые еще остаются здесь, становится одиноко. Ведь большая часть их родственников, друзей, соседей теперь наоборот находится в Германии.

И опять приходится констатировать непонятное молчание Польши, неопределенные отговорки со стороны разного рода официальных и полуофициальных лиц. Но как же в таких случаях трудно быть руководителем польского общества, когда людям надо давать конкретный и ясный ответ, а не мало чего стоящие обещания, которые сам постоянно слышу сверху!

Вспоминаю бабушку Мирославу из нашей кокчетавской католической религиозной общины. В очередной раз прошел слух, что поляков Польша тоже будет скоро забирать. Костела и даже своего молитвенного дома у нас в Кокчетаве все еще не было и на молитву люди по – прежнему собирались у нас же в помещении общества, довольно большом зале, который мы занимали в одной организации.

Подходит она ко мне маленькая, вся старенькая, невзрачная, с округлым морщинистым лицом и неуверенными слезящимися глазами. Одета в старинное, темного цвета и того покроя пальто, какое носила ее мать, а может даже и бабушка. На голове тоже древний темно – коричневый пуховый платок. На ногах подшитые валенки. Зима.

Она одна из тех многочисленных простых, трудолюбивых полек, которые всю жизнь промучились здесь в Казахстане, а теперь ничего не имеют.

Подошла, заговорила дрожащим, жалостливым голосом на сохраненном еще с малых лет певучим украинско – польским диалекте:

- Пане презесе! Ни монжа у мене юж нема, ни дзеси. Вси змарли, жие у племянницы. Бардзо прошу пана, як бендзееце уезжать до Польски, не позоставляйце мене едну, забежце з собою. Хоть зобачу, яка она есть та Польска и помру там. Не позоставляйце мене умерать саму в temu степе...

“Ах, бабушка, дорогая, думаю, ну что я могу сделать?! Что

того, что я презес, председатель? Тебя бы перед польским правительством, перед парламентом поставить. Пусть бы те “презеса” ответили!

Но бабушка стояла передо мной и ждала от меня ответа, как грешник спасения от господа Бога. И прилагая все силы, чтобы не дрогнул голос, я заверяю ее:

- Никого здесь не оставим, бабушка! Всех, кто захочет уехать, заберем.

Счастливая, успокоенная бабушка держалась за мою руку морщинистыми, потрескавшимися, как земля в засушливое лето руками и тихо плакала светлыми, крупными слезами. Такие же слезы стояли и у меня в глазах. Через полгода или немногим больше бабушка Мирослава простудилась и умерла, так и не дождавшись приглашения от отчизны своих предков.

Такая неопределенность со стороны Польши мне в конце концов надоела. К тому же некоторые члены нашего общества, похоже и в самом деле начали считать, что я, если уж занимаю должность председателя, к тому же освобожденного, могу и должен делать значительно больше, чем делал до сих пор.

- Что ж, это прекрасно, когда ученики перерастают своих учителей! - философски сказал я сам себе. - Есть желающие занять председательское место, занимайте, пожалуйста!

И на очередной конференции попросил освободить меня от должности председателя городского общества. В то же время заместителем областного председателя оставался по – прежнему. Но теперь я мог значительно больше времени уделять заграничным проблемам.

В ближайшее же время, воспользовавшись приглашением люблинского католического исследовательского института, который организовал литературный конкурс под названием “Поляки России говорят о себе” я, как один из победителей этого конкурса, был приглашен на несколько дней в Люблин. Однако решил остаться в Польше на всё лето, чтобы детально разобраться, чего мы можем ждать от родины наших предков и попытаться подтолкнуть к большей инициативе те силы, которые

хотели бы нам помочь.

Это мое очередное, но впервые такое длительное, почти четырехмесячное пребывание в Польше, вновь началось с неожиданностей и неприятностей. По предложению председателя комитета по делам поляков Казахстана пани Радницкой, я был приглашен в польский сейм, что на улице Вейской, рассказать о проблемах полении Казахстана.

Как раз в это время в Польше находилась правительственная делегация из Казахстана во главе с вице – президентом. На встречу комитета с этой делегацией меня и пригласили. К сожалению, к началу нашей беседы уже было известно, что сейм, хоть и с перевесом всего лишь в один голос, вынудил правительство страны податься в отставку.

- Случайно ли это получилось или может специально так сделано – словно бы в шутку спросил вице – президент Казахстана, - что мы приехали договариваться с польским правительством о будущем казахстанско – польских отношений, а договариваться, собственно, не с кем?...

Не знаю, как кому, а мне в тот момент было очень дискомфортно от такого неожиданного сюрприза парламента. Вероятно не очень счастлив был и президент Польши. Потому, что уже на следующий день распустил парламент и назначил на осень новые выборы.

Забегая вперед, скажу, что в течение несколько лет, а приходилось мне приезжать в Польшу ежегодно, я практически каждый раз узнавал о новой смене правительства. Плохо, когда власть держится в чьих – то руках десятки лет, но плохо также, когда власть меняется чуть ли не ежегодно. Опять приходится заводить новые знакомства, налаживать новые связи, выяснять, чего могут ожидать от новых властей поляки Казахстана. Все это очень утомительно. Только начнешь искать ключи к сердцу очередных слуг народа, глядишь, а их уже нет у власти.

Что же касается моего выступления во время казахстанско – польской встречи, то говорил я о том, что в соответствии со всеми международными нормами, нам, казахстанским полякам,

оказавшимся к тому же не по собственной воле в степях, а сосланных туда, должна быть предоставлена возможность возвращения в Польшу. Вообще, по – моему убеждению самый лучший вариант, это когда каждый народ живет на земле своих предков. Так он может дольше сохранить свою культуру, традиции, язык, веру, остаться народом, а не быть иванами не помнящими родства.

Начал я свою речь по – казахски. Потом сказал несколько слов по – польски. А затем перешел на общепонятный для обоих переводчиков русский язык.

Похоже, речью моей удовлетворились обе делегации. И казахстанцы аплодировали даже больше, чем поляки. Это вероятно потому, что я был первый, кто под этой парламентской крышей обратился к казахам на их родном языке.

Конкретно же по поводу въезда – выезда вице – президент Казахстана с некоторой долей пафоса в голосе сказал буквально следующее:

- У нас теперь свободное, демократическое государство. Каждый, кто хочет уезжать, может уехать. Каждый, кто захочет приехать, может приезжать. Мы в этом вопросе никому никаких препятствий ставить не собираемся.

Хотя у меня были некоторые сомнения по поводу такого категорического заверения потому, что хорошо знал с каким скрипом в нашем Кокчетаве приходится пробивать через ОВИР и внешнеэкономический комитет поездку какой – либо группы даже по гостевому приглашению в Польшу, мне такая деловитость и уверенность одного из первых руководителей Казахстана понравилась.

- Если б еще Польша нам так же конкретно ответила! - невольно подумалось мне. Но Польша по – прежнему загадочно молчала.

По возвращению вечером во Вспульноту Польшку меня ожидал еще один малоприятный сюрприз. Дело в том, что в целях экономии средств во время пребывания в городах Польши, я всегда старался передвигаться пешком. Даже если приходилось идти несколько остановок. Во время пути утешал себя тем,

что ходить – это полезно для здоровья.

Так и в этот раз. Вышел из здания парламента и заметил, что начал накрапывать дождь. Зонта у меня как всегда никакого не было. Но такая мелочь задержать, а тем более остановить казахстанца не могла. Пошел естественно снова пешком.

Примерно в том месте, где улица Новы Свят переходит в Краковске Пшедмесьце, дождь перешел в ливень. Промок до нитки. Утешало одно: приду к себе в номер, который мне выделили на несколько дней в здании Вспульноты Польской, сброшу мокрую одежду, залезу под одеало и там наконец – то согреюсь. Не тут – то было!

Как я уже сказал, в фойе меня ждал сюрприз в виде двух высокопоставленных сотрудников Вспульноты Польской.

- Наконец – то, пан Анатолий! - обрадовались они. - Заждались мы уже. Пан собирался кажется ехать в Краков? Просим побыстрее забирать свои вещи и идти на вокзал.

- Но я не собирался ехать сегодня вечером! Мне же там придется всю ночь сидеть на вокзале. А я весь промок...

- Ничего не знаем! Пан обещал уехать в Краков. А на пана месте будет ночевать одна пани, неожиданно приехавшая с запада. – И как последний довод - Фацет пан или не фацет?

То, что фацет по – польски означает примерно тоже самое, что по – русски фэраер, я в то время еще не знал. Но мне вдруг очень захотелось этим самым фацетом быть. Все же спросил:

- Но ведь есть же еще одна комната?

- Там живут два других пана.

С огромным трудом уговорил своих собеседников дать мне возможность переночевать на огромных кожаных креслах, которые стояли здесь же внизу, в прихожей.

Сменил мокрую рубашку на сухую, собрал по – быстрому вещи и снова спустился вниз. Посочувствовал мне, а может даже спас от простуды старик – сторож, дежуривший в эту ночь.

Взяли мы с ним на двоих бутылку водки, вскипятили чаю, выпили хорошо, согрелись, поговорили по душам о такой собачьей жизни и около полуночи я начал устраиваться на тех самых

старинных креслах на ночлег. В это время сверху слышались голоса и мимо меня, переговариваясь, прошли те два пана, которые жили в другом номере и которым, оказывается, уже надо было идти на вокзал, ехать куда – то дальше.

Я не стал жаловаться небу на несправедливость, не стал проситься у сторожа на освободившееся место. Хоть я и бедный казахстанский поляк, гонору у меня хватит на трех богатых из Польши. Свернулся в клубок и заснул сном праведника. Утром встал и уехал в Краков. Но еще один пример “заботы” Вспульноты Польской в памяти остался.

Вспульнота...Вспульноте... рознь. Как ни странно это звучит, но похоже это и в самом деле так. Краковское отделение этой поленийной организации помогло мне устроиться на месячную практику в газету Час Краковски, чтобы я смог там подучить язык, посмотреть, как делают газеты в Польше, сам что либо напечатал. На этот же срок мне обеспечили бесплатное проживание в одном из рабочих общежитий в микрорайоне Золотая Осень.

Хлеб Вспульноты Польской есть зря не собирался. Писал статьи о Казахстане для газеты, нашел дорогу в журнал Пшекруй, где в дальнейшем были напечатаны два – три материала о ситуации сложившейся в бывшем Советском Союзе и о так называемой помощи полякам Казахстана.

Там же в Кракове укрепил прежние связи с монастырем капуцинов и был приглашен ими на восстановление памятного знака – креста на месте гибели последних барских повстанцев против русского царизма.

А еще с помощью Часа Краковского и местного отделения Вспульноты Польской была организована встреча представителей различных организаций, которые хотели нам помочь: Комитета помощи полякам в Казахстане, Жертвы Катыни, Союза сибиряков и других.

Выступал и на телевидении, причем однажды был приглашен вместе с корреспондентами других газет на прес – конфе-

ренцию известного в стране отца шоковой терапии.

- Пан Лешек! - спросил я. - Когда наконец в Польше будет такое правительство, которое реально займется проблемами поляков Казахстана?

- Такое правительство уже есть – со свойственным ему юмором ответил пан Лешек. - Это правительство нынешней пани премьер.

Я с большим сомнением покачал головой. Но там, к сожалению, было не место для дискуссий на подобные темы.

Потом у меня были поездки в щецинское, вроцлавское, люблинское, лодзское воеводства, в которых тоже, где больше, где меньше удалось что - то сделать.

Но наибольшего успеха неожиданно даже для меня самого удалось добиться в сравнительно небольшом и естественно не таком влиятельном, как варшавское или краковское – в воеводстве тарнобжеским.

С помощью местной газеты Штафета, при активной поддержке единственной воеводы – щенщины, но наверное самой смелой и решительной среди них, а также понимания и содействия со стороны других энергичных людей, удалось заинтересовать местные власти и общественность вопросом репатриации казахстанских поляков.

Одним из пропагандистом акции по возвращению поляков на родину предков стал вуйт гмины Залешаны пан Анджей, который обратился к другим вуйтам и бурмистрам с призывом приютить на своих землях одну – две польских семьи из Казахстана.

Вуйт оказался человеком деловым, не бюрократом. Тогда же передал через меня приглашение для десяти человек приехать на недельку в гости, осмотреться, побеседовать с местными жителями, поразмышлять, смогут или не смогут они здесь жить.

Уже осенью эта группа приехала в Польшу. Всем здесь понравилось и почти все тут же написали заявления с просьбой разрешить им переехать в Польшу на постоянное местожительство. В дальнейшем эта акция с помощью газет, радио и теле-

видения получила огласку по всей стране.

Теперь можно с уверенностью сказать, что этот реальный пример деловитости вынудил активнее заняться нашими проблемами не только различные общественные организации, но и государственные, в том числе и польский парламент. Никто ведь не хочет оказаться в хвосте событий!

Во время этой же длительной поездки по воеводствам Польши, я приобрел множество новых друзей и упрочил связи со старыми.

Благодаря этой поездке например в воеводстве щецинском удалось познакомиться с известным писателем – маринистом паном Ежи и директором издательства “Документ” паном Казимежом, которые взялись перевести и отпечатать первую часть этой книги. Другие мои друзья, кто как мог, оказывали спонсорскую помощь.

Обратно через границу я перезжал уже в сентябре месяце. Ехал вместе с ксендзами – капуцинами из Кракова к украинскому городу Ровно, где было освящение католического костела и открытие в нем мемориальной доски в память известного нам, да и среди поляков Казахстана тоже ксендза – скитальца Серафима Кашубы.

До Ровно доехал нормально, а дальше, как всегда проблемы, проблемы: новые государства, новые границы, новые деньги и всем на все наплевать.

После такого затяжного путешествия интересно походить по знакомым местам, посмотреть, какие вокруг произошли изменения. Изменения были, но только в худшую сторону. Страшная дороговизна и дефицит всего. Настроение населения размежевалось по полюсам. Половина людей падает в какую – то тоску и апатию. Вторая наоборот, становится агрессивной.

Несмотря на призывы по скорейшему овладению казахским языком, прогресс в этом деле крайне слабый. Большинство жителей различных национальностей реально осознает, что при огромной нехватке учебных пособий, хороших учителей и осо-

бенно языковой среды, в зрелом возрасте, тем более, когда нет особого желания, язык не освоишь даже на бытовом уровне. Поэтому созданные при различных предприятиях ускоренные курсы по обучению казахскому не дают желаемых результатов.

Предполагалось, что в первую очередь его должны были бы выучить хотя бы для простого общения с клиентами работники сферы обслуживания.

Чтобы определить, какие произошли в этом деле сдвиги, захожу в один из ближайших к моему дому магазинов, где работали знакомые мне продавщицы. Рыжая, толстощекая и толстозадая Катька, баба лет тридцати с небольшим, с постоянно недовольным выражением лица, как всегда на своем месте.

Когда в начале девяностых годов в связи с получением Казахстана независимости, среди властей началось повальное увлечение скорейшим внедрением в жизнь и быт казахского языка, Катька была наоборот, яркой представительницей той части населения, которая относилась очень скептически к такой возможности вообще и к своим способностям в частности.

- У меня и без казахского от забот голова пухнет! - отвечала коротко.

Голова у нее действительно была не маленькая.

Но ее мнение по этому вопросу естественно никто не спрашивал. Пришел указ свыше: надо!

Значит, надо. И хотя чуть позже в новой Конституции Казахстана было записано малопонятное и мало что значащее, что “наряду с государственным казахским, языком межнационального общения является русский”, в патриотическом западе было решено перевести делопроизводство на казахский уже в считанные годы, а кое в каких районах чуть ли не в считанные месяцы.

Казахов, тем более стариков – казахов, недовольных засылем русского языка, можно было понять. Даже со своими внуками и детьми – горожанами они вынуждены были разговаривать на языке межнационального общения, то есть русском. Но ведь те, которые руководят государством, обязаны мыслить

хладнокровно, без эмоций, трезво взвешивая сложившуюся реальность. Такая поспешность пусть даже на бытовом уровне и считанные месяцы внедрить казахский, была скорее даже смешной, чем грустной.

Катьку тоже перед моим отъездом в Польшу вовлекли в группу по ускоренному обучению языку коренной национальности. Вот теперь я и зашел посмотреть на ассортимент товаров в магазине, а за одним поговорить с Катькой на бытовом уровне по казахски.

Ассортимента не было. Вообще ничего не было. Утренний наплыв покупателей уже смел те крохи, которые перед открытием магазина вероятно все же были завезены. И теперь Катька упершись локтями о прилавок и подперев ладонями подбородок со скукой показывала своим мясистым тазобедренным суставом на пустые полки позади нее. Впрочем на витрине под стеклом еще красовалась пара поношенных говяжьих копыт, на которые сама она отказывалась смотреть категорически.

Чтобы развеять ее тоску, а за одним проверить уровень знаний, заговорил с нею по - казахски:

- Ет бар ма? (Мясо есть?) - спросил первым делом о мясе вообще.

- Не видишь, что ли? - не меняя положения тазобедренного сустава, ответила Катька вопросом на вопрос по - русски.

Я решил вести разговор более подробно, по частям тела. Начал с головы:

- Бас бар ма? (Голова есть?)

Катька покосилась на меня с подозрением: пьяный или прикидывается? На всякий случай решила промолчать.

Решил ее недовольства не замечать, начал спрашивать о ногах, хвосте.

Тут терпению Катьки пришел конец.

- Слушай, что тебе надо? - процедила она сквозь зубы. - Не можешь спросить по - человечески? Там на этих долбанных курсах мозги сушат, так еще ты здесь душу выматываешь!

- Зато ты теперь выучишь еще один язык - насколько мог

серьезно ответил я.

- Выучу? Это в тридцать пять лет?! Да на хрен он мне нужен!

Катька посмотрела на меня, как на полного идиота и чтобы не начать выражаться покрепче, повернулась и ушла к себе в подсобку.

В нескольких метрах в стороне, в молочном отделе, по тому же поводу скучала от безделья другая продавщица, Танька. Несомненно краем уха она слышала наш диалог и всем своим неприступным видом показывала свою полную солидарность с Катькой. Над ее головой висел новенький плакат, написанный на казахском языке.

- Сатып алганынызга рахмет! (Спасибо за покупку!) - прочитал громко я. - А как переводится?

- А хер его знает – ответила без малейших эмоций продавщица.

- Неужели так и написали? - картинно ахнул я. - Вот бессовестные!

Танька посмотрела на меня точно так же, как минуту назад ее подруга Катька и тоже ушла в подсобку. Все мне стало ясно и было очень грустно. Вряд ли Казахстан и его обитателей ждет в ближайшее время светлое и спокойное будущее.

В литературном плане в лучшую сторону сдвинулись у меня дела не только в Польше, но и в Казахстане. Или, правильнее сказать, в Сибири. Дело в том, что сборник рассказов и повестей, который подготовила группа кокшетауских авторов, был отпечатан в омском книжном издательстве. В редакциях и издательствах Алматы, куда я тоже пару раз отсылал свои произведения, им места не нашлось.

В совместном сборнике нескольких авторов, связанных своей судьбой с Кокшетау (название нашего областного города, как и название столицы теперь звучали в такой способ) оказалось и мое имя.

Среди других текстов, к примеру, была напечатана там по-

лучившая популярность и признательность со стороны читателей небольшая повесть “Пани Мария” - о трудной судьбе одной из полек.

Сначала эта повесть издавалась фрагментами в областной газете, потом в сокращенном варианте в региональном журнале в Акмоле, а затем в переводе в Польше. И наконец наиболее полно вышла в этом сборнике “Степные миражи” еще с несколькими другими моими рассказами.

Книга получила неплохую рецензию критиков, хорошие отзывы со стороны знакомых и незнакомых мне читателей. Так что в моральном плане я был удовлетворен. Что же касается материальной стороны, то здесь лучше было бы об этом и не вспоминать. В связи с тем, что не было денег, гонорар авторам выдали книгами. Мне досталось семьдесят книг.

Двадцать пять из них я отвез во время следующей поездки в Польшу своим старым и новым знакомым. Примерно столько же разошлось среди родственников и друзей по республикам СНГ. А остальные остались лежать дома на всякий случай вдруг еще кому – либо будет повод подарить книгу. На том “гонорар” мой и закончился.

Ранней весной наступившего года в жизни поляков Казахстана произошло воистину историческое событие. Удалось наконец – то собрать республиканскую конференцию, на которой было провозглашено создание “Союза поляков Казахстана”.

Наше кокшетауское польское общество решило не претендовать на то, чтобы местом проведения этой конференции стал наш областной центр. Хотя до сих пор не уверен, правильно ли мы тогда сделали. Ведь до этого во всех начинаниях шла как раз наша область.

В тот раз по – просту побоялись хлопот, не поверили, что осилим. На нашем обществе и так лежали постоянные повышенные нагрузки. Мы больше всех отсылали групп детей на отдых в Польшу, больше всех отбирали и отправляли на учебу студентов. От нас приглашались различные группы из числа

взрослых членов общества.

Так как в нашей области проживала почти половина поляков Казахстана, то большинство делегаций из Польши тоже приезжало к нам. А это все непрерывные хлопоты плюс постоянная нехватка финансовых средств.

А тут еще на три дня надо устроить несколько десятков делегатов, обеспечить ночлегом, питанием, нанять зал для заседания, организовать различные встречи, поездки и тому подобное. Даже у меня не хватило решимости настаивать на проведении конференции у нас. Отдали на этот раз первенство Караганде, несмотря на то, что их общество организовалось позже всех. Да и в сравнении с другими областными организациями, поляков там тоже было не много. Однако с географической точки зрения Караганда находилась в лучшем положении – ближе к центру Казахстана.

Польское посольство помогло денежными средствами, так что свою республиканскую конференцию полякам Казахстана удалось провести достаточно уверенно. Со всех четырех областей, где уже были зарегистрированы польские общества, съехались семьдесят пять делегатов. Из Польши приехали представители сейма и сената, Вспульноты Польской, костела, некоторых общественных организаций. Приехали также сотрудники польского посольства в Москве, корреспонденты телевидения, радио, газет.

Но что интересно, в Караганде на конференции не так ощущалась опека некоторых соответствующих органов, как когда – то в Кокшетау. Может не считали ее достаточно важным событием, но скорее всего более умело маскировались.

Значительно яснее чувствовалось, что далеко не все делегаты хорошо ориентируются в отношениях между Польшей и казахстанской полонией, особенно в проблемах, связанных с репатриацией. Видно в некоторых обществах были свои проблемы с гласностью между руководителями и рядовыми членами.

Впрочем с самими руководителями не особенно считались также многие официальные деятели из Польши, зачастую сводя

их роль к простым исполнителям указов свыше.

Все же, продолжая разговор о конференции, хочется отметить, что делегаты от всех обществ смогли преодолеть свои не столь уж значительные разногласия, выработать единый устав и программу. Основной линией, которой решила держаться полиция Казахстана, это добиваться предоставления скорейшей возможности выезда всем желающим на постоянно в Польшу.

Причем решили не останавливаться даже перед тем, чтобы в случае нужды обратиться к полиции на западе, а если потребуется, то и в ООН о нарушении прав человека со стороны Польши.

Председателем “Союза поляков в Казахстане” был избран председатель карагандинского общества Франц Богословски, инженер по образованию. Хотя карагандинское польское общество организовалось значительно позже других, сам руководитель его выказывал себя деятелем активным.

Тем временем в Казахстане аж бурлило от миграций народов.

Все больше и больше в нашей стороне появлялось казахов ит – за границы, которые по призыву президента Казахстана возвращались на свою когда – то покинутую землю. По некоторым оценкам их в зарубежном приграничье находится до трех миллионов. Часть из них ушла за южные границы своей страны вместе с основным своим богатством – скотом, спасаясь от Красной Армии еще в гражданскую войну. Другие убежали в годы коллективизации, спасаясь от массового голода.

Зачастую это были довольно богатые, родовитые казахи. Возвращались они теперь на свои бывшие земли не как гости или бедные родственники, а как хозяева. Порой по возвращению имели к местным казахам еще больше претензий, чем ко всем прочим русскоязычным за то, что оставшиеся здесь не смогли сберечь в первозданном виде степи, которые они вынуждены были оставить. Дали возможность разным пришельцам расположиться на бывших кочевьях, как у себя дома. Вдобавок еще

и сами русифицировались.

Мне несколько раз приходилось видеть возвращенцев в кокшетауском аэропорту, когда они выходили из самолетов, прилетающих с юга. Семьи у всех многодетные. Порой казалось, что это приехали на экскурсию группы детей со своими воспитателями. Смущали только старинные экзотические со множеством нашитых металлических украшений одежды. Словно это приехали артисты какого – то национального драматического театра с исторической пьесой, уже одетые в соответствующие костюмы.

В этой связи я вспомнил рассказ старой женщины, польки из села Петровка, что рядом с райцентром Чкалово.

В отличие от большинства точек, расположенных в голой степи, их тринадцатый поселок запланировали поставить возле маленького казахского аула. И когда женщин и детей подвезли к этому аулу, чтобы там высадить, посмотреть на новоселов из юрт вывалило все казахское население.

Несмотря на достаточно погожую осеннюю погоду, были они в длинных выше колен теплых кожаных сапогах, лисьих шапках, теплых халатах, другой казахской национальной одежде. Загорелые и обветренные пахли они кизячьим дымом, кумысом и бараньим жиром.

Все это настолько разилось от той одежды да и самой внешности людей, с которыми новоприбывшие соседствовали до этого времени, что некоторым спецпереселенкам едва плохо не стало. А когда казахи, желая помочь слезть им с машин, протянули в их сторону руки, часть пассажиров полуторки с криком: “Спасайтесь, люди добрые!” - полезла на кабину, другие соскочили с кузова на землю и побежали куда – то в степь.

С большим трудом конвоирам удалось унять поднявшуюся панику. Со временем конечно прибывшие и местные обитатели познакомились друг с другом, привыкли и начали мирно соседствовать друг с другом.

Теперь же при виде практически тех же самых степняков, приезжающих из Монголии, Алтая, Китая в аэропорт Кокшетау

никто из ожидающих на свой самолет пассажиров из аэропорта не убегает. Хотя от некоторых из приезжих по – прежнему заметно отдает овчиной, кумысом и кизячьим дымом. В основном от тех, что из Монголии. До сих пор большинство проживающих там степняков занимается скотоводством и проживает в юртах, как их деды – прадеды.

Да, убегать нынче никто не убегает, но все – таки какое – то беспокойство в груди остается. И еще вопрос: для чего здесь мы, поляки? Так ли уж мы нужны этому краю? И главное – в роли кого?!

А тут еще президент Казахстана, несмотря на тяжелейшее экономическое положение своего молодого государства, надумал вдруг в срочном порядке переносить столицу поближе к северным границам.

И хотя находится много важных причин якобы оправдывающих это грандиозное мероприятие – здесь и огромная загазованность воздуха над бывшей столицей, и большая вероятность сильного землетрясения в этом районе, более правдоподобной такую срочность все видят только в одном: казахофицировать северные целинные земли, где очень большой процент русскоязычного населения и существует вероятность в случае какого либо референдума или международного конфликта отрыва этих земель от Казахстана и присоединения их к Сибири, то есть к России.

Но что здесь особенно интересно и неожиданно, против перенесения столицы вдруг единым фронтом выступили вместе русскоязычные и националисты крайне консервативных партий из Старшего жуза, владения которого испокон веков находились как раз на полудню Казахстана.

Последним принятое решение не нравилось по той причине, что в этом они видели явный уход президента и его команды на сторону иных сил и ослабление в связи с этим своих влияний на его действия и решения.

Да, бурлит тихая степь, как в свое время тихий Дон. Ну, а нам, полякам, чего здесь ждать? Ведь к какому – то берегу

надо приткнуться.

В один из свободных субботних вечеров на переломе зимы и весны решил я с ответным визитом к Виталию Заинчиковскому. Хобби у Виталия – музыка, в основном эстрадная. Когда я подхожу к его так долго ожидаемой и лишь совсем недавно полученной однокомнатной квартире на первом этаже нового дома, то прежде всего слышу громкую музыку, доносящуюся из – за двери. Значит, хозяин дома!

В этот раз музыка не доносилась. Зато доносились отголоски громкой полемики. Прислушался. Тоненький дискант Виталия заглушался хрипловатым и напористым баритоном Станислава Жульского:

-А я тебе говорю: Вселенная бесконечна! В ней бесчисленное количество звездных систем и галактик.

Выпивают, подумалось мне.

Обычно спокойный и флегматичный Стас, выпив всего две – три стопки, в разговорах на потусторонние темы становился категорическим и безкомпромисным.

-А ты что, был там? Был? - ершисто заявлял более приземленный Виталь.

Я не ошибся. В центре кухонного стола красовалась бутылка новой и популярной – была не дорогая – казахстанской водки “Кулагер”. На ее этикетке виднелся горячий скакун, носивший это же самое имя. Подобно ему горячились за столом и Виталь со Стасиком.

Вокруг бутылки была разложена простая и популярная по той же причине, что и водка, закуска: несколько кусков хлеба, на одной тарелочке нарезанный кружочками соленый огурец, на другой – маленькими квадратиками соленое сало. Сало и огурцы Виталию доставляли родственники, которые жили в келлеровском районе.

Пока Виталь разливал уже по трем стаканам водку, Стасик по – прежнему громогласно, словно выступал на большом партийном митинге, продолжал развивать какую – то очередную загробную теорию.

- А ты журналы, журналы читай! “Науку и религию”, “На-

уку и технику”...

- Давайте – ка, друзья, вернемся на минуту с небес на нашу грешную землю, выпьем и закусим, что Бог послал – решил и перехватить инициативу, так как знал, конца философствования Стаса можно и не дожидаться.

- Водку эту Стасик принес! - уточнил мне в ответ дотошный Виталь. - Он сегодня опять какой – то там шахматно – шашечный турнир проводил. Вот и заработал... - тут Виталь ехидно усмехнулся – на бутылку водки.

То, что слабостью Стаса к различным подобным турнирам в облспорткомитете злоупотребляли, нам было ясно давно.

- Мало платят – смущенно признавался также Стах. - И на работе то же самое. Уже вот зима заканчивается, а мне не за что новые теплые ботинки купить, в дырявых хожу. Собирался еще с осени за новыми на базар сходить, но никак не могу накопить на них денег. Больше половины за свет и газ приходится отдавать. Цены растут страшно, а зарплату задерживают постоянно. Тоска одна! - подытожил он.

Виталь не выдержал тоски друга и взяв у меня деньги, побежал за второй бутылкой. Эпоха борьбы Горбачева с пьянством, как и вообще эпоха его правления закончилась неудачей и водку теперь снова можно было достать когда и где угодно. Не успел я еще нарезать хлеба, сала и огурца, а для разнообразия ассортимента еще и луковицу, как Виталь уже вернулся.

После того, как выпили из новой бутылки, я решил сменить тему о сером настоящем и мглистом будущем на что – либо более обнадеживающее.

- Давайте – ка споем какую – нибудь хорошую польскую песню. Патриотическую! - сказал я. Выпитая водка начала уже и на меня действовать.

-Польских мы не знаем – с сожалением сказали два друга.

Хотя я и раньше знал об этом, тут меня взяла неожиданная обида.

- Так какие же вы в черта поляки? - заявил я. - Ни одной польской песни не знаете!

Как и следовало ожидать, теперь уже они обиделись.

- А сам? А сам – то ты их много знаешь? - даже коротко остриженные волосы на голове Виталья от такого несправедливого оскорбления приподнялись ежиком.

- Ну, сам посуди, откуда мы можем их знать? - начал старательно объяснять мне Стасик, который любил пофилософствовать на любые темы при каждом удобном случае. – Дома в детстве нас учили только молитвам польским. Ну, может еще религиозным песенкам, колендам, например – Стасик был родом с Ясной Поляны. - В школе вообще обо всем этом и думать было нечего. После школы опять же...

- Но теперь – то у нас имеется культурно – просветительное общество! - вставил я.

- Знаем! - подтвердили оба друга. - Тоже состоим в нем. Только оно ничего не делает.

Здесь уже я обиделся.

-Кто “оно”?! А общество из кого состоит? Делайте сами хоть что –нибудь, вот “оно” и будет действовать. А, во – вторых, у нас немало таких, что не сидят сложа руки. И на занятия по языку ходят, и на собрания. Некоторые в фольклорном ансамбле участвуют, другие религиозную католическую общину заложили.

- Знаем, знаем, агитатор! - несколько смущенно и добродушно заявил Виталь. - Будем и мы что – то делать, где – то учиться. А пока что давай выпьем еще по одной.

- Правда! - поддакнул и Стасик. - Сейчас будем петь русские, украинские, а потом может и польским песням научимся.

- В следующий раз принесу вам слова и ноты – пообещал я, чокаясь с ними гранеными стаканами. Маленькие рюмки, как Виталь, так и Стас держали в доме только для неожиданных, почетных гостей. А мы ведь свои люди...

- Сто лет вам, хлопцы!

- Твое здоровье, Анатолий! - ответили мне дружно оба.

До поздна сидели мы за столом, что – то там пели, пили и говорили. В том числе и о Польше. И то, что каждый из них будучи

црхивым держал бы в голове и сердце, сейчас оказалось на языке.

- Вот ты говоришь: “Польша, Польша”! Хвалишь ее, агитируешь за нее. Хочешь туда уехать. А кто нас ждет в этой самой Польше? Как нам, например, попасть туда? Вот что ты нам ответь!

Я действительно намного лучше их знал, как трудно, почти невозможно выехать на постоянно в Польшу. Тем более, таким одиноким, нерешительным, простым работягам, как они. Кто и где предложит им работу, жилье? И даже выпившему мне не хотелось обманывать их призрачными иллюзиями. Сказал только:

- Надо верить, ребята!

- Как в той советской песне: “Жить и верить – это замечательно!” - снова воодушевившись, ответил словами известной песни оптимист Стасик.

- Верим, а что еще остается делать? - пожал плечами пессимист Виталь.

Был уже поздний вечер. Я встал, попрощался с ними и пошел домой. Они остались. Стас решил заночевать у Виталья. Идти по темным, заснеженным улицам ему далеко и небезопасно. Да и торопиться не к кому, сам один живет.

Они остались и тогда, и сейчас еще там, мои друзья, забытые Польшей, но не забытые мной. Такие обычные, тоже уже значительно русифицированные простые поляки, потомки той славной польской шляхты времен великой и независимой Польши от моря до моря. Собственно, как и все прочие казахстанские поляки.

Летом я решил еще раз съездить в Республику Польша. И хотя отправлялся фактически по делам общества, чтобы в конце концов прояснить вопрос о репатриации поляков, я не стал просить приглашения, необходимого для того, чтобы получить разрешение на поездку за границу, в каких – либо государственных или общественных организациях Варшавы, как не собирался просить у них деньги на свое существование в Польше.

Взял у себя в редакции творческий отпуск для написания книги, воспользовался гостевым приглашением своих недавно

отысканных в Лодзи родственников и поехал.

В этот раз, по сравнению с прошлым летом, я пробыл на родине предков меньше, чем прошлый раз - всего три месяца. Но снова успел побывать в нескольких воеводствах, из них в одном новом – зеленогурским.

По Польше теперь мне ездить все легче и легче. Расстояния меня не пугают. По сравнению с просторами бывшего Советского Союза и даже Казахстана, поездки здесь – небольшие экскурсии. С какой – либо крышей над головой и с питанием тоже особых проблем не было. Тем более, что был приучен к спартанскому образу жизни. Все меньше и меньше трудностей также с общением на польском языке.

Одна была сложность – стоимость билетов. Нынче поездки по Польше, удовольствие не из дешевых. Тем более, для человека, который там не работает и даже не получает пособия по безработице. Но здесь, слава Богу, помогали родственники, друзья, знакомые и даже незнакомые люди. Кое – что получал за публикации в газетах и журналах, выступления на телевидении, гонорар за первую часть книги. В роскоши конечно не купался, но просуществовать на все это было можно.

Во Вроцлаве довелось участвовать в научной конференции, посвященной полякам Казахстана. Мой реферат вместе с рефератами других авторов приняло к печати издательство “Библиотека ссыльного”, которым руководил племянник хорошо известного в пятидесятых и шестидесятых годах в северном Казахстане ксендза Кучинского, пан Антони.

В конце этой конференции было принято Обращение к президенту, премьер – министру, маршалкам сейма и сената, а также к сведению примаса Польши о том, чтобы все же была предоставлена возможность полякам Казахстана вернуться на землю родины предков.

Бывая в разных воеводствах, я не раз слышал о многих подобных обращениях от различных общественных организаций и отдельных лиц к высшим органам власти. Видимо все – таки это давало какой – то результат. Не зря говорится, вода камень

почет!

Там же, во Вроцлаве, профессор Стельмаховски выступил с важной и весьма приятной для поляков Казахстана новостью. Верховный суд Польши пересмотрел все предыдущие советско – польские договоры (например Рижский от 1922 года и договор от 1959 года), в которых утверждалось, что все остающиеся на территории Советского Союза поляки являются гражданами СССР и Польша по этому поводу больше никаких претензий иметь не будет. Суд признал эти договоры, по крайней мере в отношении поляков Казахстана, незаконными и в дальнейшем не имеющими юридической силы. Так что теперь, казалось бы, вообще никаких препятствий для репатриации не должно было быть.

Все больше внимания нашей судьбе уделяла не только пресса, но и телевидение. Например, этим же летом я успел сняться и документальном фильме, который делала первая программа польского телевидения. Посвящался он инициативе тарнобжегского воеводства в вопросе репатриации казахстанских поляков. Кстати, для меня это уже был второй подобный фильм. Первый о жизни казахстанской колонии делало еще за три года до этого литовское телевидение по заказу Вспульноты Польской - в Кайнахстане. Но тот фильм почему – то так и не вышел на экраны.

А буквально за пару дней до моего отъезда из Польши в прямой телевизионной передаче состоялась беседа за круглым столом на эту же тему. От Казахстана был я и еще одна девушка – студентка.

Со стороны Польши вице – премьер, председатель Вспульноты Польской, несколько депутатов от сейма и сената и пани восвода с Тарнобжега. Пожалуй она одна наиболее решительно высказалась за скорейшую репатриацию. Остальные видать по привычке пытались перевести конкретный разговор в русло обычной дискуссии: нужна ли эта репатриация вообще и сколько это будет стоить польскому государству?

На что зрители отреагировали довольно быстро и остро. На телевидение посыпались звонки и телеграммы:

- Гоните этих политиков из студии! Не словами, а делом

поможем полякам Казахстана!...

Сказал и вице – премьер несколько обнадеживающих слов о том, что после летних каникул парламент начнет обсуждать бюджет страны и в него, весьма вероятно, будет внесена соответствующая статья об отчислении определенной суммы расходов на будущих переселенцев. Впрочем, как оказалось потом, ничего из этого обещания тоже не вышло.

С такими – то вот разнообразными новостями я и вернулся в очередной раз в Казахстан. А немного позже, впервые в истории казахстанско – польских отношений в столицу Казахстана Алматы прибыл премьер – министр Польши.

К этому времени я уже снова смог убедиться, что рост цен не только не удалось успокоить, но даже мало – мальски притормозить. Несмотря на то, что в селах да и на многих предприятиях города зарплату выдавали не лучше, чем в сталинские времена, то есть месяцами не выдавали вообще, в том числе пенсионерам, отчего те даже решились выйти с протестами на городскую площадь, инфляция не переходила в гиперинфляцию только потому, что хотя подвалы банков были забиты денежной массой, на руки людям ее не выдавали.

Наступившую осеннюю уборочную область начала с минимальными запасами солярки и совсем без бензина. Не было также запасов мазута для работы котельных. Недостаточны были запасы угля для жителей сельских районов. Горожане самым серьезным образом обсуждали, где достать и как ставить в квартирах буржуйки? И все искали на зиму керосиновые лампы. Подобной ситуации, кажется не было и во времена Сталина. Разве что в военные годы.

Мы с визитом премьеру связывали очень большие надежды. А каковы же были результаты? Увы, до северного Казахстана официальная пресса донесла только слабые отголоски этого визита. И если б не тридцать миллионов долларов кредита, привезенного премьером Казахстану, видимо вообще ничего не услышали бы.

На встречу с ним от нашей области ездил мой непосред-

ственный шеф, председатель областного польского общества Юзеф Гловински. Юзеф был моим односельчанином, но последние годы работал редактором районной газеты в Чкалово. Чертами лица он сильно напоминал мне моего друга детства, поже Юзека. Только фигурой был покрупнее и естественно более медвежатой походкой. Мы с ним старые знакомые, поэтому после его возвращения и нашей беседы я имел достаточно полную картину о встречах в Алматы.

- Ну, что конкретно сказал Координационному совету союза поляков Казахстана пан премьер? Чем порадовал? - спросил я, когда мы уселись у меня на кухне перекусить. Кофе по прежнему дефицит, да и дорогое, поэтому на столе традиционная бутылка.

Юзеф некоторое время задумчиво смотрит в налитую для него стопку водки, словно хочет найти в ней истину, как тот древнегреческий мудрец в вине. Но видимо не находит и вздохнув говорит:

- Конкретно снова ничего. Непонятно даже, зачем было совывать туда председателей всех областных обществ? Я столько денег потратил!

Он одним махом выплеснул содержимое рюмки в рот и грустно подытожил:

- Пару лет назад примас был, больше с властями разговаривал, чем с нами, а теперь премьер – министр вот. Там одна женщина из алматинского общества слезами молила: “Жизни нет, заберите нас в Польшу!” А он сидит и молчит.

Я тоже молча и мрачно выпил. Сбылись мои подозрения. Похоже, мы и вправду здесь нужны многим только как очередная ступенька в рай.

В одну из зимних суббот, после неоднократного обещания, в гости ко мне приехала мать. Полная, тепло одетая, окруженная клубами морозного воздуха, с двумя сумками в руках она не сразу протискивается в двери, не сразу разворачивается в узкой прихожей. Жену, вышедшую ей навстречу, при виде этой карти-

ны аж трясет от холода.

- Ох, скорее, скорее закрывайте двери! У нас в комнатах только тринадцать градусов тепла – охает она.. - Батареи чуть теплые! Домерзаем.

Ее чувствительный на холод нос становится почти фиолетовым. Не помогает ей ни теплая кофта, ни вязаные шерстяные носки, которые в последние зимы даже дома не снимает.

-У нас на улице сегодня утром на термометре было двадцать восемь – вторит ей мать. - Тоже намерзлась, пока автобус ждала на остановке. И всю дорогу мотор что – то чихал, кашлял, думала не доедем.

- Бензин наверное плохой был – объясняю я.- Сейчас он повсюду смешанный с соляжкой. А почему вы не приехали в прошлый выходной, как обещали? Тогда мороз был послабее – всего двадцать.

Разговор продолжается уже на кухне. Здесь все – таки теплее, чем в комнатах. Когда есть газ, зажигаем конфорки, чтобы согреться. Да и жиденьким полусладким чайком есть возможность отогреть внутренности. И согревая о алюминиевую кружку красные, морщинистые и огрубевшие руки, мать одновременно отвечает на мой вопрос:

- Собиралась, правильно! Да перед самым отъездом приходит ко мне соседка Марцелина, ты ее знаешь. Чуть не плачет. Ее пригласил крестный сын на свадьбу, он в Чкалово живет. И как на зло, у нее подошва в зимнем сапожке оторвалась. Других сапог нет. Отремонтировать в нашей сапожной мастерской тоже нечем, нет подошв, клея. В магазине теперь обувь тоже не купишь. Сапог нет, да и денег нету. Прямо, как в войну или в первые послевоенные годы – вздыхает она. - Есть у Марцелины старые валенки, да стыдно в подшитых – то на свадьбу в чужое село ехать. Вот и пришлось ей свои сапоги занять на три дня.

- А что ты смеешься? - обижается мать, заметив на моем лице грустную улыбку. - У нас многие женщины теперь так делают: когда в райцент или в Кокшетау по какому – то делу едут,

у соседей одалживают, что кому надо.

- И пальто – продолжает она теперь уже об одежде – стараясь в селе не одевать даже когда в магазин или в контору идут. Берегут! Ходят больше в фуфайках. Потому, что все теперь дороже да и нет ничего в продаже. Боже мой! Боже мой! Как после войны - непонимающе вздыхает и разводит в очередной раз руками она. И почему так?! Ну, ладно, раз уж приехала, пойду пройдуся по магазинам. Пенсии, правда, уже третий месяц не приносят, купить особенно нечего, посмотрю только.

Она снова одевается в свои не слишком модные, но теплые одежды и уходит. А я еще какое – то время сижу и размышляю над сказанным ею. Ведь действительно, не найдешь сейчас виновного, почему вдруг стали жить, как в военное или послевоенное время. А то, что это действительно так, самый наглядный пример – керосиновая лампа, которую мать выкупила или выпросила у какого – то запасливого немца, уехавшего жить в Германию. Лет двадцать пять – тридцать прошло с тех пор, как перестали пользоваться ими.

Гидроэлектростанции, атомные станции хоть и наносили громадный ущерб природе из – за просчетов проектировщиков и строителей, страну тем не менее электроэнергией обеспечивали. Теперь же распался Союз, распалась единая энергосистема. Каждому досталось по одному обрывку энергетического одеала и каждый под своим лоскутком спасается, как может.

Поначалу даже керосина к привезенной матерью лампе не было. Позже его с большим трудом удалось достать в аэропорту. А уж чего – чего, но керосин, сколько себя помню, в селе всегда достать было можно. Видно и вправду перестройку, как и революцию, тоже надо делать с головой!

Все – таки мои скитания по воеводствам Польши, как и деятельность других активистов польских обществ, не пропали даром. Удалось привлечь внимание значительной части польского общества и первые приглашения на постоянное место жительства пошли именно не сверху, от правительства, а снизу, со

стороны воеводств и гмин.

Пришло приглашение и мне. Долго колебался перед этим, просить ли его или еще что – то попытаться сделать для своих земляков, оставаясь в Казахстане. Не знаю правильно или нет, но решил, что находясь постоянно в Польше, смогу теперь больше для них сделать. Кроме того, хотелось тоже иметь какие – то нормальные условия обитания, а главное – более уверенное будущее для своей семьи.

Мои слабые надежды получить приглашение на проживание в лодзьском воеводстве не сбылись. Или мне крайне не повезло там на встречи с заинтересованными, влиятельными и энергичными людьми в городском и воеводском руководстве, или же там не нашлось тех, кто под танки бросается.

А вот в тарнобжеском нашлись. И в руководстве редакции “Штафета”, что в Сталево́й Воле, и среди властей города. Много людей добрых и решительных, не с душой бюрократов. В Сталево́й Волю меня и пригласили.

Я возвращаюсь в Польшу вместе со своей семьей. Вот именно, не еду – возвращаюсь. На родину моих предков, на родину моего деда Юзефа. Сейчас я всего лишь на несколько лет старше, чем он в ту пору, когда его вместе с семьей увозили в Казахстан. Мы ровесники и мне кажется, что я как свои понимаю чувства моего деда, с какими он ехал в Казахстан и с какими бы возвратился обратно. Если бы возвратился!...

Поезд мчится на запад. Там, на родине моих предков, сегодня праздник – Вознесение в небо пречистой Марии – девицы. Здесь же за окнами вагона все та же обычная бескрайняя равнина. Пусть распаханная, в какой – то мере цивилизованная, но все равно все та же неизмеримая и суровая казахстанская степь.

Где – то там осталась навеки позади горько памятная нашим отцам и дедам станция Тайнша с установленным на вечный покой возле чахлого станционного скверика паровозом. Так и не потянула, несмотря на свое претензионное название – город Красноармейск – стать современным, элеганским городом. Осталась обширным степным поселком среди ровной без-

честной глади.

А вот уже и граница между Казахстаном и Россией. Взаправдашняя, с таможенными постами на дорогах, одетыми в незнакомую форму таможенниками, с паспортной системой. Не то, что во время моего деда, все было символическое.

Пора прощаться с прошлым! Прощайте все родные и близкие, знакомые и незнакомые мне. Также и все те, кто навеки остался лежать в казахстанской земле.

Я уезжаю. Я смог этого добиться. А сколько их, казахстанцев польского происхождения еще живет здесь, надеясь на эту дорогу? Так толком никто и не знает. Все более ассимилируются, разъезжаются. Но еще многие по – прежнему остаются там, надеясь на Польшу.

Так кто же виноват, что они до сих пор еще там остаются?! И не окажутся ли их надежды бесплодными?

Пусть Бог забудет о тех, кто забыл о них.

КАЗАХСКОЕ

ВРЕМЯ

Минуло почти десять лет с того времени, как я со своей семьей навсегда покинул Казахстан. Покинул Кокшетау и Зеленый Гай. Покинул ставшие всем спецпереселенцам, а особенно их потомкам близкими и знакомыми широкие поля и степи, которые только местами были поделены редкими лесополосами или украшены еще более редкими лесками и рошицами. Покинул все. Уехал в Польшу, на родину моего деда Юзефа, на родину моих предков.

Сейчас, когда во всей цивилизованной Европе исчезают границы, когда повсюду верховодит глобализм, а миллионы людей ищут, где жить еще лучше, о какой – то там любви к исторической родине предков уже вроде бы и говорить не прилично. Но всяком случае, не модно. Однако, быть иванами, не помнящими своего родства, это по - моему еще хуже. И вот теперь я уже в Казахстан еду в гости. К сестре Виктории, к другим, уже немногочисленным своим родственникам, друзьям, знакомым. Мало их осталось, тех, кого хорошо помнил и знал. Большинство – умерло. Некоторые уехали за ближние или дальние границы. А где остальные, не знаю.

В жизни каждого человека происходят разные изменения, и том числе и в его окружении. Однако если эти изменения слишком уж резкие, к ним все – таки трудно привыкнуть.

Когда человек после долгого отсутствия возвращается проведать те края, те стороны, где прошли его детство и юность, то есть лучшие годы жизни, он всегда чувствует в душе какую – то сентиментальность к прошлому. Забывается, отодвигается в непамять самое плохое, вспоминается только то, что мило его сердцу. Впрочем, не мною ведь сказано: и дым отечества нам сладок и приятен. Однако до этого отечества,

где сам родился и вырос, где родились и подросли мои дети, еще надо доехать.

Еду поездом. Еду со своим отцом – старичком. Собственно, это он и уговорил меня поехать:

-Хочу в последний раз увидеть те места, где моя жизнь прошла.

Действительно, годы и здоровье у него уже такие, что еще на одну поездку ему рассчитывать особенно нечего. Через несколько лет после того, как я сам перебрался в Польшу, перетащил туда же и родителей своих. Здесь надо признать, что пожалуй права польская поговорка: старое дерево не пересадишь. Старым людям особенно трудно привыкнуть к новому месту проживания, новым соседям, новой действительности. Все это так, тем не менее решусь утверждать, когда этим старым деревьям благоприятствуют климат и земля, то есть окружает их любовь и забота близких им людей, все еще не совсем аж так плохо.

Ну, что ж. Ехать так ехать. Я выяснил все, что надо с работой, оформил визы на выезд и поехали.

От моей Сталевои Воли, что на юге Польши до моего Зеленого Гая, что на севере Казахстана почти пять тысяч километров. Принимая во внимание пересадки, пять суток пути. Как давно уже не ездил я этой дорогой! А ведь, когда занимался в польском обществе поленийными делами, совсем уж было привык к ежегодным поездкам по этому маршруту. Тогда это стало уже как бы нормой моей жизни.

Что за это время изменилось за восточной границей Польши? Изменения заметные, причем почти сразу. Прежде всего на самой дороге. Появился целый ряд новых, хорошо охраняемых границ. Пожалуй, теперь по всей Европе не насчитать столько пограничных пунктов, сколько их находится на трассе Польша – Казахстан. Зоркие пограничники и особенно таможенники ожидают на путешествующих не только на трех главных новых границах: польско – белорусской, белорусско – российской и российско – казахстанской.

На российско – казахстанском участке границы еще во времена общего всем нам Советского Союза железная дорога была проложена в такой способ, что теперь поезд вынужден пару раз пересекать здесь одну и ту же границу. По два раза то въезжает в одно и то же государство, то выезжает из него. Поэтому во время поездки пассажиров почти каждую ночь снова будят, иногда по два раза. Это значит или опять куда – нибудь въезжаем, или выезжаем.

- Ну, не дадут человеку спокойно умереть! - жалуется отец, которого эти постоянные пробудки утомляют больше, чем сама дорога. – Это же придумать такое!

Усердные новые таможенники, получившие наконец – то власть в свои руки, на разные там причитания внимания не обращают. Старание их намного выше, чем их собратьев например на бывших польско – словацкой или польско – немецкой границах. Там нам с отцом тоже довелось проезжать, в гости и просто на экскурсию.

Таможенники, как им и положено, с серьезными, деловыми лицами проверяют документы, еще более старательно ищут недозволенный багаж. Надумали мы вот с отцом отвезти в Зеленый Гай уже не нужную нашей семье небольшую стиральную машинку марки “франя”.

-Они нам делали приглашение, потратились. Отвезем! У них там семья разрослась, кому – нибудь в хозяйстве пригодится - махнул решительно рукой отец, который и сам – то еле ноги передвигает, да и то с палочкой.

Я тоже все это понимал. Времени и денег сейчас на то, чтобы сделать приглашение в гости, надо немало. Между Казахстаном и Польшей введена визовая система. Никто толком не знает почему и кто первый с этими визами начал. В казахстанском посольстве утверждают, что это инициатива польской стороны. Странно! Ездят по этому маршруту как раз в основном поляки хоть в одну, а хоть в другую сторону.

Таможенники казахские бдительны исключительно.

- Где на эту стиральную машинку документы?

Франя машинка маленькая, вроде казахстанской алмаатинки, почти вся прячется в углу под столиком и лавкой. Все – таки была обнаружена. А может проводник – доброжелатель подсказал?

- Какие документы, начальник? - пробую полушуткой задобрить бдительного таможенника. – Этой машинке в субботу сто лет будет!

- Все равно, должны быть документы.

Таможенник – сама принципиальность. Стоит над душой, словно ангел – страж. Вздыхнув, спрашиваю напрямик:

- Пять долларов штрафа хватит?

- Нет, десять давай!

Выхода действительно нет.

- Бери, начальник.

- Но чтобы это было в последний раз! - глядя куда – то в сторону и неизвестно кому, то ли себе то ли мне говорит зоркий страж границы и деловито пряча деньги в карман, уходит.

Был еще совсем молодым и худеньким сержантиком. Мундир размера на два больше нужного просто висел на нем. Однако при таком принципиальном подходе к работе, несомненно скоро прибавит в весе, подумалось мне. Может он поэтому и заказал мундир с запасом? За десять долларов в Казахстане, кстати, можно купить десять бутылок не наихудшей водки. Как бы там ни было, бдительный страж порядка остался стоять на своем посту, а мы поехали дальше.

Еще один контрольный пункт оказался глубоко в Казахстане, аж под Кустанаем. Вошел пограничник с собакой, искали наркотики. В нашем вагоне такого товара не оказалось. К тому же его, на сколько я знаю, возят из Средней Азии в Европу, а не наоборот.

Новая столица Казахстана Астана (еще раньше Целиноград, перед тем Акмолинск, а когда – то Акмолла), что в переводе так и означает – столица, строится с размахом. Без сомнения на зависть всем околичным азиатским вождам. Может даже не только ближайшим, но и более отдаленным. Львиная часть денег получаемых за нефть идет на эту стройку.

Строятся одновременно огромные прекрасные служебные здания для разных министерств и ведомств. Строятся хорошие благоустроенные квартиры для жителей – счастливцев этого города. В разной степени закончения находятся современные аэропорт, вокзал и автостанция.

Строители Астаны от всех прочих трудящихся республики отличаются прежде всего тем, что имеют высокую и главное систематически выплачиваемую зарплату. Не забывают в городе, и также вокруг него и о хороших, можно сказать, люксовых дорогах. Столица Казахстана несомненно будет выглядеть на ширь многим главам государств, на каком бы континенте они не находились.

На вокзал в Астане поезд подошел уже на закате солнца. Возле самого вокзала производился какой – то ремонт и весь асфальт вокруг было перерыт и перекопан, поэтому поезд поставили чуть ли не в тупике. Надо было обходить метров сто, если не больше по всему этому бездорожью, чтобы добраться на вокзал. Трудно бы нам пришлось со своим багажом. Выручил казах лет тридцати пяти по имени Болат. Встречал здесь передачу, которую мы ему привезли от земляков с посольства.

Взялись мы с ним с двух сторон за машинку - в других руках держали сумки - и двинулись по рытвинам и ухабам на вокзал. Здоровяк Болат без особого труда тащил не только наш багаж, но и меня вместе с ним. Отец с палочкой в одной руке и с полупустой торбой из – под еды в другой с трудом поспевал вслед за нами.

Как оказалось, поездов теперь стало ходить очень мало. За всю ночь Тайнши не ожидалось ни одного. Подхватили мы снова с Болатом вещи и понеслись теперь уже на автовокзал. Там, хоть с трудом, но все – таки успели на какой – то явно заблудившийся в ночи междугородний автобус. Шел он где – то со стороны Павлодара в Петропавловск.

- Рахмет, Болат! Спасибо.

Но Болат с привезенным нами тюком спешил уже куда – то дальше.

Едва только старенький, тряский и дымящий автобус выехал за пределы столицы, как нас снова остановили. Очередной, теперь уже милицейский пункт проверки документов. Многие граждане в новонарождающейся суровой капиталистической реальности, напоминающей своим поведением скорее подкрадывание голодного волка, чем первые шажки робкого ягненка, не хотят, а скорее всего не могут найти себе места. Не имеют средств на жизнь. А от людей без жилья, работы, еды можно ожидать только плохого. Значит нужна постоянная бдительность всех соответствующих служб!

При тусклом и слабом внутреннем освещении салона уже не молодой поставой с погонами капитана с заметным усилием пытается выдобыть какую – то информацию из наших польских паспортов. Скорее всего, не удастся. Поэтому сказав неопределенное угу, с важным видом возвращает нам документы обратно. Снова двигаемся в ночную мглу.

Автобусом этим удалось доехать только до Кокшетау. Хотя я прожил здесь, так сказать, всю свою сознательную жизнь, в этот момент мне сюда было не надо. Отцу тем более. А до Зеленого Гая, куда мы решили ехать первым делом, было еще почти полторы сотни километров.

Начиналось раннее августовское утро. С вечера, а возможно еще и ночью попадал хороший дождь. Всюду стояли лужи и было сыро. Как всегда после дождя, приятно пахло зеленью тополей, но было прохладно.

С информации, вывешенной на автовокзале я узнал, что наш автобус будет только после обеда. Не ожидалось также никакого поезда, чтобы доехать до Тайнши. Сидеть на скамейке и ждать еще почти полсуток на автобус не было сил уже не только у отца, но и у меня. И так практически ни одну из последних ночей нормально не спали.

- Что будем делать? - возвратился с вопросом к отцу.

- А что здесь еще остается делать? - сказал обычно экономный отец. – Надо какого – то частника – таксиста нанимать. Вон они там в темноте крутятся.

- А государственных такси здесь уже и нет - сказал я ему и утешение.

Нашел за три тысячи пятьсот тенге, то есть примерно за двадцать пять долларов старый, изношенный жигуленок. В Казахстане почти весь транспорт старый и изношенный. Это и не удивительно. Своих предприятий по выпуску легковых и грузовых автомобилей нет. Все доставлялось когда – то из других республик соответствующими приказами и распоряжениями из Москвы. Сейчас нет Союза, нет приказов и нет транспорта. Теперь за все надо платить валютой, которой в Казахстане также нет.

Вот и вынуждены мы были ехать старичком – автомобилем. Жигуленку можно было только посочувствовать. Впрочем, как самому водителю, да и его пассажирам тоже. Дорожный асфальт был весь в ухабах и ямах, заполненных водой. Причем, чем ближе было к конечному пункту нашего назначения, тем хуже становилась дорога.

- Обычно мы ездим сюда полевыми дорогами – объяснил при okazji водитель, – так быстрее и безопаснее. Но сегодня был дождь, всюду грязь, приходится ехать по асфальту.

Водитель – казах, который также имел своих родственников в Зеленом Гае – впрочем казахи имеют своих родственников везде, где только живут их земляки – хорошо знал эту трассу и петлял своим жигуленком по дороге, словно заяц, лавируя между всеми подозрительными лужами. Тем не менее, пару раз и он ошибался, и мы на такой скорости влетали в замаскированные водой ямки – ловушки, что у автомобиля едва не вылетали колеса, а у нас зубы. Поэтому нам приходилось крепко держать языки за зубами, чтобы при okazji не остаться также без них.

Все же за каких – то два с половиной часа мы благополучно добрались до нашего родного села, где со своими уже взрослыми детьми по – прежнему живет моя сестра Виктория. На встречу с нами собрались все ее три дочки со своими семьями. Самый младший, сын Коля жил еще с родителями.

Встреча после стольких лет разлуки, как это всегда бывает в хороших семьях, оказалась радостной и многоголосой:

- Ну, слава Богу!
- И мы так говорим!
- Как добрались - то?
- Уже не думал, что встречу еще с вами - уронил слезу отец.

Каждый по своему, но радовались все. Реальность их жизни однако оказалась далеко не такой веселой и счастливой, как этого можно было ожидать по их лицам. Ни одна из трех замужних дочек не имеет работы. Сидят с малыми детьми и занимаются домашним хозяйством. Их мужья постоянной работы также не имеют. Пробуют со слабым успехом подрабатывать или, выражаясь по – новому, занимаются бизнесом. Выращивают, как впрочем и многие в селе, свиней. Однако, так же, как и все остальные, имеют проблемы со сбытом своей продукции.

- Границу казахстанско – российскую для нашего мяса то открывают, то снова закрывают – жалуется старший зять Владислав. – Нас ведь только то и спасает, что завезем свинину в Россию, в Омск и продадим там. Иначе свиней просто не оплачивается держать.

Для внутреннего потребления свинины в Казахстане производится явно больше необходимого. Как горько шутят по этому поводу сельчане, свиней в селах больше, чем людей. Тем более, что казахи свиного мяса практически не употребляют, а многие из русскоязычных, которые свинины поели бы с удовольствием, не имеют на ее покупку денег.

Почему все так получается, бывшие простые колхозники, а теперь члены АО понять не в состоянии. Подозревают только, что здесь замешана большая политика и матерят всех подряд.

- Гады, развалили Советский Союз, а теперь у самих ума не хватает порядок навести! - комментируют они происходящее.

Добавочно зятя пробуют заняться пчеловодством. Младший из них, Николай, родом из Киргизии. Вместе со своими родителями немного занимался там пчеловодством. Решил он и здесь использовать кое – какой опыт, накопленный в этом деле. Уговорил других зятьев заняться разведением пчел. Делать ведь что – то надо, у всех малые дети.

Степные просторы северного Казахстана конечно уступают гористой южной Киргизии, как в отношении климата, так и растительности. На их счастье, зеленогайское АО некоторые поля решило засеять подсолнечником. На здешних распаханых землях это единственный стабильный источник корма для пчел. Маленькие крылатые труженицы не подвели. В общей сложности принесли моим родственникам более тонны подсолнечникового меда. Однако, появилась новая, а скорее старая проблема - со сбытом. Оптом сдавать некуда. Все, в том числе кулинария, в упадке.

Конечно, найти тех, кто любит мед, не проблема. Проблема найти тех, кто имеет деньги на мед. Вот и получается, что на массовые закупки меда какими – либо организациями трудно рассчитывать. А рядовые граждане берут этого меда немного, в буквальном смысле, как на лекарство.

- Сладкий мед да горько с деньгами! - прокомментировала со вздохом эту ситуацию одна из пенсионерок.

После распада Советского Союза и появления независимого Казахстана минуло уже более десяти лет, а ситуация в экономике страны крайне тяжелая. И это несмотря на то, что в Казахстане в отличие от других республик бывшего СССР не было заметных военных и национальных конфликтов, не было разрушений. Народы в Казахстане приучены терпеть. Видимо в соответствии с известной русской сентенцией: Бог терпел и нам велел.

Причин слабого развития, а скорее полного развала в последнее время экономики республики несколько и ни для кого не являются секретом. Прежде всего сильная хозяйственная зависимость от других бывших советских республик. Например, практически нет предприятий, производящих какие – либо транспортные средства.

Повсюду заметен слабый надзор правоохранительных и других контролирующих органов за производством, назначением и использованием материальных ресурсов края. Везде всего не хватает.

Вообще создается такое впечатление, что в Казахстане все еще продолжается неразбериха и анархия первых лет после распада СССР. Какого – то более – менее планового развития страны не видать. Известный тезис, что рынок сам все направит, подходит только тем, кто не знает, что делать дальше.

Как в России новые русские, так в Казахстане появились новые казахи. У многих новых ума хватило только на то, чтобы прихватизировать что – нибудь государственное. А вот, что потом делать с этим неожиданно приобретенным добром, с этим оказалось уже значительно труднее.

Не знаю, сколько в этой истории есть правды, но, говорят, вскоре после провозглашения независимости республики, в Казахстан пригласили для консультации известного экономического специалиста из Польши Лешка Б.

- Решили мы свою экономику перестраивать на капиталистическую путем шоковой терапии, как в Польше! - торжественно сказали ему в Алматы. – Поможешь, пан?

Ознакомившись с реальностями казахстанской перестройки, крестный отец этой самой шоковой терапии ответил:

- Это у вас не шоковая терапия, а шоковая хирургия!

Регулярно свои зарплаты получают только чиновники, представители интеллигенции и пенсионеры. Однако и это уже большой шаг вперед по сравнению с тем, что было еще несколько лет назад. Второй большой шаг – это постоянная электрическая энергия в домах. Еще несколько лет назад и с этим были большие проблемы и даже трагедии. Особенно зимой. Застревали в огромных снежных сугробах буквально в нескольких сотнях метров от населенных пунктов легковые автомобили. Водители и пассажиры замерзали, не видя перед собой никаких огней. Света по – просту в селе не было.

Все остальное в новом государстве – тяжелая и легкая промышленность, строительство, здравоохранение и многое другое – или на таком же само низком уровне, или же еще больше ухудшилось.

Даже и те небольшие и нестабильные деньги, которые за-

рабатовывают, как их называли раньше, простые советские люди, особенно в селах крайне редко получают на руки. Разве что кто – то серьезно заболевает или кому – то куда – то срочно надо ехать. Скажем, на похороны. Остальные сельчане, что – бы хоть как – то использовать заработанное собой, вынуждены брать продукты и другие необходимые товары в так называемом колхозном магазине на талоны.

В селах, в том числе и в Зеленом Гае, появились также и частные магазинчики. В них и товары получше, и выбор побогаче. Однако там надо платить деньгами – теньгой. А это далеко не всегда и не для всех по карману. Поэтому питаются и основном тем, что вырастят в собственном огороде и в собственном хлеву. Колбасу в бывшем колхозном магазине я за все время видел только два или три раза. Цена ее была такая, как лучших сортов колбас в Польше. Но ведь не сравнить же среднюю зарплату в Польше и в Казахстане!

Сижу упершись плечами о стену по другой стороне дома, со стороны огорода. Солнце уже заметно поднялось над горизонтом, над домами. Судя по всему, день опять обещает быть солнечным и жарким. Механизаторы и комбайнеры только что пошли к своим тракторам и комбайнам, начинается уборочная. Будут ли они сегодня работать и хватит ли всем соллярки, или опять ни с чем вернутся домой, это уже другой вопрос.

Отец еще спит. Сестра, выдоив корову, что – то там готовит в кухне на завтрак. Вокруг тихо. Солнце еще не печет, только ласково греет и не мешает мне думать. Скорее даже помогает. В юности я тоже любил вот так утром в выходной день тихо посидеть на огороде, посмотреть на зеленеющие или созревающие грядки с огурцами и помидорами, редиской и луком. Или же на кусты смородины и малины. Любил смотреть и думать о том, что видел перед глазами, и о том, что хотел бы видеть. Боже, как давно это было и как все быстро минуло!

Пару дней назад я решил проехать велосипедом по всем улицам села. По порядку и от начала до конца. Удручающее зре-

лице. Нигде не видно хотя бы одного нового, построенного за последние годы дома. И наоборот, много пустых мест из – под домов, а также домов разваленных и разваливающихся. Что самое казалось непонятное, такие же разваленные дома находятся также и в центре села. Там, где места под постройку всегда ценились очень дорого, там, где так трудно было когда - то добыть себе место под фундамент, под жилье. Теперь именно здесь как раз больше всего пустых мест.

Владельцы этих пустырей или умерли, или выехали, или же перебрались в более новые немецкие дома. Проезжаю стареньким, трясущимся – одним на четыре семьи – велосипедом по улицам родного села. Смотрю на тех земляков, которые встречаются мне по дороге или же стоят возле своих домов. Смотрю и никого не узнаю. Даже тех, которые выглядят на моих ровесников и ровесниц. Не узнаю тех, с которыми может быть когда – то, почти полвека назад бегал босиком по пыльным сельским дорогам. Не узнаю тех, с которыми позже, лет тридцать назад ходил вместе в клуб на танцы или в кино. Да и многих из тех, кого видел последний раз всего - то лет десять - пятнадцать назад, тоже не сразу узнать. Время изменяет людей страшно!

Не шадит оно и самого села. Смотрю на развалины домов, на пустые заросшие травой места, оставшиеся после них и слегка задерживая бег велосипеда или же вообще останавливаясь перед ними вспоминаю.

Вот здесь жили два моих друга детства и юности Райнгольд и Павел. Оба уже давно лежат на кладбище. Преждевременно, ох, как преждевременно покинули они этот мир! А здесь когда – то жил мой сосед и одноклассник, мой дорогой Мице! Небольшого роста, стройный и с характером. Имел свой гонор – гордость, как говорят в Польше. Погиб во время учений в армии.

Потом он мне несколько раз снился. Причем один раз в очень странный способ. Встретились мы с ним словно бы на улице села. Как и раньше, невысокого роста, шупловатый и одет

и военный мундир. Причем я знал, что он не живет. Был мой друг грустный, но спокойный.

- Мице! - сказал я. - Скучаю я без тебя. Как жаль, что тебя уже нет здесь!

- Не переживай – ответил он, словно бы успокаивая меня.
- Там, где я теперь, тоже не плохо. Когда будешь здесь с нами со всеми, сам увидишь.

- А скоро там буду? - с какой – то надеждой спросил я.

Мечислав понимающе и по – доброму усмехнулся:

- Не скоро! Но будешь...

С того времени прошло уже более тридцати лет.

Теперь в его бывшем доме, который стоит рядом с костелом, живет какая – то совсем незнакомая мне молодая семья. Целыми днями из усилителей во дворе разносится громкая музыка. Что ж, молодежь она всегда молодежь.

А там, на другой улице, рядом с первым нашим домом, жила когда - то семья Грапп. Прекрасный яблоневый сад имели они! Один из первых в селе. До сих пор помню кислотовато – сладкий и чуть терпкий вкус тех маленьких яблочек – ранеток.

Сейчас их старый дом за бесценок выкупил какой – то приезжий, но в нем не живет. Саманный, заметно осевший дом закрыт на замок. В сумме надаётся теперь только на слом. Сада нет уже давно, а бывший всегда так старательно ухоженный огород зарос разными сорняками высотой в пояс.

Еще чуть дальше, за два – три дома, жили когда – то Биурковы. Одна из немногих русских семей, оказавшихся каким – то чудом в нашем селе.

Мой отец главу этой семьи характеризует так :

- Степан коммунистом был, но был очень честным человеком. Заведовал мельницей, а сам ходил голодный. Многие колхозники этого не понимали и удивляясь говорили друг другу: как можно на такой работе голодать? Умер он преждевременно.

С тех лет, с которых я помню себя, в их доме уже жила только мать с двумя сыновьями – подростками. Хлопца вырос-

тали сорви – головами. Не раз далеко вокруг было слышать, как мать материт их на чистом русском языке:

- Дождусь я когда – нибуд от вас помощи, паразиты вы такие, или нет?!

Братья огрызаясь друг на друга и бормоча что – то там себе под нос, шли наконец помогать матери. Из того, что я знаю, оба со временем выросли на обычных, нормальных людей. Старший даже выучился на офицера, служил в автобате. Младший где – то в Красноармейске работал шофером на грузовике.

Моя мать вспоминает старую Бирукову добрыми словами:

- Поженились мы с твоим отцом, а ничего у нас нет. У тещи, у твоей бабушки Евы был только один трехлитровый котелок на всех. Суп в нем готовила. А нам же свой хотелось иметь. Даже воды согреть, чтоб дитя помыть или что – то там постирать не в чем было. Узнала об этих наших проблемах Бирукова, говорит, у меня дома есть большой старый чугунок, возьмите его, может пригодится вам. Чугун действительно был большой, литров на восемь, но оказался дырявым. Пошел твой отец к одному старому немцу, который был мастером по этим делам. Он был из тех немцев, которых выселили из Кавказа, хотя все его звали почему – то русским именем Егор. Жил он возле старой больницы. Егор осмотрел чугунок, говорит, могу я вам это дно заклепать, чтобы вода не бежала, но надо кусок какой – то жести.

Иду я опять к Бируковой. Не найдете ли что – нибудь еще? Та порылась - порылась в своем хозяйстве, нашла какую – то ржавую, сломанную лопату. Пошел твой отец снова к Егору. Тот действительно оказался мастером на все руки! На столько все старательно и хорошо сделал, что и смотреть было приятно, и дно не протекало. Так появилась у нас первая собственная вещь - котелок! До сих пор вспоминаю русскую Бирукову и немца Егора добрыми словами. Очень они тогда нам помогли...

Уже давно нет в селе ни Бируковой, ни того Егора. Кто знает, где они и живы ли? Скорее всего, нет. Пусть будет тогда земля им пухом!

По другую сторону от того пустого теперь места, где ког-

да - то стоял наш старый дом, живет последняя из оставшихся в селе дочек Франека Жоломского Люба. Она замужем за немцем. Собираются в Германию. Уже давно там другие соседи братья Вальтеры. Выехали туда, как и многие тысячи других казахстанских немцев.

Кстати, о наших немецких земляках – односельчанах. Ездили мы с отцом пару лет назад из Польши к ним в гости в Германию. Мы с женой остановились у ее брата Владика, а отец направил все свои силы и старания, чтобы встретиться со своими старыми друзьями из четвертой бригады. Ему повезло. Как раз на те дни и в тех околицах была назначена встреча немецких земляков – зеленогайцев. Его появление на этой встрече бывшие коллеги посчитали за чудо.

Позднее отец рассказывал:

- Смотрят так внимательно то один, то другой на меня, некоторые даже глаза протирают на всякий случай. Потом неуверенно подходят, спрашивают: Миколай, это ты!? Но как ты сюда попал? Ведь у тебя же в семье нет ни одного немца!

Земляки думали, что и отец перебрался в Германию на постоянное жительство. Успокоил он их в такой способ:

- А вы что, думали, спрячетесь здесь от меня, не найду вас? Нашел вот!

Засмеялись тогда старые друзья и крепко обнялись.

А перед встречей у них там прошла месса для верующих. Проводил ее ровесник отца, еще достаточно крепкий Рентс Райнгольд. Я помнил его. Работал он также, как и мой отец, долгие годы трактористом, а последние лет десять слесарем в мехмастерской. Он и тогда среди своих земляков был неофициальным пастором.

- Я его помню еще с детских лет – говорит мне отец. – Нас везли с Украины в одном вагоне.

А вот этого я не знал.

Узнав, что я приехал из Польши, проведать меня в Зеленый Гай приехал также Юзик Жоломски. Боже, не узнал его! Только

голос тот же, хотя уже немного приглушен, да смех короткий и словно извиняющийся, как когда - то. Но лицо все в морщинах. Что ж, не нами замечено и не нами сказано: часы идут, дни бегут, а годы летят.

Приехал Юзик буквально на вечер.

- Завтра утром на работу – оправдываясь, говорит он. - Сам понимаешь, опаздывать нельзя! Сейчас за такое дело одно только наказание – выгоняют с работы. А в нашем возрасте где еще работу найдешь? Так что я к тебе буквально на три часа.

- Ну, что ж, за три часа тоже можно много выпить! - утешаю я его и себя.

Привез Юзика сын, уже далеко не новым, но еще в меру исправным жигуленком. Второй его сын учится где – то в сибире, кажется в Томске. Учеба сына дорого обходится родителям, а с заработками трудно.

- Я в нашей Макашевке сейчас на току работаю. Много ли там зарабатываешь? Да и то работа сезонная. Хорошо, жена учительница, хоть она зарплату систематически получает. А в основном спасает нас домашнее хозяйство – корова, свиньи. Может удастся выучить сына, на прокурора учиться.

-Выучишь! - успокаиваю я его. – А уж кто – кто, но прокуроры в Казахстане без работы не сидят, еле успевают других садить. Давай пока что выпьем за нашу встречу, дай Боже не последнюю, да вспомним что – нибудь из нашей молодости.

Юзик любит вспоминать.

- А помнишь – начал он, закусывая очередную стопку копченым салом. Только оно и осталось от зарезанной по поводу нашего приезда свиньи, - как....

- Как ты хорошо домашних свиней умел рисовать? - полуслушут прерываю его. – Помню!

- Сейчас не об этом я – усмехается тот. – А если серьезно, тогда мы тоже трудно жили. Может быть даже тяжелее было, чем сейчас. Зато была какая – то уверенность в душе. Во всяком случае надежда, что со временем жить будем лучше. А получилось? Это жизнь может?!

- А ты знаешь, Юзик, - перевел я разговор на еще более

грустную тему, - что совсем недавно умер наш друг и одноклассник Франек Турович?

- Знаю! - со вздохом сказал Юзик, откладывая в сторону шилку. – Только мне поздно сообщили об этом. На похороны не успел приехать - и чуть подумав, произнес невесело то, о чем и уже и сам не раз думал. – Не осталось в Зеленом Гае уже никого из наших ровесников и одноклассников.

Да, никого из наших одногодков в селе не осталось. Последним вот Франек... Помню, во время нашей молодости, в центре села еще пустовала площадь. Была на ней только волейбольная площадка, где по вечерам целыми часами парни играли в волейбол. Как раз Франек был одним из любителей этого вида спорта. Был Франек правда не слишком быстрый и подвижный, уже и тогда имел излишний вес, но зато владел крепким и точным ударом. Мало кто после его подачи мог принять нормально мяч.

Говорят, в последние годы Франек любил выпить, а сердце имел не очень здоровое. И случилось то, что случилось. Теперь вот Юзик уезжает через несколько часов, я – через несколько дней, и в Зеленом Гае уже никого не будет из нашего пятьдесят первого года рождения. Как бы и не родился тогда в селе никто. А ведь два класса нас было, “А” и “Б”. Двадцать пять пацанов, не меньше. И не такие ведь мы еще старые сейчас. Чуть больше пятидесяти лет. Должно бы полно нас быть! Порой просто хочется выйти на улицу ранним утром и крикнуть громко: “Хлопцы, девчата, где вы?!” Но знаю, никто не откликнется из предрассветной мглы, не отзовется, потому что никого уже здесь нет. Некоторые выехали за дальние границы, некоторые за ближние. Кто – то умер, кто – то неизвестно где. Вот и получается, нет никого из нас в таком большом селе. В лучшие свои годы насчитывало оно пятьсот дворов. Страшно!...

И все – таки в Зеленом Гае сельчанам еще можно жить. Из других сел люди вообще убегают. Один из зятьев сестры, организатор пчеловодства в семье Николай, узнав, что в совхозе имени Кирова, в том самом знаменитом целинном, в тридцати

километрах от Зеленого Гая, в один из ближайших дней будут выдавать пенсию, решил поехать туда. Взял и меня с собой.

Дребезжащим и чихающим, как алкоголик с похмелья мотоциклом неизвестной марки, но который возможно был выпущен в одно время с новым ковчегом, ехали мы ровной, укатанной полевой дорогой. После нескольких горячих августовских дней, от того дождя, который встретил наш приезд, не осталось и следа. За мотоциклом, несмотря на его пародийную скорость, даже пробовала подняться пыль.

Вдали, слева от нас, мелькнул одинокий полуразваленный домик с небольшим топольком возле бывшего крыльца. Это все, что осталось от когда – то хоть и небольшого, но уютного и гостеприимного сельца Новобриловка. Когда – то мои ровесники ходили сюда к девочкам, хотя те больше предпочитали парней из Ясной Поляны. В Поляну им было ближе, многие из них там учились, потом в основном туда все и перебрались.

По сторонам нашей дороги расстилались поля слабоватой в этом году и еще зеленой пшеницы. Уборка пока что не началась. Для сравнения. В Польше уборочную заканчивают в половине августа, когда в Северном Казахстане ее только - только начинают. В этом году ситуация здесь еще хуже. Весна выдалась поздняя, начало лета холодное; даже в день температура редко превышала десять градусов. Вдобавок, впрочем это как всегда, было маловато дождей.

Зато сорняков на полях предостаточно. Ни в Зеленом Гае, ни тем более в других, еще беднейших и слабших хозяйствах нет денег ни на химикаты, ни на дополнительную обработку полей. Вот и цветут сорняки себе на здоровье, никем особенно не беспокоенные.

Временами, заглушая треск нашего мотоцикла, долетал треск легкого двигателя с неба. Там летают два дельтоплана. В буквальном смысле слова разгоняют ворон. В АО несколько полей засеяны подсолнечниками, ну и разные пернатые любители бесплатных семечек тучами кружатся над золотистыми шляпами созревающих подсолнечников. А над ними в свою

очередь, словно огромные хищные птицы непонятной породы кружатся дельтопланы, мешают пернатым спокойно выдалбливать семечки. Хоть с трудом, но вроде бы справляются со своими обязанностями. Однако и в этом деле не обошлось без приключения. Один из пилотов не рассчитал высоту и зацепил колесами за высоковольтную линию электропередач. Дельтоплан упал и развалился на части, пилот с разными переломами попал в больницу.

К началу выдачи пенсии в Кирово мы все – таки успели. И здесь же, прямо возле конторы совхоза зять продал несколько литров меда. Старушки охали, ахали, жаловались на цены, на весь мир и местные власти, но мед все – таки покупали. Скорее всего, на лекарство, или же для своих любимых внучков.

- Может вспомнят меня когда – нибудь добрым словом – поймав пальцем падающую капельку сладкой, ароматной жидкости и с аппетитом слизнув ее языком, со вздохом прокомментировала покупку одна из них.

Пока зять занимался торговлей, я решил подойти к одному из ближайших домов, к женщине, которая что – то там ковырялась в своем огорожке. Выглядела она вряд ли больше, чем на сорок лет. Была средней полноты и имела спокойные, чуть печальные серые глаза.

Я приблизился, остановился возле забора, присмотрелся. Женщина копала, видимо на обед, не наилучшую в этом году картошку. Назвалась Татьяной.

- А вы почему не идете покупать мед? - спросил я ее опираясь о плот и добавил полушутя. – Не любите что ли меду?

- Не за что покупать – без особых эмоций пожалала та плечами и добавила, как о чем – то само собой разумеющимся. – Денег – то нет.

- Может тогда хотя бы чаем угостите – продолжил уже более серьезно, - а при okazji расскажете, как вы здесь живете?

- Угостила бы, но уже неделю, как сами без чая сидим, заварка кончилась – так же спокойно, почти равнодушно ответила она, внимательно в то же время подбирая с земли выкопанную

картошку. Урожай без малого с десяти кустов поместился в одном ведерке.

После небольшой беседы выяснилось также, что питьевая вода тоже на исходе. В этом совхозе, как и в нескольких соседних, нету хороших грунтовых вод. Вода здесь горько – соленая. В лучшие годы, когда совхозы только организовывались, воду к ним подвели водопроводом из Сергеевского водохранилища. Это в нескольких десятках километров от Кирова на север. Теперь какой – то проворный бизнесмен, из тех, что каким – то образом вдруг разбогатели, выкупил весь этот водопровод и теперь требует от сельчан за доставку воды деньги.

Муж Татьяны постоянной работы не имеет, вдобавок пьет. Она сама получает какое – то там пособие в размере тысяча пятьсот тенге. То есть десять долларов в месяц. Живут, а точнее еще существуют за счет своего подсобного хозяйства. Ни им, ни кому – нибудь другому за воду платить нечем. Поэтому доставку воды по трубопроводу в их село прекратили. А чтобы вообще не умереть от жажды, сельчане нанимают водовоз. Привозит из расчета одна сорокалитровая фляга на дом. Хватает только на приготовление пищи и питье.

Вся эта маловероятная для цивилизованного мира история вызвала у меня целый ряд вопросов.

- Ну, а где же стираете, моетесь, скот поите?

- Там за селом пруд есть – так же без особых эмоций махнула куда – то рукой собеседница. – Туда ходим. Или же дождевую воду собираем, зимой снег топим.

Помолчала с минуту и добавила уже с большей безнадежностью в голосе:

- Скоро наш совхоз объявят банкротом и все продадут за долги. Тогда еще хуже будет. Все, кто может, за бесцен продают свои дома и убегают, кто куда. Директор наш уже несколько недель от людей прячется, нет денег на зарплату. Мои родители сюда приехали из России, из омской области, на целину. Нас там теперь никто обратно и не ждет. Да и на оформление загранпаспортов, на выезд нужны большие деньги, а у нас ничего

ист. Ну, ладно, пойду теперь курей и уток кормить, потом корову буду доить. С голоду может не помрем.

От совхоза имени Кирова до совхоза Советский, где когда то поселились Ясиньские не очень далеко, километров двадцать с небольшим. Увы, в последние годы наша семья потеряла с ними практически всякую связь. Знали только, что уже немало лет минуло, как умер Леон, а вслед за ним и его жена. Оставили этот свет также и некоторые из детей их, которые ведь были ровесниками моих родителей. Живет ли хотя бы еще ктонибудь из внуков и правнуков Леона в Советском или все уже давно поразъезжались, неизвестно. Ехать туда и расспрашивать об этом не стал. Кто меня там знает, да и кому я там что скажу? Вот так и получается, словно и не было их на свете, словно и не были никогда нашими родственниками. Что ж, такова жестокая правда жизни.

В АО Зеленый Гай, то есть бывшем колхозе Звезда Коммуны по – прежнему еще есть четыре бригады. По – прежнему все на своих местах. Полевой стан одной из них, третьей, возле села. Остальные разбросаны полукольцом километрах в пятнадцати – двадцати дальше. Столько раз бывал в них по делам или же работал, разве такое забудешь? А как дела в бригадах сейчас?

Еще один из зятьев сестры – Валентин развозит автомашиной – бочковозом по этим бригадам воду. Работы имеет на четыре часа в день. Соответствующая и зарплата. Старенький газ – 53 , как все и вся изношен, скорость набирает с натугой и стоном, как старый, доживающий свой век конь. Скорее даже, как осел. Вдобавок, самодельная прокладка в выхлопной трубе прогорела и пропускает в кабину газы. Однако, на наше счастье за окном еще летняя, теплая погода и можно ехать с открытыми окнами. Поэтому я воспользовался okazji и поехал вместе с ним.

Ситуация с техникой на полевых станах почти везде одна и та же. В каждой бригаде в готовности по десятку больших и меньших тракторов, по несколько зерноуборочных и силос-

ных комбайнов. Вся эта техника в среднем имеет лет по пятнадцать. Вся изношена. Нет ни качественных горюче – смазочных материалов, ни хороших, заводских запчастей. Новые зерноуборочные комбайны только обещают поставить.

В прошлом и позапрошлом году, рассказывают, АО имело как раз неплохие урожаи пшеницы.

- Ну и где это зерно, где деньги за него? - спрашиваю я.

Никто не знает, куда девалось зерно и куда деньги. Никто также не знает, кто сейчас является истинным руководителем, а точнее властителем бывшего колхоза. Некоторые говорят, что эта личность находится в Астане, другие, что даже в Москве.

За происходящими вокруг изменениями действительно просто не успеть. В том числе и в плане административном. И не только на территории бывшего колхоза. Уже нет также прежнего района. Земли трех районов: красноармейского, келлеровского и чкаловского объединили в один. Называется теперь таиншинский. Не стало, как не было и в предвоенные годы кокшетауской области. Ее земли поделили между северо – казахстанской областью с центром в Петропавловске и бывшей целиноградской с центром в Астане. Это все только добавило неразберихи.

А ведь кажется еще совсем недавно, благодаря тяжелой, изнурительной работе спецпереселенцев и их потомков, колхоз в конце концов выбился из нищеты, встал на ноги. В годы своего расцвета был одним из лучших в бывшей кокчетавской области. Был одним из самых богатых среди многих десятков других колхозов и совхозов. В те годы уже хватало денег и на покупку новой техники, и горюче – смазочных материалов, и качественных запчастей.

Колхоз строил асфальтированные дороги и новые дома для колхозников. Последний многолетний председатель колхоза много сделал и для самого села, и для людей.

- Сегизмунд Антонович временами крутой был – вспоминает его отец, - но дело свое знал хорошо и с ним можно было работать.

Вскоре после него колхоз был преобразован в АО. Но преобразовать, реорганизовать что – то, это еще не все.

Сейчас в селе нет ни хорошей техники, ни хороших горюче-смазочных материалов. Разбитые дороги никто не ремонтирует, не говоря уж о постройке новых дорог. Каждый раз, когда я снова и снова прохожу по селу, мне становится страшно, а сердце болит от тоски. На каждой улице виднеется по несколько пустых мест от бывших домов. Некоторые пустыри уже густо поросли травой и бурьяном, на некоторых площадках еще виднеются развалины стен. Кое-где дома только начинают разваливаться. И практически повсюду незнакомые лица.

Мгла затуманивает мне глаза, а в ушах появляется далекий звон. И сквозь эту мглу, и этот звон словно бы вижу и слышу моих друзей, ровесников моего детства, моей юности. Вот здесь жила Алла, внучка доктора Крашевского. Была не по годам серьезной и неприступной. Или может мне это так тогда только казалось?

А здесь, где была когда – то условная территория колхозников четвертой бригады жили мои немецкие друзья: Фридрих, Эвальд, Ира. Эти где – то в Германии. Кого и когда из них еще увижу? И увижу ли вообще? Последний мой одноклассник, единственный из моих одноклассников Франек, который еще оставался в селе, умер вот за месяц до моего приезда. Э – эх, жизнь...

Нет моих старых друзей, остаются еще только старые дома. Новых домов не строит никто. Люди разъезжаются кто куда. Немцев в селе практически не осталось. Было их, как и поляков примерно поровну, процентов по сорок - сорок пять. Сейчас немцев в Зеленом Гае, собственно, как и в других окрестных селах фактически нет. Остались отдельные смешанные семьи. Все остальные выехали нах фатерлянд – на родину предков.

Количество поляков тоже уменьшается. Увы, поляки выезжают прежде всего как раз не в Польшу. Родина – мать, кроме многочисленных заявлений и обещаний о постоянной памяти

и заботе о своих сосланных и позабытых в далеких степях детях, практическому примеру Германии в этом вопросе не спешит.

- Польша не такая богатая, как Германия – отвечали мне.
- Мы не можем принять столько репатриантов.

- Но ведь на каждого переселившегося в Польшу казахстанского поляка приходится сто, если не больше переселившихся на свою родину немцев – отвечал им. - Так что, хотите сказать, Польша в сто раз беднее Германии? Не преувеличивайте!

Молчат.

За последние десять лет, в соответствии со всеобщей переписью населения Казахстана, число поляков в этой стране уменьшилось почти на пятнадцать тысяч человек, то есть на одну треть. Процесс этот продолжается дальше.

Только три тысячи из моих земляков переселились к этому времени в Польшу. Остальные выехали в Россию, прежде всего в омскую и калининградскую области и на Украину. Очень многие из смешанных польско – немецких семей приняли решение переселиться туда, куда приглашают – в Германию.

Польша своих земляков принимает не слишком организованно и без особого заинтересования. Практически всю проблему репатриации правительство свалило на местные органы власти, прежде всего на вуйтов и бурмистров. А у тех и своих забот полно. Особенно теперь. Ведь в ЕЭС вступаем! Многие сами не знают, как до лучших времен дожить.

Не понятно, а может даже слишком понятно в этом вопросе молчание костела. Костел не заинтересован в том, чтобы все поляки выехали из Казахстана. Ведь поляки это основа и опора католицизма в этой стране. Во многих польских селах за последние годы здесь построены костелы. Пошло на это много сил и средств. Отсюда вывод, если польское государство на самом деле собирается забирать поляков из Казахстана, тогда зачем там надо строить такие величественные католические храмы? Ведь не для русских же или казахов!

Видимо также считают в министерстве иностранных дел Польши в Варшаве и в польском посольстве в Казахстане. Чи-

попытки там прилагают максимально стараний, чтобы репатриацию затормозить. Это им несомненно удастся. С каждым годом количество репатриантов не увеличивается, а уменьшается. Если так пойдет и дальше, то пока выйдет эта книга, их число приблизится к нулю.

Кстати о казахах. До развала СССР казахов в селе жило буквально несколько семей. Перебрались из Жаркаина. Сейчас практически все оставленные немцами дома заняли казахи. Эти уже поприезжали сюда в основном из типично казахских, отдаленных от польско - немецких районов, как например, валихановского, энбекшильдерского, кзылтуского. Там наспех сколоченные и пору целинной горячки совхозы развалились в первую очередь, оставив своих членов буквально с голыми членами.

Теперь по Зеленому Гаю словно по аулу какому бродят в поисках хотя бы какой – то полузасохшей и вытопанной травки невысокие и далекие от упитанности кони без седла, с одной только уздечкой. Их хозяева, приезжая по делам или просто в гости друг к другу даже не пробуют искать для своих коней какую – либо привязь. По давней степной привычке оставляют их по просту там, где слезли, в кювете или же возле плота и идут в дом.

По околицам села в свою очередь бегают с тревожным блеянием большие и меньшие отары баранов. Видно еще боятся потерять новые места нахождения. Молодые и старые казахи и казашки возле своих новых домов обсуждают какие – то свои новые и старые проблемы.

В доме на самом углу села, где когда – то жил мой учитель физики Шеффер теперь тоже живут казахи. В один из выходных дней я проезжал там. Возле дома огромная белая юрта. В соответствии с доброй старой казахской традицией именно в таких юртах в старину отбывались свадьбы. Так было и этим разом. Прямо во дворе в огромных котлах – казанах готовилось мясо, естественно баранье. Возле очагов одетые скорее по – старинному, чем по - современному стояли старые казашки. Возле них крутились подростки и дети. Впечатление такое, словно вдруг попал

в какой – то кочевнический аул. Смотришь на все это и чувствуешь, что хочется воскликнуть уже не “о, Боже!”, а “о, Аллах!”

Иногда можно увидеть также проезжающего по селу на своей плоской бричке какого – нибудь одинокого казаха. А с боку, как во времена моего далекого детства, бежит один, а нередко и два высоких и молчаливых пегих или черных пса. Кажется, эта порода называется – тазы.

Людмила Витальевна, директор школы, которую я знаю еще со школьных лет, подытоживает увиденное мной:

- Если помнишь, во времена нашей молодости редко в каком классе был хотя бы один ученик казах. Сейчас казахских детей в школе более тридцати процентов. С каждым годом число их увеличивается. Также, как и число учителей – казахов в нашей школе.

В голосе директорши слышится некоторое удивление и неуверенность. Ее можно понять. Молодые казахские кадры активно приходят на смену всем остальным национальностям. За пару лет делопроизводство в стране снова будут переводить на казахский язык. В этот раз спокойнее, без спешки. Скорее всего, теперь удастся.

Я стараюсь относиться ко всем этим изменениям с философским спокойствием. Так должно было быть и так есть. Видимо действительно были правы древние греки, когда утверждали: все течет, все изменяется, в одну и ту же реку два раза не войдешь. Если не ошибаюсь, это изречение впервые услышал как раз от мамы Людмилы Витальевны, которая учила меня когда - то истории.

Боюсь, что сильно ошибались те, кто думал, что благодаря оставшимся в селах полякам, также и другие национальности начнут ходить в костелы. Ожидаемого наплыва верующих в католические храмы не видать, хотя поначалу так вроде и было.

Помню, когда в начале девяностых годов в Зеленом Гае построили один из первых костелов в целой округе и наверное один из наибольших и наилучших во всем Казахстане, в выходные дни костел был забит до отказа. Приезжали даже верующие

из соседних поселков. За этот месяц, что я находился в Зеленом Гае, в костеле был несколько раз.

Костел даже по воскресеньям заполнялся едва ли на одну треть. Двадцать пять – тридцать старушек, десятка полтора детей, несколько человек в среднем веку. Почти всегда одни и те же лица. Приходит на молитву вряд ли больше, чем одна десятая часть поляков села. Мне кажется, для того чтобы в современных условиях, после стольких лет оторванности от религии, в костел решились бы пойти даже те, которые об этом никогда и не думали, должна быть какая – то цель в жизни, перспектива. А ее не видать, точнее, ее заглушают, замыкают.

Помню, когда в селах появилась надежда на переезд в Польшу, мать того же Франека Туровича говорила:

- Надоела мне уже эта колхозная жизнь. То хлев, то огород, то кухня. Каждый день одно и то же! Нету уже на все это здоровья. В Польше буду проситься в какую – нибудь благоустроенную квартиру в городе. Может хоть там немного отдохну от всего этого!

Не доведется ей пожить в Польше! Вскоре после смерти сына умер и муж ее, а куда же ей теперь одной?

Наверняка поначалу многие приходили в костел именно потому, что была вера в массовую репатриацию, то есть организованный переезд для всех желающих. Теперь же среди сельчан вместо оптимизма апатия. Люди измучены затянувшейся экономической неразберихой, политической неясностью, материальными проблемами. Большинству уже не до религии. Главная забота – о хлебе насущном. Как говорится, не до жиру, быть бы живу.

Смотрю на костел, смотрю на мечеть. Мечеть в Зеленом Гае маленькая и на отшибе. Костел большой и в центре села. Численность поляков уменьшается, численность казахов растет. Не знаю, если все и дальше будет продолжаться в таком же темпе, как бы со временем полякам и казахам не пришлось поменяться своими храмами. Одно только и утешение, что Бог-один! А может со временем и само название села изменят? Вро-

де бы были уже такие пробы. Как там будет Зеленый Гай по – казахски? Жасып Тогай, что ли?...

Многие пошли в костел также еще и потому, чтобы подучиться здесь не только религии, но и польскому языку. Сомнительно, однако, чтобы ему можно было здесь научиться. Скорее, наоборот.

Месса в костеле отбывается в двух языках – польском и русском, с преимуществом русского. Бабушки держат в руках листки бумаги с написанными для них русским переводом тех молитв, которые они были еще с детства приучены произносить по – польски и ломая язык, с трудом произносят теперь эти молитвы по – русски. На алтаре одна только надпись, да и та на русском языке. “СЛОВО БОЖИЕ” - написано на нем большими буквами.

В последнее время богослужения в костеле отправляет ксендз Мирослав. До него в Зеленом Гае было уже три ксендза. Разное о них говорят. О ксендзе Мирославе только хорошее. Например, прихожанам очень понравилось, что когда во время мессы приходит пора обращаться к верующим со словами: “мир нам всем!”, ксендз не произносит эти слова с амвона для всех одновременно, как это делается обычно, а сходит вниз к верующим и подходя по очереди к собравшимся и приветствуя всех за руку, повторяет эти три слова каждому.

Конечно это забирает немного времени, но прихожанам такой способ контактования с ксендзом нравится. Самые богобоязненные старушки стараются при okazji даже поцеловать ксендзу руку. Надо сказать, что даже для глубоко религиозной Польши такой способ приветствия и пожелания мира является необычным. Во всяком случае очень редким.

К сожалению, ксендз несмотря на молодой век – вряд ли больше тридцати лет – имеет не наилучшее здоровье. Есть проблемы с сердцем, с давлением. Иногда ему стоит больших, видимых всем усилий закончить мессу.

Люди полюбили ксендза за его общительность, добрый, неунывающий характер.

- Дай ему Бог здоровья! - не раз произносят вслух старушки.

Кстати, о старушках. Среди остальных прихожан они действительно самые ответственные и совестливые. До сих пор мне слышится, как чуть дрожащими с хрипоткой голосами они старательно выводят по – польски:

“О, Марья, Марья, уцечка едына....” То есть, о, Мария, Мария, единственное спасение.

По правде говоря, эти дрожащие голоса поморщенных лихолетьем казахстанских старушек – полек, для меня дороже пения любого классического религиозного хора в Польше. А сколько их так и не дожило до того дня, чтобы хоть раз появиться в костеле, постоять перед иконами на коленях, помолиться за себя и детей своих? Сколько их было таких, которые явно, а чаще всего тайно прививали своим детям и внукам любовь к той Польше, крохи которой они привезли в Казахстан в своих сердцах.

Коберские, Дермоновские, Богинские... Всех просто невозможно перечислить не из нашего села, ни тем более из других польских сел. Вечная им память и слава!

Сию рядом со всеми в костеле, смотрю на сидящих вокруг дедушек и бабушек, самые младшие из которых это уже мои ровесники и ровесницы, и непонятная грусть, обида и жаль одолевают меня. Кажется еще так недавно все мы были подростками, веселыми и беззаботными, а теперь? О, небо, как летит время!

При этом костеле под несколько необычным и в тоже время многозначительным названием Сошествие Святого Духа, почти от самого его основания существует прекрасный хор девочек. Чистыми, звонкими голосами поют они религиозные песни не только по – русски, но и почти без малейшего акцента по – польски. Исполняют они эти песенки удивительно старательно и талантливо.

Закрываю глаза, слушаю слова, музыку и чувствую, как пение девчушек словно пение степных жаворонков вливается в меня. Словно какой – то целительный горячий бальзам струится по моему сердцу, заполняет мне душу. Это наверное единственное, что еще приносит радость и поддержку людям посре-

ди остальной окружившей их серой и непонятной реальности. Воистину говорится: блажен, кто верует!

К сожалению, в костеле нет для хора соответствующего музыкального сопровождения. Хотя способный музыкант, к которому ксендз обращается официально по имени – отчеству Иван Иванович, есть. Ксендз мечтает о органе:

- Имею надежду, что нам удастся раздобыть где – то в Польше пусть не большой и не новый, однако настоящий орган. Верю в это!

Я тоже верю. Обещаю даже порасспрашивать об этом в Польше. По правде говоря, заслуживает этого и сам ксендз, и девочки с костельного хора, и те старушки, которые в любую погоду приходят в костел еще за два часа до начала мессы, чтобы посидеть там в тишине и помолиться. Помолиться за души всех тех, которые умерли, так и не увидев в своей жизни костела, не услышав торжественного проведения богослужения. Пусть господь Бог всегда будет с ними и с нами со всеми!

А как же в селе с другими общественными местами, где еще могут собраться люди? Пусть не молиться, а просто поговорить о своих делах, проблемах, временами даже повеселиться. Не мог не прийти, не заглянуть в Дом Культуры. Тот самый, который был построен на переломе шестидесятых и семидесятых годов. Как раз в те годы, когда проходила моя юность и юность моих ровесников и ровесниц. Собственно, неплохо людям уже тогда жилось и все верили в еще большее светлое будущее.

ДК эти мечты реально олицетворял. С огромным, почти на пятьсот мест кинотеатром, таким же большим фойе для танцев, с различными большими и меньшими кабинетами для разных игр и забав.

Он и сейчас неплохо смотрится. Снаружи даже обновен, покрашен. Весь в окружении выросших, зеленых деревьев. А рядом с ним неухоженный, заросший кустарниками и бурьяном позабытый и никому уже не нужный старый клуб. Тот самый, с которым связано детство и молодость многих спецпереселенцев.

Он теперь, как старый и слабый дедок рядом с женщиной и силе веку. Стараюсь и я на него не смотреть; сердце болит. Только в ушах сначала тихо, а потом все громче начинают звучать мелодии позабытых, старомодных и стародавних вальсов, краковяков и полек. Снова слышу я смех танцующих и веселый перестук относительно модных в то время туфелек и ботинок тех, большинства из которых уже нет на этом свете. Были они все не слишком богатые и не очень грамотные, но имели гордость в душах своих и щедрость в сердцах. То есть то, чего многим из нас сейчас как раз не хватает.

- Боже, будь милосердный к ним! - склоняю я над их памятью на минуту голову.

Дом Культуры сейчас большую часть времени также пустует. Уже много лет не привозят и не показывают фильмы. Не оплачивается. Собрания практически не проводятся. Общеколхозные сейчас не в моде, а местные, бригадные собираются на полевых станах. Иногда только, в субботние и воскресные вечера приходит на танцы в фойе молодежь. Приходят они, впрочем это может быть только на мой взгляд, в несколько странный способ.

Еще накануне племянник предупредил меня:

- Слишком рано туда не приходите, никого еще там не будет.

- А я и не собираюсь рано – ответил ему, - пойду ближе к концу танцев, посмотрю как что.

Пришел за полчаса до полночи. Вокруг пусто и полутемно. Только у входа виднеются тени двух – трех покуривающих подростков. Опоздал или может танцы отменили, мелькнула мысль.

- А где все остальные? - спросил на всякий случай у пареньков.

- Еще рано! - в меру вежливо, но с заметной ноткой превосходства объясняет мне молодежь. - Придут после двенадцати.

Во времена моей молодости, после двенадцати танцы уже заканчивались, констатировал я грустно сам себе, утром ведь надо было идти на работу. Вздохнул, повернулся и пошел обратно.

По поводу танцев чуть позже выяснил еще один интересный момент. На танцы в зеленогайский ДК в последнее время приходит в основном казахская молодежь. Поляки предпочитают ездить группками на мотоциклах в Ясную Поляну или еще дальше, в Вишневку.

- Почему так? - спрашиваю опять же племянника.

Ответ на мой взгляд несколько странный и необычный.

- У казахов свои песни, свои интересы – ответил он. – Они по – своему веселятся.

Сад! Не мог конечно обойти его ни своим вниманием, ни своим присутствием. Нашел время, чтобы побродить и по нему. Когда – то это был единственный зеленый оазис, единственная радость и утешение для глаз и для душ первых спецпереселенцев. Помню и я вместе со своими ровесниками провел здесь босоное детство в нехитрых играх и забавах.

Теперь сада, как единого целого практически уже нет. Есть несколько больших и меньших его участков густо поросших давно не стриженной старой акацией. Нет уже и следа от того архитектурного замысла, существовавшего некогда на плане. Полностью потеряна красота маленького зеленого островка – оазиса, который так старательно высаживали седоволосые старики. Жаль!

Всю левую часть фасадной части сада занимают теперь старое и новое помещения конторы и сельсовета. В правой половине сада находится школа с прилегающими к ней разными спортивными сооружениями. Школа большая, двухэтажная. На счастье, ее успели построить еще до развала Советского Союза. Школа да костел, это пожалуй единственные сооружения, которые украшают село. Ну, может еще Дом Культуры. Можно еще вспомнить и то здание магазина, который почти полвека назад произвел такое огромное впечатление на меня, четырехлетнего малыша. Сейчас уже не производит. Да и нету там магазина. Сейчас здесь размещается пекарня. Зашел и я туда, купил себе буханку свежего, горячего хлеба. Был очень вкусный этот зеленогайский хлеб!

Противоположный конец сада, потеснив также угол его, занимает новая большая баня. От бани как раз пользы много меньше, чем ожидалось. Работает кое – как, да и то один только зал. По пятницам моются в нем женщины, по субботам - мужчины. Другие, подсобные помещения вообще не работают.

Что еще? На другом конце сада, напротив старой конторы, поставлен из бетонных плит огромный туалет. Недостроен. Стоит без окон и дверей. Недалеко возле него просматривается среди высоких сорняков фундамент еще какой – то постройки. Неизвестно, что здесь было запланировано, но с трудом верится, что на этом фундаменте будет что – либо когда – либо стоять.

Тому яркий пример – с противоположной стороны сада, на том самом месте, где когда – то стояла старая школа. Также еще в лучшие годы своего расцвета колхоз начал строить здесь детский сад. Большой, двухэтажный. Уже были возведены толстые из красного кирпича стены, поставлены лестничные парапеты, начали работы на крыше. Начали и... закончили стройку.

Достраивать нет денег, да и нет смысла. При рыночной экономике содержание садика будет стоить огромных средств. Родители не будут в состоянии платить за своих детей. Да и никто не поведет туда своих несмышленишек. Ведь в каждой семье имеются безработные, вот и будут за детьми смотреть. Еще не законченный, но уже никому не нужный детсад начинают ломать и растаскивать.

Смотрю на него и имею такое впечатление, что здесь произошел какой – то взрыв. Повылетали окна и двери, и стройку решили прекратить. Теперь все зарастает травой и бурьяном. Никого это не удивляет и не шокирует. И стоящий чуть в стороне величественный памятник погибшим в войну солдатам – землякам, прообразом к которому послужило грустное, задумавшееся лицо молодого Пигина ничуть всю эту окрестную безнадёжность не развеивает.

На половине дороги между старой школой и старым клубом размещалась когда – то старая контора. Теперь там находится небольшая гостиница. Проходя мимо этого места, я вдруг

припомнил маленькую историйку со времен распашки целинных земель, со времен моего детства. В ту пору я уже научился читать и чувствовал просто какую – то тягу к печатному слову и непонятное восхищение перед теми людьми, которые пишут. Тогда для меня не имело значения, кто что и где пишет. Не имело также особого значения, была ли это газета, журнал или же книга. Я читал все, что попадет.

Люди пера вызывали во мне прямо какой – то восторг. Их профессия казалась мне по крайней мере на голову выше всех остальных профессий, в том числе ученого, военного, тем более разного там рода чиновников. Первого представителя пишущей братии мне довелось увидеть еще во время целинной эпопеи, когда мне было лет десять, не больше.

Появился он у нас в селе со своей женой на два или три летних месяца. Не помню точно, почему на такой долгий срок. Может потому, что тогда целина была еще популярна и он должен был написать серию репортажей на эту тему, или даже собирал здесь материалы для книги. Наши сельчане называли его коротко - газетчик. Но в отличие от меня в их слове звучало больше иронии, чем восхищения.

Газетчику было лет за сорок. Этаким плотный мужик с рыжей кудлатой шевелюрой, в изрядно потертом, некогда наверное модном сером костюме. С утра его чаще всего можно было то увидеть возле конторы. Может собирал какой – то документальный материал для своих произведений и хотел с кем – то здесь встретиться или еще почему.

К сожалению, примером образцового работника советской прессы он не служил, особенно к вечеру, когда его искать уже надо было в магазине возле вино – водочного отдела. В вечернюю пору газетчик почти всегда уже был выпивший или же просто пьяный. А когда был пьяный, то как практически каждый нормальный русский мужик любил поскандальить, особенно в семье.

Несмотря на такой явный дефект единственного известного мне представителя прессы, я смотрел на него с восхищением. Наши сельские бабы – наоборот. Не раз возле клуба или сель-

совета громко комментируя его поведение, они обменивались между собой такого рода репликами:

- Газетчик называется, а жену бьет!
- Еще как бьет! Покрепче любого колхозника!

Как может газетчик бить жену, я тоже не понимал, но само слово газетчик было для меня, как магия.

Потом он вместе со своей невезучей женой исчез также неожиданно, как и появился. Однако то, что я виделся с настоящим газетчиком, с представителем людей наделенных исключительными способностями еще долго оставалось в моей памяти, наполняя меня каким – то необычным вдохновением. И кто знает, может это как – то сказалось на моей судьбе и на моей профессии писателя.

Не могли мы конечно с отцом не пойти на кладбище, где лежат почти все из тех первых ссыльных, что были выброшены сюда, в чужую и неудобную степь. Здесь лежат те, которые между собою дружили и те, которые враждовали друг с другом. Здесь лежат они, их дети, и даже уже их внуки. Здесь лежит молчаливая память села.

Я уже привык к польским кладбищам, чистым и ухоженным. Прямые и строгие католические кресты, словно стражи стоят над мраморными и гранитными плитами. Зажженные свечи и свежие цветы, которые там частые гости, только подчеркивают уважение к умершим и веру в то, что тот мир все – таки существует и мы все когда – нибудь там встретимся.

В Зеленом Гае на кладбище мало что изменилось, разве что добавилось много новых могил. А так большинство могил, особенно старых густо поросло травой. Деревянные кресты, как католические, так и немногочисленные православные покосились. Некоторые из самых старых упали. На тех могилах, которые сделаны во времена наилучшего расцвета села, то есть в основном в семидесятых и восьмидесятых годах также виднеются мраморные или каменные плиты, кресты. Почти на всех крестах еще различимы фамилии, на некоторых виднеются фотографии.

Отец проходя по рядам, внимательно вчитывается и всматривается в информацию. Он знает лучше меня тех, кто здесь лежит. Иногда крестится или же произносит короткую молитву. Временами комментирует:

- Здесь вот Франек Жоломски похоронен, а здесь вот Стасик... Божь, не оставь их без своего внимания и опеки! А здесь лежит Рубин. Был хорошим человеком и хорошим бригадиром в нашей четвертой бригаде.

Молча проходим еще возле нескольких обветшалых могил и крестов, останавливаемся.

- А здесь вот лежат наши Ляшинские... Надо будет сказать Викторце, чтобы покрасила оградку. Совсем обшарпалась!

Молимся и отходим.

Немецкие могилы выглядят получше, иначе. Фамилии на них написаны по – немецки типичным готическим шрифтом. Среди умерших за последние годы немецких фамилий практически нет. Все немцы теперь умирают в Германии. Поляки – кто где. Разъехались. Большинство перебралось в Россию и на Украину. Многие из смешанных немецко – польских семей уехали в Германию. Всего человек сто – сто пятьдесят из тех, что родились в Зеленом Гае поселилось в Польше. Да, пока что немногим своим землякам польское правительство предоставило возможность жить, а значит и умереть на родине предков – в Польше. Грустно!

Время от времени родственники похороненных здесь немцев приезжают сюда, обновляют могилы, оградки, ставят новые кресты. Делают все старательно, по – хозяйски, как это всегда бывало у немцев. А деньги на это имеют.

Возле одной также богатой могилы, но не немецкой отец остановился. Даже не стал читать фамилию. Вгляделся только в фотографию и из уст его вырвалось:

- А-а, это тот гад!

Отец сильно верующий и такие эмоции на кладбище ему совсем не подходят. Всмотрелся и я. С фотографии на меня смотрело холеное, уверенное в себе лицо уже пожилого человека. Серые глаза наполовину пустые. Читаю: Грабецки.

- Сколько же из – за тебя, сволочи, люди крови и слез пролили? Сколько в сибирь пошло и не вернулось?

Отец хотел еще и сплюнуть, но вовремя вспомнил, где находится и только безнадежно махнул рукой.

В молчании покидали мы кладбище. Боже, воздай каждому за его заслуги и за его грехи!

Разные люди приходят отвезти нас в Зеленом Гае. Зашел и еще один, знакомый отца со времен молодости, Скурински. Сейчас живет возле Кокшетау, в Красном Яре. Еще в меру здоровый и крепкий, а главное, уверенный в себе.

- Проезжал я через эту Польшу в Чехословакию когда - то по торговым делам. Было это лет двадцать назад, я тогда в облпотребсоюзе торговлей заведовал - горланил гость словно бы находился на каком – то огромном, многолюдном митинге, хотя нас сидело за столом всего несколько человек. – Видел эту Польшу из окна вагона. Один на горбу какую – то торбу ташит, другой коником землю пашет. Беда, вижу! Нет, не поеду я туда жить, хотя тоже поляк...

Хотел я ему сказать: “человек, ты здесь посмотри за окно, как люди жили двадцать лет назад и как сейчас живут! Так в Польше как раз наоборот!” А потом вспомнил старинную поговорку: из Ивана пан может быть, но из хама пан – никогда! Вспомнил и промолчал.

Правдой есть и то, что многие, особенно те, что постарше, действительно боятся куда – либо выезжать, боятся хоть каких – то перемен в своей жизни. Дочке Марии Кадельской удалось поступить учиться в институт в Польше. Уговорила мать приехать к ней хотя бы в гости, посмотреть, как живет, а потом может и на совсем решиться к ней перебраться.

Через месяц Мария, которая до этого редко выезжала даже за пределы своего района, вернулась обратно перепуганная и потрясенная нахлынувшими на нее за время поездки всевозможными впечатлениями и информацией.

-Нет, теперь уже больше до конца жизни никуда! - рассказывала она чуть ли не шепотом собравшимся соседкам. - Такая

даль и все вокруг незнакомое. Ни языка не знаю, ни людей... Нет, уж видно здесь помирать буду!

В связи с этим мне припомнилась одна восточная легенда. На окраине леса охотники подобрали потерявшегося маленького львенка. Отвезли его в зоопарк одного из больших городов. Долгие годы прожил он там в железной клетке, радуя своей грозной внешностью многочисленные толпы зевак.

Когда лев состарился, работники зоопарка в благодарность за то, что принес им столько прибыли, решили выпустить его доживать свой век на свободе. Привезли на ту самую полянку в лесу, где когда – то подобрали его маленьким, открыли дверцы клетки.

Лев выходить явно не торопился, наконец сделал два – три осторожных шага и снова остановился. В этот момент где – то поблизости треснула сухая ветка. Царь зверей задрожал всем телом, поджал хвост и тут же бросился опретью обратно в клетку. Больше люди так уже и не смогли выманить его выйти на свободу. Увезли доживать свой век обратно в зоопарк.

Так все получилось и в случае с этой моей землячкой, да наверное и не с нею одной. И не смеяться здесь надо, не подшучивать над бывшими ссыльными бывших колхозов. Просто по – человечески скорбить и сочувствовать им всем.

Не мог не побывать, конечно, и в Кокчетаве, в Кокшетау, по – нынешнему. В городе, в котором началась моя самостоятельная жизнь. Здесь женился, родились и выросли мои дочери. В городе, в котором имел много друзей и где последние годы перед отъездом в Польшу занимался как раз польскими делами.

Города почти не узнать. Едва ли не в каждой многоэтажке появились какие – то магазинчики и киоски. Рекламы на них почти все на казахском языке. Продавцы в основном тоже казахи. Торговля уже вся приватизирована, объяснили мне.

Также национальные кадры во многих других учреждениях, например, в милиции, таможенной службе. Эти структуры принадлежат конечно центральным властям. Кого – то такая

неожиданная “казахизация” всех важнейших отраслей государства может быть и удивляет. Меня нет. Казахи, особенно городские, пока что, правда, даже между собой, хоть в работе, хоть в быту разговаривают чаще всего по – русски. Однако и это со временем пройдет. Растут новые, более энергичные и напористые кадры, которые популярное выражение мой Казахстан, скорее всего будут понимать в смысле казахский Казахстан.

В Кокшетау запланировано размещение нескольких министерств и ведомств, поэтому улицы приводятся в порядок, дороги расширяются и асфальтируются. И изменяются названия. Были Маркса, Ленина, Советская, Комсомольская и так далее, и тому подобные. Теперь их изменяют на известных в прошлом ханов и султанов, а так же акынов – поэтов. По моим подсчетам придется изменить до девяносто процентов прежних, советских названий улиц и переулков.

Как внешне, так и внутренне этот город становится уже совсем другим городом в отличие от того, в котором я жил и который я знал.

Собралась встретиться со мной небольшая группка поляков из числа тех, с которыми когда – то я начинал свою деятельность в польском обществе. Тех, с которыми мне так хорошо работалось, с которыми делили мы наши первые успехи и радости. Остальных из моих бывших коллег нет. Большинству из них удалось выехать в Польшу. Конечно не благодаря какому – то там специальному приглашению польского правительства.

Просто работая активно в структурах общества, занимаясь поленинной деятельностью они имели больше возможности бывать по разным делам в Польше или же встречались в Казахстане с польскими учителями, разными деятелями из соответствующих польских организаций и учреждений. Вот и пользуясь этими знакомствами, связями, большим желанием и настойчивостью часть моих земляков нашла себе место на дальнейшую жизнь в Польше. Живут, как могут. Никто особенно не интересуется их бывшей деятельностью в польских обществах, кем были там и кем стали здесь. Иногда только я припоминаю себе их фамилии: Нина Рупетович, Болеслав Ветвицки, Ирена

Осинска.... Что ж, так видно должно было стать и так есть.

Плачет мое сердце.

Сию со своими коллегами из польского общества за наскоро накрытым столом. Беседуем. Нет ни люксовой выпивки, ни закуски, но есть, что намного важнее, добрая память и слова моих земляков. Общество наше “Поления Пулночна” еще живет, но судя по коротким и не слишком оптимистическим репликам моих собеседников, в обществе не все идет так, как надо. Мне все – таки хочется верить, что общество наше будет жить и дальше, пока живет хотя бы один поляк в Кокшетау. Оно нужно им. В свою очередь собравшихся за столом больше интересует, как идут дела в Польше, как мне там живется?

- Вот ты, Анатолий Николаевич, в Польше уже восемь лет. Наверное все уже хорошо изучил, во всем разобрался. Так скажи нам прямо, как своим землякам, все там хорошо? Не жалеешь, что переехал туда жить?

- Правду? Пожалуйста! Жалеть абсолютно не жалею, но сказать, что в Польше все идет хорошо, все делается так как надо, тоже не скажу. Во всяком случае, многое могло бы там делаться лучше. Только все это так просто не расскажешь. Надо самому там хоть немного пожить и узнать.

В организованную, а не наполовину партизанскую репатриацию мои земляки уже тоже не верят. Не верят и в очередной Устав о репатриации, который приготовили сейм и сенат Польши. Объясняют свое недоверие такими рассуждениями:

- В прошлом году совсем рядом с твоим Зеленым Гаем, в Ясной Поляне, был министр иностранных дел Польши. Плакался, что Польша бедная, поэтому не может забрать сразу всех желающих. В этом году в Астане был сам премьер Польши. Встречался там с местной полонией. Твердил то же самое. Но ведь все это от разных приезжающих чиновников мы слышим из года в год! Что ты на это скажешь?

Что скажу? Все это мне не ново и известно не хуже, чем им. Уже почти пятнадцать лет, с тех самых пор, как начал за-

ниматься польскими делами, я много раз слышал и знаю все эти отговорки. Уж что – что, но в вопросе создания трудностей для репатриации деятели всех политических партий Польши исключительно единодушны и способны.

Проблему репатриации они передают друг другу, словно эстафетную палочку. Правдой есть, что и общественное мнение в Польше сделалось намного более безразличным и слабосильным по отношению к проблемам своих земляков на востоке. Стало совсем другим, чем было в первые годы после провозглашения новой демократической Польши. Сейчас всех больше интересует жизнь в Европейском Экономическом Сообществе, в которое Польша входит в ближайшее время. Проблемы далеких казахстанских земляков отодвинулись на второй план.

По – прежнему непонятно официальное молчание по вопросу репатриации польского епископата. А ведь католический костел это самая сильная и влиятельная организация в Польше. Достаточно было бы ему публично благословить и поддержать репатриацию, как нашлись бы и места для казахстанских поляков и польское общество сделалось бы намного более приветливым и гостеприимным в этом вопросе. Но этого нет.

- Верьте! – говорю все же со вздохом своим собеседникам. Точно так же говорил лет десять назад другим своим друзьям, с которыми мне так и не удалось в этот раз встретиться. – Надо верить, дорогие мои.

- Верим! - подобным же тоном отвечают мне земляки. – Ведь мы же верующие, католики.

Выпили мы хорошо за нашу веру, и не чаю или там кофе, а того, что было на столе покрепче и попрощались. Не знаю, кого из них и где я еще увижу. Может даже на новой старой родине - в Польше. Если всем нам посчастливит, конечно.

Плачет мое сердце.

На другой день перед тем, как отправиться на вокзал я встретился в областном управлении культуры с Куралай Газизовной, очень общительной и симпатичной женщиной. В те

годы, когда я руководил в Кокшетау польским обществом, она как раз заведовала национальными вопросами. Встречались мы по служебным делам и разговаривали тогда довольно часто, но никогда у нас не было каких – то конфликтов или недоразумений. Все вопросы решали спокойно, уважая работу друг друга.

Вот и теперь встретились мы, как старые знакомые. Разговаривали коротко, буквально несколько минут, но попрощались, оставляя друг другу добрые о себе воспоминания.

На автовокзале произошла еще одна необычная встреча. Моим соседом в автобусе оказался Владимир Владимирович. Когда – то он заведовал идеологическими вопросами в обкоме и представлял областные власти на памятной организационной конференции нашего польского общества. Сейчас Владимир Владимирович ехал этим же автобусом к своим родственникам в Ясную Поляну. Оказывается, он тоже наполовину поляк. Только сейчас я узнал об этом. Тогда на конференции мы с ним еще энергично подискуссировали о том, кто должен был быть председателем областного общества и где он должен был находиться, в областном центре или в одном из районов с польским населением.

Теперь же мы сидели друг с другом и мирно беседовали о всех тех изменениях и проблемах, которые появились за время моего отсутствия в Казахстане. Когда проезжали через Тайншу, бывший Красноармейск, не могли конечно не вспомнить и первую руководительницу нашего областного общества Ольгу Пшилуцку, которая как раз здесь жила. В ближайшие дни она должна была отмечать круглую дату своего рождения. Подобно, меня тоже приглашала.

Я поехать не решил, не знал, как потом поздним вечером смогу вернуться обратно в Зеленый Гай. Попросил через своих коллег из Кокшетау передать ей поздравления и самые лучшие пожелания. Владимир Владимирович в свою очередь пообещал по этому же поводу ей позвонить. Сидели и разговаривали мы всю дорогу, как добрые старые знакомые.

Что ж, со временем взгляды на людей и на их поступки не редко изменяются. Все мы в чем – то ошибаемся! Как там сказано в библии, кто из вас без греха, пусть первый бросит в нее

камень? Вот – вот, не отнять, ни добавить!

В последний раз иду по селу, в котором все меньше и меньше знакомых и близких мне лиц. Уже нет тех, кого выслано вместе с детьми в Казахстан и все меньше тех, кто видел первых ссыльных. На улицах все больше незнакомых и просто чужих людей.

Практически уже не услышишь на улице польского приветствия “дзень добры” или же прощального “до видzenia”. Разве что от самых старых земляков. Но стареют, исчезают дома и стареют, исчезают их бывшие владельцы. Все меньше Зеленый Гай напоминает мне то село, которое видел в десять лет, в двалцать, в сорок. Так и хочется воскликнуть вслед за великим Сергеем Есениным: «жизнь моя, иль ты приснилась мне?»

Вроде бы все здесь свое, родное, а все – таки... Нет, никогда уже не будет ни того села, ни тех людей, ни той жизни. Пусть все это останется хотя бы в моей книге, в наших душах и памяти.

Прощаюсь со всеми и всем.

Плачь, мое сердце!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	5
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	7
ВРЕМЕНА СТАЛИНСКИЕ	13
ВРЕМЕНА ХРУЩЕВСКИЕ	141
НАШЕ ВРЕМЯ	223
КАЗАХСКОЕ ВРЕМЯ	305